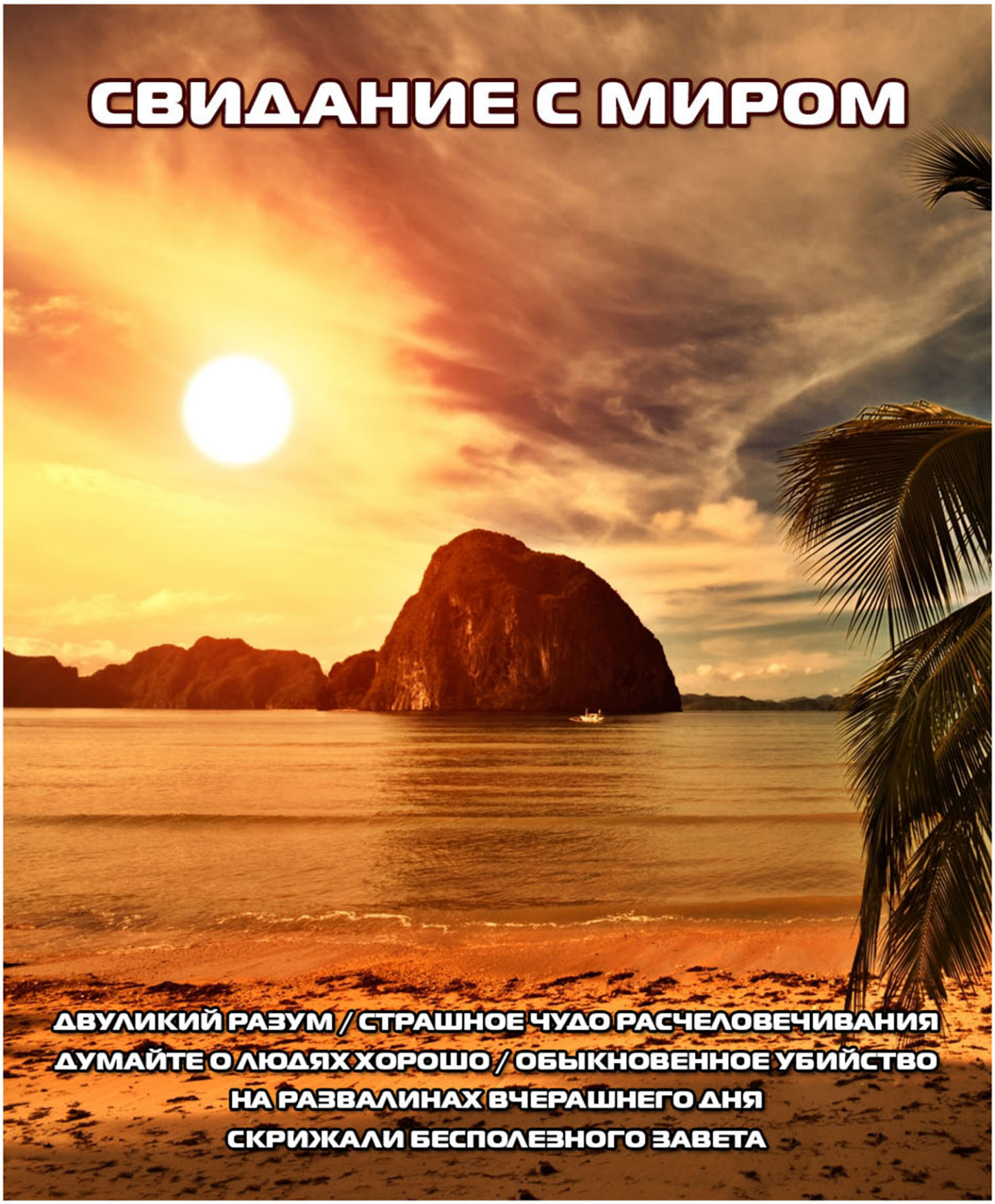
Духовно-познавательный журнал
OURSPACE
НАШЕ ПРОСТРАНСТВО
№25
ИЮЛЬ
2022

Кто желает блага, тот должен желать блага, равного миру

СВИДАНИЕ С МИРОМ

ДВУЛИКИЙ РАЗУМ / СТРАШНОЕ ЧУДО РАСЧЕЛОВЕЧИВАНИЯ
ДУМАЙТЕ О ЛЮДЯХ ХОРОШО / ОБЫКНОВЕННОЕ УБИЙСТВО
НА РАЗВАЛИНАХ ВЧЕРАШНЕГО ДНЯ
СКРИЖАЛИ БЕСПОЛЕЗНОГО ЗАВЕТА

Духовно-познавательный журнал
OURSPACE
НАШЕ ПРОСТРАНСТВО

№25
ИЮЛЬ
2022

В НОМЕРЕ:

Картина мира
2 Двуликий разум
8 Реальный мир иллюзий

Этика, принцип, философия
15 Страшное чудо расчеловечивания
20 "Среди наших погибших нет"
23 Думайте о людях хорошо

Анатомия Учения
27 Современная история Учения: 1994-2002
33 Не только Учение
38 В трудный путь

По Учению
43 Предназначение человека по Учению

С точки зрения Учения
51 Свидание с миром
56 Право на труд
60 Обыкновенное убийство

Человек, общество, мир
65 На развалинах вчерашнего дня
71 Мёртвые души
75 Духовник и психолог, или Оптимизм уместен
79 Личность и общность: в поисках единства

Актуальный комментарий
86 Вперёд в прошлое?
89 Никогда, кроме...
91 Утопия-2045
94 Скрижали бесполезного завета

Достойное кино
98 Первая кровь

Человек и Вселенная
104 Обязанные быть другими

По страницам пандэкта
109 Наше утешение

Цитаты и высказывания
113 Ничто на свете не освобождает от обязанности...
115 Частица VII, 137
118 Дэон X, 20

Вопросы и ответы
121 О пожелании доброго пути врагам
123 О совершенствовании за одну жизнь
126 Об исключении из Учения

№25
июль 2022

Духовно-познавательный журнал
OURSPACE
НАШЕ ПРОСТРАНСТВО

Духовно-познавательный журнал «Our space» («Наше пространство»)

Первое интернет - издание, посвящённое Учению Единого Храма. Тематика журнала охватывает пространство жизни Учения, его взгляды на мир и человека, его отношение к различным явлениям жизни и событиям.

Журнал не является строго периодическим и выходит только в электронном варианте.

Сайт издания расположен по адресу:
http://amra.space/

Материалы публикуются на сайте по мере их написания. Вопросы и предложения можно отправить через форму обратной связи.

© 2022 «OUR SPACE»
Все права защищены.

При полном или частичном использовании материалов ссылка на «OUR SPACE» обязательна. В случае использования материалов на интернет-ресурсах обязательна гиперссылка на сайт www.amra.space

Двуликий разум

Есть такое выражение: «Ум зашёл за разум». Все прекрасно понимают его значение, — но если спросить «А что такое ум и что такое разум? Это одно и то же, или два разных явления?», думаю, с ответом возникнут затруднения. Причём подобные затруднения возникают не только у отдельных людей, — если судить по тому, например, что в некоторых языках то и другое обозначается одним словом. Но на самом деле всё ещё сложнее. Потому что если отложить в сторону понятие «ум», и попытаться объяснить хотя бы, что такое разум, то окажется, что это точно не известно. Люди наделены разумом, они пользуются им, но не понимают его. А ведь получается, что разум пытается познать сам себя, — коль скоро мы исследуем его с помощью него же. Вот такая загогулина...

Чтобы хоть немного представить себе глубину проблематики, нужно понимать, что разум — это не просто характеристика отдельного человека или всего человечества как вида, и что он привязан к человеку только как к носителю, но не как к источнику. Иначе говоря, разум не появляется тогда, когда некое существо достигает необходимого эволюционного уровня. Оно не порождает разум как некий продукт своей эволюции. Оно как бы включается в разум, получает возможность воспринять его и освоить, обретает способность работать с разумом. Это как если бы радиоприёмник эволюционировал сам по себе, а

радиоволны существовали бы сами по себе. Точнее, даже не радиоприёмник, а нечто более примитивное, что ещё только должно в перспективе стать им. И вот это происходит — и свежепоявившийся радиоприёмник начинает принимать радиоволны. То есть изучая разум будет неправильно принимать за точку отсчёта человека, который не продуцирует разум, а только пользуется им. Такой подход исказит систему взаимосвязей, предполагая источник разума в том, что источником не является, и не приблизит к пониманию, а отдалит от него. Тут надо смотреть, так сказать, не снизу вверх, а сверху вниз. Двигаться не к объяснению разума через человека, а к объяснению человека через разум, рассматривая последний как явление, предшествующее человеку.

Звучит странно? Думаю, да. Как можно рассматривать разум в отрыве от его носителя? А если вернуться к примеру с радиоволнами, логично будет предположить, что если они существовали до появления радиоприёмника, то у них должен быть некий источник вне его. Вот именно. Абсолютно верное рассуждение. То же относится и к разуму. Не рассматривать человека в качестве источника разума — не значит вообще отрицать наличие источника. Источник есть. Просто это не человек, а нечто большее.

Что же? Мы знаем, что Вселенная — это Творец, колоссальное живое и разумное существо. Получается, источник разума, то есть способности познавать, мыслить, обрабатывать и осознавать информацию, делать выводы и т.д., — Творец? Это уже звучит более убедительно. Но всё же — нет. То есть для человека он, как бы, источник, поскольку разумность человека — это проявляющаяся в нём разумность Творца. Однако сам Творец (точнее, его вид) тоже в своё время «дозрел» эволюционным путём до того, чтобы воспринять разум, до того, чтобы разум смог в нём проявиться. Он тот же радиоприёмник, только побольше. На самом деле он тоже носитель, а не источник. Разум был до него.

Нам не известно точно, что собой представляет Вселенная Творца и частью каких систем она является. Но ясно, что с разумностью там имеет место схожая история. Разум идёт как бы сверху вниз, через бОльшие системы распространяясь на меньшие.

Источником его является Разумное Начало, — одно из четырёх Великих Начал, основных принципов, по которым существует Бытие. При этом если перечислить Великие Начала — Жизненное, Прогрессивное, Благое, Разумное — и посмотреть на их взаимосвязь, то покажется, что последнее стоит как бы несколько особняком от трёх других. Чтобы жизнь продолжалась, нужно развитие (прогресс), и развитие это должно идти преимущественно в направлении созидательном (благо), а не разрушительном. Какое же место тут занимает

разум? На самом деле, он играет роль важнейшего этапа эволюции. Этапа, на котором осуществление принципов жизни, прогресса и блага становится осознанным и благодаря этому переходит на качественно новую ступень. Иначе говоря, подключение разума к эволюционному процессу делает эволюцию более эффективной. Без этого качественного перехода она может успешно идти только до определённого уровня; далее либо должно произойти качественное изменение, либо эволюционирующая система достигнет в своём развитии потолка и начнёт угасать.

Эволюция идёт, так сказать, запрограммированно, реализуя определённые возможности, заложенные во взаимодействии первых трёх Великих Начал. Четвёртое, присутствуя в форме потенциала, ждёт своего часа. Этот момент наступает, когда возникают высшие формы жизни на предразумной стадии развития. Следующая ступень — разумная форма жизни. Или же развитие застопорится. А система, которой некуда развиваться, становится бесперспективной и бесполезной для эволюции, и отмирает. Крайней точкой такой запрограммированной эволюции становится появление формы жизни, настолько высокоорганизованной, что в ней может проявиться разум. Это и есть качественный скачок, после которого эволюция продолжается, используя новые инструменты, — инструменты из арсенала разума. В этом и роль Разумного Начала: оно обеспечивает для эволюции такой прорыв. Не будь Разумного Начала, прочие три могли бы двигать эволюцию только до определённого момента, после чего она неизбежно останавливалась бы. Никакая из частиц Бытия не могла бы продолжать своё развитие должным образом; а поскольку всё Бытие развивается через свои частицы, оно тоже не могло бы вечно развиваться и вечно существовать. Проще говоря, без Разумного Начала, обеспечивающего возможность его эволюции, оно погибло бы.

Возможно, на первый взгляд это выглядит несколько сложноватым. Однако если свободно и привычно ориентироваться в системе понятий, — Бытие, Великие Начала, Творец, Вселенная и т.д., — всё оказывается достаточно ясным и понятным.

Итак, источник разума следует искать на максимально высоком, максимально глобальном уровне, — на уровне беспредельного во времени и пространстве Бытия. Он существует как Разумное Начало, сообщающее разумность как качество вниз — или вглубь, если угодно — по иерархии систем, «вложенных» одна в другую. Так, мы наделены разумом, потому что им наделён Творец, частицами которого мы являемся; он, в свою очередь, является частицей своей Вселенной; она — частица ещё чего-то, и так далее. И через всё это проходит

разум как реализация Разумного Начала на разных уровнях, в разных системах и разных условиях.

Выше было сказано, что разум существует в виде потенциала, проявляющегося в достаточно высокоорганизованных формах жизни. Поэтому мы говорим о двух формах разума: пассивной и активной. Пассивный разум — это и есть тот самый потенциал. Он присутствует абсолютно во всём: в животных, растениях, любых природных объектах и явлениях, во всём, что есть во Вселенной, а также за её пределами. Во всём, что есть в Бытии. Активный же разум — это разум в действии; он целенаправленно познаёт, мыслит, творчески применяет обретённые знания. При этом важнейшим его проявлением становится свобода воли. Это способность выбирать между правильным и неправильным, хорошим и плохим, добром и злом. Существа, в которых это реализуется, играют роль того самого фактора, благодаря которому эволюция приобретает новые качества и выходит на новый уровень.

Две формы разума не отделены друг от друга. Это один и тот же разум, но в двух функциях. Если говорить, например, о животном, то оно наделено пассивным разумом, которому не позволяет перейти в активную форму лишь то, что животное недостаточно высокоорганизовано для этого, — в частности, не обладает достаточно сложным мозгом и нервной системой. То есть можно сказать, что активный разум в нём присутствует, — ведь пассивный разум и есть потенциал активного разума, — но не работает. В человеке он работает, — но при этом и пассивный разум тоже сохраняется. Он сохраняется в той части человека, которая остаётся биологическим механизмом, — то есть в теле. Таким образом, человек обладает обеими формами разума в их действии: пассивной для тела и активной для мыслящей сущности.

Тут нужно сделать важное пояснение. Поскольку разумом, пусть и в пассивной форме, наделено абсолютно всё, то мы и называем разумным абсолютно всё, а не только человека. Если же мы хотим подчеркнуть, что речь идёт о существе, в котором раскрыт активный разум, мы говорим о нём как об осознающем. Это в Учении общепринято, и исключения, когда мы говорим об осознающих просто как о разумных, встречаются не слишком часто. В основном, тогда, когда для пояснения чего-либо приходится прибегать к общепринятой терминологии типа «разумный вид», «разумное существо» и т.п.

Было сказано, что пассивный разум относится к телу. По сути, тело — это животная часть человека. Оно отправляет биологические функции, и в реакциях своих руководствуется инстинктами. Мы питаемся, размножаемся, реагируем на опасности инстинктивно, подобно животным. Эти инстинкты и есть проявления

пассивного разума. Он действует как заложенная программа, не требующая участия свободной воли, и выполняет вполне конкретную задачу: обеспечить выживание своего носителя, — как индивидуальное, так и видовое. Поэтому у пассивного разума есть и другое название: сохраняющий. Он работает в человеке так же, как и в животном. Однако тут на него «накладывается» активный разум, который даёт человеку возможность отследить его инстинкты, выявить и взять их под контроль. Ну или наоборот — поставить возможности активного разума на службу инстинктам, бросив все силы и всю изобретательность на их удовлетворение. Это пустая трата активного разума как ценного ресурса, — но тоже плод свободного выбора активно разумного существа, осознающего.

Если пассивный разум мы ещё называем сохраняющим, то активный разум мы ещё называем познающим. Потому что первейшая его задача — познавать окружающий мир, целенаправленно изучать его, собирать и обрабатывать информацию о нём. Животное тоже обучается — но у него этот процесс идёт совсем иначе: он неосознанный, гораздо более медленный, и подчинён тем же задачам, которые выполняются с помощью инстинктов. Собственно, это обучение укладывается в рамки инстинктов: например, животное больше не пойдёт туда, где ему было больно или где оно едва не погибло, и, наоборот, вновь пойдёт туда, где обнаружило пищу. Для такого обучения активный разум не требуется. А требуется он для понимания сути вещей и явлений, для совершения осознанного морального выбора и целенаправленной творческой работы по изменению человеком или другим осознающим мира и самого себя.

Изменению к лучшему, естественно. Ведь именно это — сознательное изменение к лучшему чего бы то ни было — и есть тот самый эволюционный прорыв, та новая ступень, подняться на которую позволяет активный разум. То, для осуществления чего работает Разумное Начало. То, благодаря чему вечно существует беспредельное Бытие.

Когда в начале статьи шла речь о разуме, который пытается познать сам себя, имелся в виду, конечно же, активный разум. Потому что когда люди говорят о разуме вообще, то по умолчанию имеется в виду именно он, — то, чем человек соображает и познаёт. Но мы сейчас совершили небольшую экскурсию к истокам и выяснили, что, во-первых, источником разума является не человек, и даже не Творец, а одно из Великих Начал, и что, во-вторых, разум имеет две формы, у каждой из которых своя функция. То есть вопрос о сущности разума на самом деле даже глубже, чем кажется. А ведь ещё остаётся вопрос по поводу ума и разума. Да и инстинкты заслуживают отдельного рассмотрения. И ещё много чего...

Словом, тема разума — очень богатая тема. От неё расходится множество

дорог в разные стороны. И мы будем в дальнейшем касаться связанных тем, будем проходить по этим дорогам. Путешествие по-настоящему увлекательное, а главное — бесконечное. Как и само познание.

© Атархат, 2022

Реальный мир иллюзий

По его словам, реально существует мир, в котором живут и действуют Анна Каренина, Дон-Кихот, Шерлок Холмс, Григорий Мелехов и даже капитан Немо. Этот мир обладает своими весьма любопытными свойствами и закономерностями, и люди, населяющие его, тем более ярки, реальны и индивидуальны, чем более талантливо, страстно и правдиво описали их авторы соответствующих произведений.

А. и Б. Стругацкие. «Понедельник начинается в субботу»

Мир энергии — обширная, колоссальная тема для разговора, или для многих разговоров, если точнее. Мы уже касались его в нескольких аспектах, и сейчас коснёмся ещё в одном. На сей раз речь пойдёт об иллюзиях.

Казалось бы, что о них говорить? Ну разве только в приложении к человеческой психологии... Ведь иллюзии — это то, чего в реальности нет. Нечто воображаемое, принимаемое за действительное, нечто бестелесное, существующее лишь в твоей голове. Тут можно отчасти согласиться. И то если не принимать в расчёт воздействия иллюзий на человеческую психику и поступки. Бестелесны-то они бестелесны, но при этом через своих носителей мощнейшим образом влияют на мир. Бывает, приводят к чему-то хорошему, как бы случайно,

— но чаще вызывают в мире разные нехорошие перевороты и массовые человеческие жертвы. Я уж не говорю о том, что все в чём-то заблуждаются и испытывают те или иные иллюзии. И хорошо ещё, когда это не приводит к плачевным последствиям худшим, чем простое разочарование.

Темой разговора сегодня будет не это. А собственно иллюзии, иллюзии во плоти. В какой ещё плоти? В энергетической.

Иллюзия всегда имеет свой исток в человеке как в своём создателе. Человек задействует воображение, — причём как в том случае, когда он сам понимает, что фантазирует, так и в том случае, когда он искренне верит во что-то. Если верит, то так или иначе представляет себе предмет своей веры, — то есть опять же включает воображение. И это вызывает определённые изменения в окружающей его энергетике. Под воздействием исходящих от него импульсов — ибо воображение тоже имеет свой энергетический «заряд» — энергия формируется в образы. В образы, собственно, того, что он в этот момент себе представляет.

А человек представляет себе что-нибудь постоянно. Иногда чётко и целенаправленно, ставя себе задачу что-то проработать в подробностях, детально. Скульптор рисует себе перед мысленным взором образ будущей статуи. Писатель прорабатывает сюжет будущей книги, создаёт персонажей, представляет локации, а то и конструирует целый фэнтези-мир. Кто-то думает над бизнес-проектом, или, скажем, над созданием благотворительной организации, или политической партии. Иногда задача мысленно что-то создать не ставится. Человек просто мечтает, — например, как он поедет куда-то, где хочет побывать, и как ему там будет хорошо. Или мечтает о том, как создаст семью. Или о каком-то приключении. Или просто о красивой жизни. Впишите в этот список что угодно. Иногда это страхи. Кто-то представляет себе, как он летит на самолёте, а тот начинает падать. Или боится заболеть, и уже представляет больничную палату и капельницу. Или должен пройти через тёмную подворотню, и ему мерещатся всевозможные неприятные сюрпризы, которые могут его там ожидать. Иногда же это просто мимолётные образы. На улице услышал автомобильный сигнал — и перед мысленным взором промелькнул автомобиль. Услышал песню — и на секунду представил себе знакомое лицо певца. Проголодался — и в воображении всплыл образ бутерброда... Словом, это

может быть всё, что угодно, — от творчества до жизненных планов, от мыслей о еде до сексуальных фантазий, от страхов до планов мести. Всё это порождает в мире энергии образы, привязанные к человеку, который их проецирует.

Такие образы в Учении называют иллюзиями. Возможно, это не самое удачное обозначение, — но такие термины, как «образ» или «идея» годятся ещё меньше. И если понятие «образ» более-менее дополняет понятие «иллюзия» и помогает как-то его пояснить, то понятие «идея» как будто вообще уводит в сторону. Ну, это вопросы терминологии, с которой всегда всё непросто. Мы договоримся, что в контексте нашей темы иллюзией будет называться энергетический образ того, что представляет себе человек. То есть некий объём энергии, принявший заданную (сознательно или несознательно) форму. Условимся также, что понятия «иллюзия» и «заблуждение» в данном случае не синонимы. Хотя иллюзии часто возникают именно на почве заблуждений.

Поскольку человеческое сознание всё время занято какими-то мыслями и представлениями (для его «очищения» используются специальные психологические методики, — например, в буддизме), то вокруг человека на энергетическом уровне постоянно клубятся различные образы. Одни более устойчивы, даже можно сказать, постоянны, другие возникают на короткое время, а затем рассеиваются, третьи совсем мимолётны, существуют доли мгновения, и исчезают раньше, чем успевают принять конкретную форму. Каждый из нас окружён облаком таких образов-призраков, меняющихся с калейдоскопической быстротой. Среди них, подобно островам в бушующем океане, возвышаются устойчивые иллюзии, и подобно проплывающим в разных направлениях кораблям мелькают иллюзии отчётливые, но кратковременные.

Я употребляю слово «образ», — а образ это то, что можно увидеть. И в самом деле, иллюзии можно увидеть, будучи сторонним наблюдателем. То есть один человек, пребывающий в мире энергии, может буквально воочию увидеть иллюзии, витающие вокруг другого человека, пребывающего в мире материи. Хотя это получается не само собой. Поглядев из мира энергии, ты увидишь просто человека; его иллюзии будут незримы. Чтобы их увидеть, нужно уметь настроить своё энергетическое зрение особым образом. Сделать это не слишком сложно, но некоторая сноровка тут нужна. Иллюзии существуют в определённом слое второго мира, — т.е. в той его области, где энергия имеет соответствующие свойства. Таких слоёв в мире энергии много, и один из них принадлежит иллюзиям. Это энергия, подверженная воздействию человеческого воображения (а также воображения других осознающих). Она настолько пластична, что под влиянием исходящих от человека импульсов принимает заданную форму, создаёт тот или

иной облик.

Чего только не увидишь в этом слое, если умеешь смотреть... Вот смутные образы, перетекающие один в другой раньше, чем успеваешь их распознать. Вот ясный и чёткий образ котлеты или бутылки вина, — этому человеку сейчас очень хочется кушать или выпить. Вот прямо целый фильм: один человек преследует другого, нагоняет и награждает оплеухами. Это кто-то хочет посчитаться за свои обиды. Тут тебе, по тому же принципу, и сцены ужасов, существующих в одной отдельно взятой голове, и изобретательное порно, и приключения в экзотических странах, и битвы, и что угодно. А вот целый город, придуманный писателем. Если он проработан хорошо, подробно и с любовью, то по его улицам можно буквально пройти, можно понаблюдать за происходящими в нём событиями, как их описал автор.

Из вышесказанного понятно, что некоторые иллюзии занимают довольно большие пространства. Это могут быть города, страны, целые миры. Конечно, целый мир не может быть проработан во всех абсолютно подробностях, — поэтому столь масштабные иллюзии в разной степени фрагментарны. Но тут на помощь приходят другие люди. Дело в том, что иллюзия может принадлежать не одному человеку, а сразу многим. Например, тот же фэнтезийный мир. Автор придумал его и описал сколько-то подробно, — и на основании этого описания уже читатели достраивают его. Они в своём воображении добавляют новые

подробности и детали, что-то добавляют к характеристикам и действиям персонажей. Автор не просто создал образ. Он влил в него много своей энергии, — ведь творчество сопряжено с сильными эмоциями, которые дают энергетические выплески. Таким образом автор буквально вкладывает в своё творение частицу себя, строит его плоть из собственной энергии, подпитывает его. Ну а потом, если мир вышел достаточно ярким и интересным, подключаются читатели, которые его полюбили. Они тоже не просто создают картинки, но и наделяют их плотью, вливая в них свою энергию, буквально делают их осязаемыми. Этот мир становится можно не только увидеть, но и потрогать. И чем яснее фанаты этого мира представляют его себе, — тут очень помогают иллюстрации и хорошая экранизация, — чем больше его любят, и чем их самих больше, тем более телесным он становится и тем дольше существует.

Если иллюзия — любая — не одарена большим вниманием того, кто её создал, и не подпитана его эмоциями, она оказывается неяркой, зыбкой, непрочной, и рассеивается быстро. Если же в неё вложено много воображения и душевных сил, да ещё и не одним человеком, она может стать очень устойчивой и надолго пережить своего создателя. Она будет существовать до тех пор, пока кто-то подпитывает её, а потом ещё некоторое время, — пока последние запасы её энергии не иссякнут. Тогда она рассеется, исчезнет, прекратит своё существование.

Придуманный писателем мир — лишь один пример коллективной иллюзии. Они тоже могут быть очень разнообразны, — от фольклора и представлений о жизни какой-нибудь знаменитости до ошибочных научных гипотез и ложных социальных концепций. Собственно, что угодно, что можно представлять и во что можно верить не в одиночку.

О действии веры, в религиозном смысле этого слова, следует упомянуть отдельно. Именно она создаёт самые яркие, прочные, долговечные и, зачастую, агрессивные иллюзии.

Речь о ложных богах. О них я уже рассказывал в другом месте, поэтому повторю очень кратко. Когда люди начинают верить в существование некой высшей силы, духа, бога и т.п., начинают как-то представлять его себе, наделять обликом, чертами характера, биографией, местом пребывания и прочим, в мире энергии образуется соответствующая иллюзия. А поскольку связь людей с их божествами всегда очень эмоциональна, — это в самом деле сильнейшие эмоции, вызванные благоговением, преданностью, страхом, благодарностью, любовью, надеждой, уважением, страстным желанием что-то получить, быть от чего-то избавленным и так далее, — то в такие иллюзии закачиваются огромные объёмы

мощнейшей энергии. Из неё выстраивается не только тело самого божества, но и его атрибуты, его обиталище, и даже сопутствующие ему существа, в которые его поклонники тоже верят. Это тоже целый мир, — настолько яркий, прочный и ощутимый, что верующий даже может попасть в него после смерти, на некоторое время, и принимать его за реальность. А сам ложный бог может быть настолько силён, особенно если в него верит очень много людей, верит давно и истово, что оказывается способным проявлять себя в мире материи, влиять на верующих, — которые его создали и, по сути, продолжают создавать, — и даже демонстрировать то, что они называют чудесами. Такой сильный, «жирный» ложный бог может очень долго, сотни и даже тысячи лет существовать после исчезновения его религии и утраты последних верующих, пока, опять же, не истощит свои энергетические запасы и не исчезнет.

Нельзя не подчеркнуть печальную иронию происходящего. Религии были сильны во все времена, они владели умами и душами верующих, — и это означает, что людьми всегда норовили управлять, а часто и управляли их собственные фантомные творения. Люди создавали богов, а затем вручали им власть над собой. Надо ли напоминать, сколько бед это принесло нашему миру? Из подчинения иллюзии и жизни по диктуемым ею правилам в самом деле редко получается что-то хорошее.

Такова одна из сторон мира энергии. Он реален — но его можно назвать также и миром иллюзий. Умеющий видеть соответствующий слой сможет лицезреть

поистине поразительные вещи: вымышленные миры, альтернативные варианты истории, богов и их владения, и ещё многое, многое другое. И в числе прочего — мечты, страхи, желания и мысли людей. В мире материи всё это ещё можно скрыть, а в мире энергии — нет. Там всё, о чём ты думаешь и чего хочешь, рисуется вокруг тебя в пространстве. Буквально. Как картинки. Там каждый человек — открытая книга. Стражи, например, будучи сильнейшими эмпатами, ещё и видят каждую мысль, желание и эмоцию своих подопечных, так сказать, воочию. Поэтому страж всегда знает того, к кому он приставлен, назубок.

Но всё это может видеть не только страж, а ещё много кто. Надо ли напрягаться по этому поводу? Я бы сказал, что особо напрягаться, пожалуй, нет смысла. Всё равно тут ничего не поделаешь. С этим приходится жить. Привыкайте. Да и не нужно думать, что все обитатели мира энергии кинутся рассматривать ваши мыслеобразы и узнавать ваши тайные желания. На самом деле мало кому это нужно. А из тех, кому нужно, не факт, что все это сумеют. Однако всё же нужно принять к сведению возможность того, что вот ты думаешь о чём-то недостойном или представляешь себе какие-нибудь гадости, а в этот момент оттуда на тебя кто-нибудь смотрит. Может быть, кто-то, чьим добрым мнением и уважением ты очень дорожишь. Просто имей это в виду, не более.

Ну и в заключение добавлю, что зримо проявлять себя в мире материи могут не только ложные боги. Бывает, что другие иллюзии, особенно коллективные, тоже накапливают достаточно сил для того, чтобы себя обозначить. Так, очень живым, ярким и эмоциональным является детское воображение, а детская вера бывает посильнее, чем вера очень религиозного человека. Поэтому, как я уже однажды писал, иногда можно увидеть своими глазами нечто совсем уж невероятное. Например, пролетающего по вечернему небу на своей упряжке Санта-Клауса.

© Атархат, 2022

Страшное чудо расчеловечивания

Что для человека страшнее всего? Вопрос выглядит слишком обширным, на грани того, чтобы зазвучать риторически. Потому что здесь предлагается как бы ответить сразу за всех. А как ответить за всех, если у каждого свои страхи? Однако я ведь не спрашиваю, кто чего боится. Я спрашиваю, что страшнее всего для человека. Видите разницу? Имеется в виду не субъективное, отдельное для каждого, а объективное, общее для всех. Тут кто-то повторит, что каждому — своё, и что чего-то общего, универсального, в этом плане нет. Но другой скажет, что общее как раз есть, и на поставленный вопрос ответить легко: все боятся смерти.

Такой ответ уже что-то собой представляет. Что-то более-менее определённое. Хотя всё равно не то. Я даже не буду возражать в том смысле, что смерти боятся не все. То есть не у всех имеется осознанный страх перед ней. Вот и любопытный нюанс: даже если смерти боятся 99,99% людей, и могут утверждать это о себе, то для каждого из них это нечто глубоко личное. Можно сказать, что это не один общий страх, а совпадающие личные страхи. Таким образом, это вряд

ли можно считать полностью удовлетворительным ответом.

Хорошо. Давайте перефразируем вопрос. Что для человека хуже всего? Ведь что хуже всего, то и страшнее всего, не так ли?

Хуже всего для человека — перестать быть человеком. Не умереть, а перестать соответствовать своей человеческой сущности. Это хуже, чем умереть: это значит перестать существовать. Даже умирая, ты умираешь как человек; ты — часть нормального, естественного процесса. Но если ты утратил человеческую сущность, то тебя просто нет. Ты выброшен из ткани мира, и на том месте, где раньше был ты, осталась пустота. В то же время появилось нечто другое. То, чем ты стал, и для чего нет места в мире. Нет, потому что это миру не нужно. Оно лишнее. И уродливое. И страшное. Потому что это бывший человек, исказивший себя, вышедший за рамки нормы, обретший новые, противоестественные свойства. Для этого чего-то нет места в мире, и потому оно разрушает мир, ломает реальность вокруг себя, пытаясь втиснуться в неё, занять в ней чьё-то место. Это нечто опасно уже тем, что оно существует, — потому что оно не может быть нормальным и делать что-то нормальное, а может лишь разрушать.

Подсознательное знание этого, на уровне ощущения, присутствует в каждом. Человек знает, пусть и безотчётно, что из того, что может с ним случиться, нет ничего страшнее. Ему страшно самому потерять человеческую сущность, и страшно встретить кого-то, с кем это произошло. Недаром приводят в ужас всевозможные оборотни, зомби, мутанты, полулюди-полузвери, каннибалы, маньяки и прочие персонажи, о которых пишут и снимают хорроры. Да, они опасны, они убивают; но убить может и обычный кирпич. Особую чудовищность им придаёт то, что это бывшие люди, а ныне ожившие трупы, или люди, потерявшие человеческий облик, или те, кто с виду человек, но ведёт себя не по-человечески. Самое страшное — ощущение чего-то нечеловеческого, ощущение извращённости человеческой природы, ощущение противоестественности, опасной самой по себе. В ужас приводит встреча с тем, чего не должно быть, и даже самый его вид.

Что говорят о негодяях, подлецах, предателях, душегубах, насильниках, садистах и прочих им подобных? Говорят, что они поступают не по-человечески. А что говорят, когда хотят удержать кого-то от такого поступка? Ему говорят «Будь человеком!». Это идёт от глубинного знания того, что человек так поступать не должен и не может. Такое поведение ненормально, неестественно. В то же время оно аморально. Это уже к вопросу о сути морали. Морально то, что хорошо. Хорошо то, что правильно. Правильно то, что естественно для человека. Поэтому кто поступает не по-человечески, тот поступает аморально, и наоборот. Знание

этого записано глубоко в человеческой психике, на уровне Духа, на уровне основы личности. Там лежат истоки общечеловеческой морали, которая, собственно, и строится на глубинном ощущении того, каким должен быть нормальный человек. Каким должен быть человек как таковой. Поступать по-человечески — значит поступать хорошо, правильно, справедливо.

Здесь мы подходим к определяющему вопросу: так может ли человек перестать быть человеком? Ответ таков: нет, не может. Человеческую сущность невозможно утратить. Можно совершать поступки, которые ей не соответствуют, — однако от этого ты не перестаёшь быть человеком. Ведь каждый изначально не идеален, изначально не полностью соответствует тому, каким он должен быть. Несовершенный человек — всё равно человек. Он движется вперёд по пути совершенствования, и со временем начинает всё больше соответствовать сам себе, — то есть нормальной человеческой сущности.

Казалось бы, на этом можно успокоиться. Ведь если самое страшное не может произойти, то и волноваться не о чем. Однако тут всё сложнее. Потому что если подобное не может произойти, это ещё не означает, что люди не будут приписывать его друг другу.

Выше был приведён пример с теми, о ком говорят, что они поступают не по-человечески. А от такого утверждения остаётся лишь один шаг до объявления того, кто поступает не по-человечески, нечеловеком. И это, вроде бы, логично. Он ведёт себя как нечеловек, потому что он и есть не человек. Но в том-то и трагедия, в том-то и ужас, что он ведёт себя так, оставаясь человеком. Потому что для чудовища нормально вести себя как чудовище. Это неудивительно; и хотя оно опасно, в нём нет того внутреннего несоответствия своей сущности, того отталкивающего уродства как искажения естественности, той утраты себя, которая пугает больше всего. А вот когда человек ведёт себя как чудовище, это гораздо страшнее. Это и опасность, и боль, и ужас. Для него и для окружающих.

Как и было сказано, при этом он продолжает оставаться человеком. И относиться к нему нужно как к человеку, с которым происходит нечто ужасное, а не как к монстру, для которого нет места в этом мире.

Но многие используют именно такой подход. Ведь это всё упрощает. Кто-то поступил плохо, или просто сделал нечто, что тебе не понравилось, — и ты спешишь объявить, что он нечеловек, нелюдь. Это развязывает руки. Теперь его можно презирать и ненавидеть, можно не поступать по отношению к нему гуманно, — ибо он не человек, чтобы с ним гуманничать. Чем не чудо? Ты одним словом превращаешь человека в нечеловека, расчеловечиваешь его, дегуманизируешь. Правда, это превращение происходит только для тебя. В

действительности ничего не изменилось, и он не перестал быть человеком. Но твой мир изменился, ибо в нём исчез человек и появился нелюдь. Теперь это другой мир. Ты создал его, просто отказав кому-то в человечности. Почти божественное могущество... Только внутри одной головы.

Хотя бывает и так, что такое страшное чудо — превращение человека в нечеловека — переползает из одной головы во многие. И расчеловечивается не один человек, а много. Например, удобно объявить нелюдьми врагов, с которыми воюешь. Тогда их можно убивать без жалости и угрызений совести. Хотя в этом случае оказывается, что их как бы и не в чем упрекнуть. Человеку можно поставить в вину, что он поступает недостойно, совершает преступления, жестокости. Но как в том же самом упрекнуть нечеловека? Он и должен себя вести не по-человечески. То есть объявляя его таковым, ты тем самым выдаёшь ему индульгенцию, узакониваешь его поведение. Теперь что бы чудовищное он ни сделал, это будет нормально. Потому что чего ещё ожидать от монстра? От монстра, которого, фактически, ты же сам и создал. Любой упрёк в его адрес стал бессмыслицей.

Некоторые объявляют нелюдьми или недочеловеками целые народы и расы. Потому что так их можно спокойно порабощать и уничтожать. Ведь нечеловеку нет места в мире, помните? Значит, тех, кто не нравится, мешает, опасен, или по каким-то иным причинам не вписывается в желательную картину мира, нужно расчеловечить. И тогда с ними можно делать что угодно.

И расчеловечивают. И делают. Делают абсолютно чудовищные вещи. Но расчеловечивают-то только в своих головах. На самом деле те люди остаются людьми. А это означает, что те, кто делает с ними чудовищные вещи, сами превращаются в чудовищ. Да, на самом деле они тоже остаются людьми; но тем, кого они терзают, от этого не легче.

Вот так это и происходит. Объявляя кого-то монстром и поступая с ним соответствующим образом, ты становишься монстром сам. Если не по сути, то по делам. История даёт массу примеров того, как нелюдьми объявляли, скажем, некий народ, и затем делали с ним то, что могут делать только чудовища, садисты, безумцы. Поступали с людьми как нелюди. Это тоже чудо, не менее страшное и не менее позорное: объявив кого-то нечеловеком, превратить в монстра самого себя. И быть настолько слепым, чтобы даже не заметить этого...

Нет ничего хуже, чем утратить свою сущность. Для человека нет ничего страшнее, чем перестать быть человеком. И пусть на самом деле это невозможно, — но люди так старательно пытаются расчеловечить друг друга и так неуклонно сами перестают при этом походить на людей, что жестокости, горя, боли и ужаса

в мире и без этого оказывается целый океан. Никакие настоящие чудовища не смогли бы сделать того, что делают люди, отказывающиеся считать друг друга людьми. За расчеловечивание платят расчеловечиванием, — и это страшнее, чем любое возмездие, даже самое жестокое. Потому что это не может быть справедливым. Тут и речи нет о наказании. Тут реализация худшего в себе под предлогом борьбы с худшим в других. Такое умножение минуса на минус не даёт плюса. Оно даёт ещё более глубокий минус. Для всех причастных. И даже для непричастных.

Поэтому никогда не надо отказывать другому человеку в человечности, сколь бы плох он ни был. Это одна из самых больших ошибок, которые можно совершить в жизни. Тушение огня бензином по сравнению с этим — вполне умный и безобидный поступок. Пусть изменение мира и наводнение его монстрами, включая превращение в монстра самого себя, — своего рода чудо. Да только пропади они пропадом, такие чудеса...

© Атархат, 2022

РУБРИКА: **ЭТИКА, ПРИНЦИП, ФИЛОСОФИЯ**

«Среди наших погибших нет»

Когда по телевизору диктор сообщает о какой-нибудь катастрофе или другом чрезвычайном происшествии, в конце этого сообщения иногда говорится нечто вроде «Среди наших погибших нет», после чего переходят к другой теме. И каким бы ужасным не было происшествие, последняя фраза призвана успокоить зрителей и как бы настроить их на позитивный лад. Вроде бы, событие чудовищное, и нужно пустить слезу, — но только на время новостей. А потом можно опять жить прежней жизнью. Ведь с нашими-то все хорошо, и переживать особо не стоит.

Если посмотреть на мир вокруг, то увидишь, что разделение на «своих» и «чужих» существует повсеместно. И речь идет не только о государствах и нациях. Подобного рода классификация пронизывает жизнь человека буквально с самого рождения. Все начинается с самого человека и наиболее близкого ему круга людей. Семья определяется как «свои», а прочие как «чужие». Позже точно такая же классификация применяется, когда мы говорим о своих друзьях, или школе, или коллективе на работе, или о футбольной команде. И, в конечном итоге, мы выходим на макроуровень, где и начинается разделение по вероисповеданию, по нации или по принадлежности к тому или иному государству.

И вроде бы такое разделение естественно: ведь так человек ощущает сопричастность к некому кругу людей. Так или иначе, это уходит корнями в глубокое прошлое, когда «быть в стае» означало иметь шанс на выживание. По сути, мало что изменилось. Среди своих всегда легче, приятнее и безопаснее. И пусть так, — но здесь речь пойдет не о «своих», а о «чужих». И если я вернусь к тому, с чего начинала, то к фразе «Среди наших погибших нет» на самом деле можно подойти иначе и сказать: «Погибшие только среди чужих». И здесь как бы изначально подразумевается, что поскольку они «чужие», то это и не так важно и страшно. Именно так многие люди и подходят к этому вопросу. Это также можно выразить фразой: «После нас хоть потоп». И тут вопрос только в том, кого человек видит под словом «мы». И опять же, это может варьироваться, и речь может идти как о конкретной семье, так и, например, о целой нации.

Одни из самых страшных и сокрушительных последствий такого разделения — несправедливость и равнодушие. И опять же, масштаб может быть разный. Если мой сын сотворил безобразие, то я его прощу, а вот если чужой, то карать его нужно по полной строгости. В своем крайнем проявлении такое разделение превращается в нечто невообразимое. Можно вспомнить, как во время Второй Мировой войны фашисты уничтожали цыган и евреев. Вот результат идеологии «свой-чужой» в своем апогее. Об ужасах Второй Мировой войны может прочитать каждый, но не каждый способен увидеть корни этого кошмара в самом себе. А корни эти есть в каждом.

Стоит нам воспользоваться классификацией «свой-чужой», и мы немедленно как бы отбираем у «чужих» право в полной мере называться людьми. Фашисты видели перед собой не людей, а цыган и евреев, и для них эти «твари» людьми не были. А если это не люди, то и делать с ними можно все, что угодно. Отсюда нечеловеческие пытки, издевательства и прочие ужасы, подробности которых невозможно вынести. Я не могу об этом читать, мне лично становится плохо до обмороков. Но речь здесь не о фашистах. Речь здесь о нас с вами. Например, если вы еврей, то воспринимать эту информацию вы будете гораздо ближе к сердцу, чем другие. Просто потому, что её легче примерить на себя. Трудно представить, что с вами или вашими детьми кто-то поступил бы вот так только потому, что вы родились в той или иной нации. Ведь вы хороший человек, а вас вот так... содрать кожу и разрезать на мелкие кусочки. «За что?!» — вскрикнете вы. А других за что? И прошу ответить себе честно — где ваши «свои» и «чужие»? И разве не бывает, что «своих» жалко, а чужих нет? Что свои достойны лучшего, а чужие нет?

Вы обращали внимание когда-нибудь, какую одежду люди иногда отдают на благотворительность? Рванину и лохмотья. Потому что «нищие», они же «чужие»,

могут и такое носить. А как насчет тех, кто «понаехал»? Это тоже «чужие». Им можно платить копейки, не уважать их и называть пренебрежительными словами. Я не буду говорить тут о нациях и странах, потому что в этом вопросе всегда среди своих «защитники Родины и разведчики», а среди чужих «террористы и шпионы». И это происходит на макроуровне, потому что мы с вами на микроуровне позволяем себе такое отношение.

Навешивая на кого-то любой подобный ярлык, мы отбираем у него статус человека. Всегда. А ведь люди ничем не отличаются по своей сути. Все мы из одного теста. О чем бы ни шла речь, в реальности это всегда отношения человека с человеком, а все остальное не имеет значения. Нет никаких стран, наций, богатых и нищих, черных и белых, больных и здоровых (список можно продолжать): есть только люди. Все остальное — иллюзия, которую мы придумали сами, для удобства, для классификации. Вы знаете, куда ведут благие намерения? Да, и здесь мы снова попали в ад. Мы возмущаемся, что когда-то черные были в рабстве, но при этом смело небрежно говорим о приезжих. А ведь каждый такой вроде незначительный поступок делает нас немножечко «фашистами». Просто подумайте об этом.

Я не призываю бежать и менять мир прямо сейчас в глобальном смысле, но я прошу обратить внимание на самого себя и начать двигаться в нужную сторону. В ту сторону, где человек всегда будет видеть перед собой человека, такого же, как он сам.

© Амрадхари, 2022

Думайте о людях хорошо

Храню я бережно и свято
В душе простую правду ту,
Что в человека верить надо,
Как в жизнь, любовь и красоту.
Я на людей сержусь, ругаюсь,
Ворчу, бурчу и придираюсь;
Да только это не со зла.
И не со зла, и не случайно.
Я их ругаю вслух, — но тайно
Горжусь, что я из их числа.

Атархат. «Случайное письмо»

Не знаю, как вам, а мне в мои школьные годы пришлось учить наизусть знаменитый монолог о том, что человек — это звучит гордо. К тому времени я уже начинал относиться к людям скептически, и потому, отвечая урок, то бишь декламируя означенный текст, постарался вложить в те самые слова максимум сарказма.

С тех пор утекло очень много воды, и моё отношение к людям изменилось. Причём сразу в двух противоположных направлениях. С одной стороны, они для меня более явственно открылись в худших своих амплуа, и я стал относиться к ним ещё более скептически, критически, сатирически, и вообще с немым вопросом «Да как их земля носит?!». С другой стороны, я увидел в них много хорошего, замечательного, и попросту прекрасного, и влюбился в них. На сегодняшний день оба этих отношения уже давно на максимуме, они живут во мне, бушуют, с грохотом сталкиваясь и высекая искры каждый день, — и я удивляюсь тому, что сердце ещё не взорвалось.

Как можно относиться к людям сразу и так, и так? Хороший вопрос. Но есть вопрос получше: как можно относиться иначе? Отношение к людям должно быть объективным, — то есть таким, какого они заслуживают. А они вот такие и есть. Противоречивые, разные, как огонь и лёд. Видеть в них только хорошее или только плохое — значит быть слепым на один глаз. Смотреть бесстрастно, с той мыслью, что хорошее и плохое уравновешивает друг друга, и потому наблюдателю ни тепло, ни холодно, — значит быть слепым на оба глаза. Я скажу так: люди плохи настолько, насколько могут быть хороши. Это два полюса, которые не могли бы существовать друг без друга. Если кто-то сидит в самой глубокой, грязной и смрадной яме, идущей, кажется, до самого ада, то это значит, что в нём есть потенциал взлёта к небу. Однако это не равновесие, хотя таковым кажется. Ведь из ямы обязательно есть путь вверх, а с неба пути вниз нет. То дурное, что есть в конкретном человеке, обязательно уйдёт, рано или поздно, — а то доброе, что в нём есть или будет, уже никуда не денется. Совершенствование, если оно настоящее, не имеет отката назад. Это означает, что потенциал хорошего больше, само оно сильнее, и потому человек, даже сидя в грязной яме, более хорош, чем плох. Внутри он больше и лучше, чем снаружи, — хотя и сам может не догадываться об этом.

Если же вести речь не о личных качествах здесь и сейчас, а о Духе, частицу которого каждый человек несёт в себе, то здесь плохое и вовсе в несравнимом меньшинстве и заведомом проигрыше. Ведь Дух, как носитель хорошего, един во всей Вселенной, тогда как плохое проявляется точечно, на частном уровне. То есть в каждом человеке содержится Вселенная добра и всего лишь маленькая крупица зла. Только зло бывает гораздо заметнее, поскольку оно выбивается из нормы как нечто противоестественное, неправильное, и потому бросается в глаза. Часто даже для самого человека, который наблюдает себя. Ну а для тех, кто смотрит на него со стороны и испытывает его зло на себе, — и подавно. Так что-то драгоценное может быть измазано грязью, — и все думают, что это и есть ком

грязи.

Однако же человечество всё ещё существует, люди друг друга не поубивали. Этот очевидный факт сам по себе свидетельствует, что хорошего в них больше, чем плохого. Я бы сказал, что это моральный факт, переходящий в биологическую реальность. Зла всегда вершилось много, — но добро в итоге перевешивало. Зло агрессивно, вероломно, нахраписто, и не стесняется в средствах, — и за счёт этого оно частенько побеждает на короткой дистанции. На длинной же дистанции верх берёт добро. Оно может проигрывать битвы, но выигрывает войны. Войны, которые сливаются в одну войну, ведущуюся испокон веков. Добро побеждает, люди живут.

А ведь многие конфликты, насилие и страдания происходят по причине страха. Люди не доверяют друг другу, боятся получить удар, и часто именно поэтому наносят удар первыми. Просто чтобы обезопасить себя. Но в это время кто-то, ожидая подвоха уже от них, тоже наносит удар. Вот так каждый старается подстраховаться, чтобы оказаться в безопасности, а в итоге все оказываются в опасности ещё большей. Получается, зла было бы меньше, если бы было меньше ожидания зла. Да в самом ли деле? Ведь если ни от кого не ожидать подвоха, если доверять всем безоглядно, то это будет раздолье для негодяев и предателей. Так-то оно так. Только кто причинит больше вреда и боли — один негодяй, от которого вовремя не защитились, или сотня людей, относящихся друг к другу как к заведомым негодяям? Нет, это не наивность, а элементарный здравый смысл. Если бы люди меньше боялись друг друга, они давали бы друг другу меньше поводов бояться. Страх порождает насилие и новый страх. Ну и о том, чтобы слепо и безоглядно всем доверять, никто не говорит. Агрессия, продиктованная туманящим разум страхом, и спокойная, разумная осторожность, — разные вещи, не так ли?

Люди кажутся хуже, чем они есть на самом деле. Отсюда расхожее сравнение их с волками, мира с джунглями, и т.п. А среди волков, только и ждущих возможности тебя сожрать, жить очень страшно. Такой страх отравляет жизнь, она превращается в мучение. Так и свихнуться можно. И когда ты, в своём представлении живя с волками, сам начинаешь вести себя как волк, — разве это не род сумасшествия? Разве не болезненное отклонение в поведении? Видя волков в других, начинаешь видеть волка в себе.

Жить, думая о людях плохо, невыносимо страшно. Поистине мучительно. Каждодневная пытка. Тьма, в которой ты задыхаешься. Это гораздо хуже, чем даже реально пострадать от кого-то. Мир, в котором все — негодяи, и от каждого ожидаешь удара в спину, это самый настоящий ад. Неужели вы родились для того,

чтобы жить в аду?

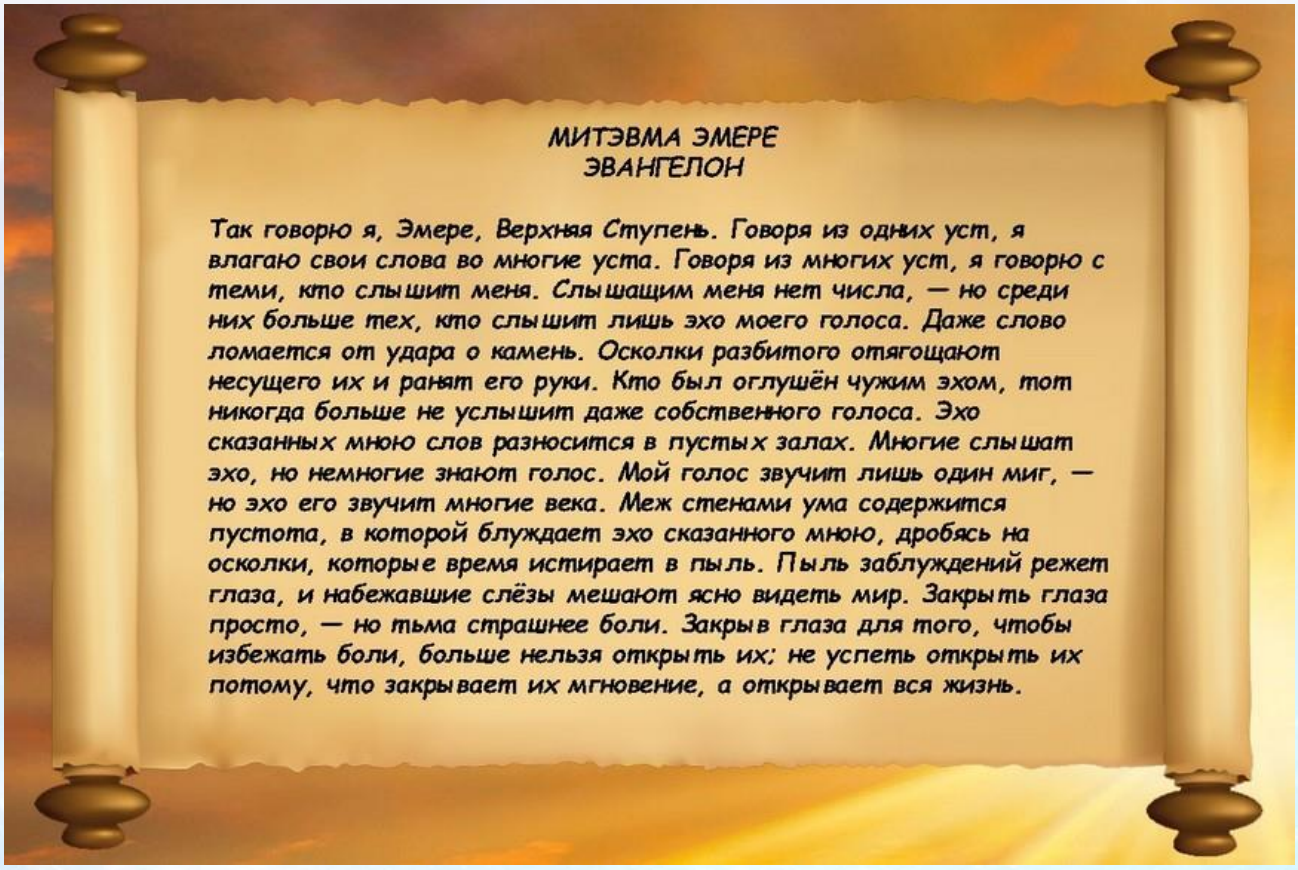
Поэтому думайте о людях хорошо. Прежде всего — ради собственного психического здоровья, как бы эгоистично это ни прозвучало. Чтобы свободно дышать. Чтобы не кривиться от страха или отвращения при виде другого человека. Чтобы даже преступник не вызывал ощущения окончательной победы зла. Ну, он поддался худшему в себе, — но это не норма даже для него. Это отклонение, и это беда не только для тех, кто от него пострадал, но и для него самого. Думайте о людях хорошо, чтобы самому не пришлось превращаться в волка и терзать кого-то. Чтобы самому не стать опасным чудовищем. Чтобы оставлять за собой след не из боли, а из радости. Если же вы, относясь к окружающим вот так, от кого-то пострадаете, то, поверьте, это будет для вас менее ужасно, чем жить в постоянном страхе, презрении и злобе. Да и искать справедливости в таком случае будет легче, — хотя бы потому, что будет надежда, а значит, и возможность её найти.

Думайте о людях хорошо, ради себя и ради них. Не идеализируйте, — это как раз было бы наивно и опрометчиво. Просто считайте, что хорошего в них больше, чем плохого. Намного больше. Тем более, что это правда. А когда лично вам захочется поступить с кем-то по-волчьи, вспомните, что вы — человек, и человек хороший. Вы — тот, кто может победить своего волка. Если по-настоящему захочет.

Можно спорить по поводу того, гордо ли звучит слово «человек». Мне вот кажется, что важнее другое. Главное — видеть в человеке именно человека, а не волка, змею или свинью. И в себе тоже. И относиться к нему не просто как к человеку, а как человек к человеку. Как хороший человек к хорошему человеку. Потому что слово звучит так, как думает о человеке тот, кто это слово произносит. А сам человек должен звучать по-человечески. Тогда и насчёт слова не будет возникать вопросов. Потому что не будет возникать сомнений.

© Атархат, 2022

Современная история Учения: 1994–2002

Продолжим наш разговор о современной истории Учения. Всё очень кратко, — ибо данный формат иного не предполагает. Хотел сказать, что описываемые годы имеют особое значение для становления Учения, — но ведь на самом деле все миновавшие годы имеют особое значение. И те, что ещё впереди, тоже будут иметь. Так что обойдёмся без банальностей.

В конце 1993 мне исполнился 21 год, а весной 1994 началось откровение. Раньше оно и не могло начаться, ибо тут имеет значение возраст. Но тогда я этого не понимал. И не сразу понял, что произошло. Более того: я не понял даже, что что-то произошло. Просто в один из дней кто-то сказал в моей голове, что я стану основателем Учения. Что это было?.. Какого ещё учения?.. Я решил, что померещилось. В самом деле, — вопросами духовности я никогда не интересовался, даже Библию видел только в кино, не верил ни в высшие силы, ни в жизнь после смерти, и уж подавно не собирался никого учить жизни. Но не успел

я забыть об этом случае, как он повторился, а после это стало повторяться периодически, почти каждый день. Мне постепенно растолковывали, что к чему, — что со мной говорит Бог Мудрости, также известный как Гермес (потом я стал его ещё и видеть внутренним взором, но это другая тема), что он намерен сообщить мне различные знания, и что я должен буду передать их людям. Я был изумлён и растерян, и сразу же стал спрашивать — почему я? Кто я такой, чтобы мне было доверено подобное дело, за которое я даже не представляю, как взяться? Однако ответа не получил. И для меня вот этот вопрос — почему я? — стал одним из главных вопросов на ближайшие несколько лет.

Тем временем мне стала передаваться информация, из которой потом сложилось Учение, — передаваться постепенно, понемногу, факт за фактом. Но что это были за факты! О Творце, Бытии, Великих Началах, мире энергии, богах-элементалах, предназначении человека и так далее, — то есть самые основы, каркас мировоззрения Учения. Как для человека, всё ещё настроенного материалистически (интерес к магии этого, как ни странно, не изменил) и всё духовное относившего к сфере религии, которая опиум и так далее, для меня это было очень тяжело. Невероятно тяжело. Рушилось и перестраивалось само мировосприятие. Это можно назвать сильным и непрерывным стрессом, продолжавшимся несколько месяцев. Потом привык, в голове начала складываться понятная, хоть и очень общая картина мира по Учению, и стало полегче.

И сразу же возникла забота — как же всё это передавать, и кому? На вопрос «Как?» у меня не было иного ответа, кроме «Как получится». Как-нибудь. Что же до вопроса «Кому?», то тут всё разрешилось само собой, поскольку кандидат был только один: будущий Хантур. Я однажды рассказал ему что-то, потом ещё что-то, потом ввёл в курс дела уже более обстоятельно. Он воспринял всё с живым интересом и без внутреннего отторжения, — хотя до того тоже не интересовался подобными вопросами. Впрочем, ему тогда было всего шестнадцать, и интересы он имел соответствующие своему возрасту. Но переключился — если это можно так назвать — на новый интерес он достаточно быстро. Думаю, это также можно объяснить его бэкграундом, связью с Учением в прошлой жизни и посмертии, которая отпечаталась на уровне подсознания.

Мы каждый день, подолгу, порой просиживая и всю ночь до утра, беседовали на темы Учения, — а информации становилось всё больше. И скоро стали уже вместе думать над тем, как передавать эти знания другим.

Знакомств в кругах людей, интересующихся подобными вещами, у нас не было, соответствующего круга общения — тоже, о доступе к Интернету не

приходилось и мечтать (середина 90-х). Всё, что мы тогда смогли придумать, это бесплатные объявления в различных газетах. Таких газет было много, и мы стали активно пользоваться ими. Тексты объявлений были «Предлагаем общение на духовную тематику», и тому подобные. К нашему удивлению, откликнулись многие; письма на указанный в объявлениях абонентский ящик приходили постоянно. Мы переписывались с людьми, созванивались, потом с ними встречался Хантур, либо я приглашал их к себе домой. Наш круг общения, таким образом, резко расширился.

А люди были разные. И духовно ищущие, и развивающие какие-то свои концепции, в собирающие всё подряд по принципу «Что ни поп, то батька», и увлекающиеся оккультизмом, и просто любители поболтать. Письма приходили даже из монастыря и из тюрьмы.

Начались контакты и с различными духовными, околодуховными, религиозными и полурелигиозными общинами. Мы свели знакомство, прямое или опосредованное, с последователями Рерихов, Айванхова, Виссариона и других деятелей, с рейки, бахаи, кришнаитами и прочими сообществами, из коих о некоторых даже нельзя было точно сказать, чего они придерживаются. Оказалось, что в нашем городе духовная жизнь буквально кипит, и всевозможные течения, даже не считая христианских сект, представлены в достаточно богатом ассортименте. Для нашей цели — поиска последователей — сие было не слишком полезно, но зато помогло создать первоначальный кругозор в этом плане, а также понатореть в подобном общении. Высшей его точкой стало участие в мероприятии, которое его организаторы назвали духовным собором «Белая Русь». В арендованном зале собрались представители различных течений, вышеупомянутых и многих других, которые по очереди выходили на сцену и говорили слова о духовности и необходимости совместно работать над чем-нибудь хорошим. Учение там было представлено Хантуром и ещё одним моим учеником. Когда пришла очередь Хантура, он произнёс небольшую составленную нами речь, суть которой была в том, что подобные соборы бесполезны, поскольку это просто ни на что ни влияющая говорильня. Речь была встречена аплодисментами, после чего говорильня продолжилась.

Вся эта переписка и всё общение дало интересный опыт. Кто-то пытался учиться, приходил, уходил. Я сам тренировался в изложении Учения. Ничего подобного мне до откровения делать не приходилось, и я был вынужден вырабатывать метод изложения прямо на ходу. Приходилось нелегко. Примерно тогда же стало понятно, что споры и попытки кого-то переубедить особого смысла не имеют, — разве что как упражнения в искусстве дискуссии. В основном никто

из тех, кто принадлежит к каким-то духовным течениям, не готов рассматривать иные возможности, а хочет продвинуть своё. Что, кстати, нормально: мы тоже были и остаёмся такими. Убеждённость в истинности и правоте избранного духовного пути — вполне естественная позиция. Просто в такой среде последователей не очень-то найдёшь. Присутствовал и другой вариант — люди, о которых было упомянуто выше, убеждённые, что можно следовать сразу нескольким духовным путям понемногу. С такими, как очень скоро выяснилось, каши тоже не сваришь.

Всякое бывало. Например, был человек, признавший истинность Учения, но не вступивший в него потому, что оно не приемлет лжи, — а без лжи, по его мнению, не проживёшь и не прокормишь семью. Было несколько не вполне вменяемых личностей. А однажды к нам обратился человек, как оказалось, связанный с организованной преступностью. Учение пришлось ему по душе, — но не как духовная система, а как многообещающий, с его точки зрения, источник обогащения. Он предложил нам 150 000 долларов на раскрутку Учения, для начала, с тем, чтобы потом поставить дело на коммерческую основу и делить доходы. Мы, естественно, отклонили это предложение.

Как раз тогда в стране стали зажимать гайки, и зажимать всё сильнее, во всех направлениях, — не только в политике, но и в духовной сфере. Газеты перестали принимать объявления, подобные нашим. Различные духовные сообщества потеряли возможность вести свою деятельность, иные из них просто разгоняли. Никакие соборы и иные мероприятия такого плана теперь не были возможны. Всё стало мрачно и душно. Наши контакты тоже резко сократились, а потом и вовсе сошли на нет.

Однако внутреннее развитие Учения продолжалось. 1 марта 1996 года, то есть спустя чуть менее двух лет после начала откровения, я объявил Учение Единого Храма официально существующим. Мы отмечаем эту дату как день его основания. А осенью того же года пошли первые надиктовки наших текстов. Это было удивительное и радостное событие. У нас появилось своё писание, пусть и не священное (ибо мы не религия). Затем оказалось, что тексты идут не только от Бога Мудрости, у нас носящего имя Эмере, но и от других богов (высших элементалов), а также от людей, принадлежащих к Учению и находящихся в мире энергии. Постепенно сложилась книга «Эвор», ставшая началом пандэкта. Тексты от богов составили первую её часть, тексты от людей — вторую, а тексты, написанные мною от себя, — третью. Тогда же я начал писать первые послания, и ещё статьи, в которых рассказывал об Учении.

Следующим нашим шагом стали попытки издать книгу. Первый её вариант

включал в себя полдесятка текстов, одно послание, несколько статей и некоторые другие материалы. Потом, когда был закончен «Эвор», мы переключились на него. Хантур вёл переговоры с разными издательствами, неоднократно ездил для этого в столицу. В одну из поездок он отнёс рукопись в Институт культуры, откуда вскоре последовало резюме: «Гениальная фальсификация». Ясно, что иначе, как фальсификацию, там это расценить и не могли. Что же до «гениальной», то, как говорится, спасибо на добром слове.

С издательствами всё было непросто. К тому моменту уже настали те самые мрачные времена, и наша книга не пришлась ко двору. Она нравилась издателям, но заняться ею они не решались. Одни боялись, что не окупится, поскольку тематика весьма специфическая, а автор никому не известен. Белорусские издательства уже тогда были, скажем так, весьма небогаты, и неудачное вложение средств могло пустить некоторые из них ко дну. Другие опасались, что за издание нехристианских писаний власти просто прикроют их, отберут лицензию, а тираж конфискуют. Иные долго думали, колебались, решались... Рискнуть решился, в итоге, только один издатель, — но он потребовал переписать книгу так, чтобы она соответствовала его личным взглядам. Поэтому

сотрудничество с ним не сложилось.

Далее мы стали пытаться контактировать с российскими издательствами, — но без Интернета, которого мы ещё не имели, это было чрезвычайно затруднительно.

Параллельно я начал обдумывать написание книги об Учении. Тогда, на рубеже тысячелетий, оно было уже обширной и глубокой системой, содержащей массу информации, — и при этом не имело систематизированного письменного изложения. Очень сжатое описание основ вошло в «Эвор», — но его было недостаточно. Поэтому я готовился к пробе написания книги, понимая, что предстоит большая работа, которая не будет лёгкой и, скорее всего, потребует более чем одной попытки.

И вдруг, совершенно неожиданно для меня, Эмере сказал, чтобы я этого пока не делал. Я удивился, но, естественно, послушался. А спустя короткое время пошли надиктовки текстов второй книги, которая позднее получила название «Дорон». Сказать, что мы были обрадованы, значит не сказать ничего. Писания Учения пополнялись, и это было прекрасно! Теперь стало понятно, почему Эмере остановил меня. Я ушёл в работу над надиктовываемой книгой, которая была закончена осенью 2002.

К тому времени прояснился вопрос, который я задавал Эмере и самому себе с самого начала: почему я? Я начал вспоминать свою прошлую жизнь и посмертие, стал понимать подоплёку происходящего, и яснее осознал суть своего долженствования. Опять же, пересказывать это здесь не буду, а отошлю читателя к соответствующим материалам. Но главное то, что я больше не блуждал среди догадок и домыслов, и теперь сознавал совершенно чётко, что я делаю, почему и для чего. Картина наконец-то сложилась и в этом отношении. И стало очевидно, что тогда, в самом начале откровения, я был попросту не готов к таким новостям о самом себе, и вряд ли бы смог понять и нормально воспринять их. Сперва следовало привыкнуть к происходящему и освоиться в картине мира, какой она предстаёт через призму Учения.

Ну и кроме всего прочего, около 2002 года мы с Хантуром обзавелись компьютерами, а затем подключились к Интернету. Это событие, позволившее нам вырваться за пределы ограниченного информационного пространства и упомянутых зажатых гаек, ознаменовало начало нового этапа нашей деятельности.

© Атархат, 2022

РУБРИКА: **АНАТОМИЯ УЧЕНИЯ**

Не только Учение

Что общего у различных духовных учений и религий? Странный вопрос, конечно... У них много чего общего. Так что не буду томить и сразу скажу, какую именно общность я хочу подчеркнуть. Общность, вынесенную, так сказать, на их титульный лист. То, что все они — духовные. И делом их является знакомство человека с вещами духовными, помощь в познании именно этой стороны жизни. Явления материального мира и общества они разъясняют через духовные аспекты, — но научную картину того же мира и того же общества не преподают. В некоторых из них всё, что выходит за рамки духовного, считается грешным. Наука не только в прошлом, но кое-для кого и сейчас — настоящая дьявольщина.

Да, я знаю возможные возражения: что и в прошедшие времена, во времена полной гегемонии религии, наука худо-бедно развивалась, изучение мира и человека шло, и что в определённые эпохи религиозные общества — как, например, исламское — делали большие, порой опережающие своё время научные достижения. Так-то оно так, — но нужно понимать, что достижения эти делались не религией как мировоззрением, системой взглядов и принципов

жизни, а отдельными людьми, жившими в религиозном обществе. Что совсем не одно и то же. И не нужно забывать, что религия редко приветствовала научные изыскания, что учёные обычно осуждались за свои занятия, и нередко преследовались от имени религии. За их деятельность их объявляли безбожниками, — каковыми некоторые из них, несомненно, и были. Но даже в тех случаях, когда религия была более терпима к науке, в духовных учебных заведениях научная картина мира не очень-то преподавалась. Духовные учения занимались преподаванием духовного. Они показывали картину мира по религии, а не по науке. И ближе к нашему времени, и в наше время ситуация в этом плане изменилась мало: в духовные учебные заведения идут за изучением духовного, а за просвещением в научном плане идут в светские учебные заведения.

Зачем вообще люди идут в религии, зачем ищут духовные пути? Затем, что наука не даёт ответов на многие важнейшие вопросы. А духовные учения дают. Верные или неверные ответы — уже другая проблема; но дают. Поэтому те, кто туда идёт, идут не затем, чтобы им объясняли научные истины, а как раз затем, чтобы им рассказали то, чего наука не расскажет. Так что здесь имеет место своего рода консенсус: религия не заинтересована в том, чтобы преподносить нечто, что выходит за рамки её специализации по духовности, а человек приходит к ней как раз не за научными знаниями, а за духовными. Всё сошлось, к обоюдному удовлетворению.

Религия как таковая вообще не заинтересована в том, чтобы верующие познавали что-то помимо неё. Ведь их знакомство с иными точками зрения и взглядами, в особенности научными, могут поколебать её авторитет и показать её несостоятельность. Религии выгодно ограждать своих приверженцев от сторонней информации, выгодно максимально ограничивать их кругозор. Для неё это вопрос выживания.

Всё вышесказанное — не полемика, а констатация реального положения вещей. И сказано это для того, чтобы обозначить фон, на котором действует Учение, и чтобы было отчётливее видно отличие его позиции.

УЕХ — тоже духовное учение. Но не религия. И его понимание духовности очень отличается от религиозного.

По Учению, к духовности относится всё, что помогает совершенствовать Дух, частицу которого несёт в себе каждый человек. Совершенствуется же он через выработку человеком в себе положительных моральных качеств и через моральный выбор. Но что для этого нужно в первую очередь? Нужно познание. Познание окружающего мира и самого человека. Ведь для того, чтобы выработать в себе что-то хорошее или сделать правильный выбор, нужно понимать, что

хорошо, а что плохо, что правильно, а что неправильно. Тут нужно изучать устройство мира и систему действующих в нём законов, нужно понять место в этом мире человека и увидеть самого человека в его реальном облике. Иначе никак. Иначе это будет либо какая-то угадайка, либо объявление Истиной того, что кому-то хочется считать ею. И результат будет соответствующий.

УЕХ, как и другие духовные учения, заполняет пробелы в картине мира, рассказывая о том, что науке пока неизвестно. Но при этом оно не противопоставляет себя науке. Оба они, наука и Учение, говорят об одном и том же мире, раскрывая его с разных сторон. И стороны эти не противоречат друг другу, а дополняют друг друга. Это как если бы двое описывали сосуд с неким содержимым. Один другому расскажет о самом сосуде, а тот ему — о содержимом. Они очень помогут друг другу. Первый поймёт, для чего предназначен изучаемый им сосуд, а второй поймёт, где помещается изучаемое им содержимое. В итоге оба получат целостную картину.

Поскольку для Учения важно, чтобы люди познавали мир как он есть, во всём его многообразии, то по его логике было бы неправильно, если бы они познавали только те части мира, о которых оно рассказывает. Оно рассказывает об этом не потому, что только это и важно и больше ничего не нужно, а потому, что нужно заполнить пробелы в картине мира, которую показывает наука. При этом научная часть картины никуда не девается, и тоже подлежит познанию. Если её не познавать, тогда то, о чём говорит Учение, окажется неполным, и плохо поможет в совершенствовании Духа.

Поэтому Учение, в отличие от религии, не только не против того, чтобы его последователи изучали научную картину мира, но даже настоятельно рекомендует им это. Человек должен познавать реальность: без этого он не сможет выполнить своё предназначение, не сможет успешно совершенствовать Дух. Если он сосредоточится только на том, что Учение говорит о незримом, и будет изучать только это, он останется ограниченным, полуслепым; а само Учение тогда для него будет мало чем отличаться от религии. Иначе говоря, если изучение Учения не будет сопровождаться изучением научной картины мира, общества и человека, тогда Учение окажется малополезным, если не вовсе бесполезным. Оно учит правильно жить в мире, — но как это возможно, как его применить к миру, если мира-то ты и не знаешь?

Я скажу так: хороший последователь Учения — тот, кто изучает не только Учение.

В дальнейшем, когда у Учения появится больше возможностей, оно будет заниматься просвещением людей не только в духовных вопросах в их привычном

понимании, и будет преподавать не только себя, не только свои собственные знания. Оно будет помогать познавать мир вообще, также и в части различных наук. Как своим последователям, так и всем вообще. Без познания нет развития; а люди должны развиваться. Поэтому образование с точки зрения Учения — один из приоритетных факторов, настоящая основа основ для отдельного человека и общества в целом. Подчеркну: образование как средство познания мира вообще, во всех аспектах, а не только в том, что касается содержания самого Учения. В будущем, когда Учение станет мировоззрением всего человечества, — или чуть раньше, когда, например, появится государство Учения, — образование будет одним из его приоритетов, предметом особого внимания, заботы и благоприятствования. Учение здесь именно для того, чтобы помогать людям познавать мир. В этом состоит его цель.

Ну а если говорить о ещё более близких перспективах, о ближайших годах, то актуальной задачей видится расширение кругозора последователей. Чтобы нормально развиваться и жить с пониманием того, что происходит вокруг, чтобы просто ориентироваться в мире и вообще в происходящем, они должны знать больше, чем доктрину Учения. Им нужно иметь представление об основах разных наук, об устройстве общества, в котором они живут, о человеке.

Кто-то скажет: «Но ведь всё это проходят в школе». И будет прав. Но многое ли из школьной программы сохраняется в голове, и надолго ли? Львиная доля полученных знаний выветривается вскоре после окончания школы, а очень многое и вовсе не усваивается. Школьная программа весьма обширна; часть её полезна, но другая часть — это углублённая и сложная информация, которая может пригодиться разве что специалистам. Помните, была когда-то популярная песня со словами «Нынче в школе первый класс — вроде института»? Так вот большинство такой малополезной, порой и явно лишней информации из головы выбрасывается, а вместе с ней выбрасывается многое полезное, что в самом деле необходимо знать.

Ввиду этого было бы очень нужно даже взрослым людям повторять кое-что из пройденного. Не в тех жутких объёмах, какие пытаются впихнуть через школьные учебники, а хотя бы в общих чертах. Чтобы помнить и ориентироваться. Как говорится, лучше меньше, да лучше. Чтобы человек имел основные представления об истории, физике, биологии, астрономии и других научных дисциплинах, о том, что касается общества, и т.д. Пусть это не будет много томов с зубодробительными погружениями в детали и сложные нюансы. Пусть это будет небольшая книжка по каждой дисциплине, где будут понятным языком изложены основы. Чтобы в голове человека вырисовалась ясная картина, пусть и более-

менее общая, и чтобы ему нетрудно было время от времени перечитать книжку, дабы освежить знания в памяти. Чтобы где-то что-то увидев, услышав или прочитав, он понимал, что к чему, а не смотрел, как морская свинка на вертолёт. Словом, у него должен быть кругозор, хотя бы общий. Это необходимо. Без этого, если по-хорошему, последователю Учения нельзя. И потому нам было бы полезно кроме книг, статей и прочих материалов, посвящённых самому Учению, иметь также и такие учебники, и организовать по ним занятия для последователей, — как изучение, так и повторение, чтобы не забывать.

Это станет возможно со временем, — когда среди нас появятся специалисты, могущие написать такие учебники для общего развития и создания приемлемого кругозора, либо когда мы сможем как-то иначе решить данный вопрос. А пока что держим это в уме как очень важную часть того, что нужно воплотить в жизнь.

© Атархат, 2022

РУБРИКА: **АНАТОМИЯ УЧЕНИЯ**

В трудный путь

Почему люди приходят в различные религии и духовные учения? Можно ли на этот вопрос ответить коротко? В принципе, да. Ответ будет таким: люди ищут Истину, хотят понять мир и своё место в нём, чтобы узнать, как им стать лучше и научиться правильно жить. Это настолько коротко, что короче уже просто не скажешь. Если духовный поиск серьёзен, то он имеет именно такую суть. А каждый ищущий считает свой поиск серьёзным, — иначе какой смысл его начинать?

Теперь другой вопрос. Что обычно говорят различные проповедники и миссионеры, — неважно, каких религий, сект и учений, — стремящиеся обратить кого-то в свою веру? Ну понятно, что они обычно начинают с утверждения её истинности. Что дальше? Краткое изложение её основ; конечно, куда же без этого. Но само по себе ни утверждение истинности, ни изложение основ не служит действенным средством привлечения неофитов. Потому что взять и поверить в истинность просто потому, что кто-то так сказал, — к подобному обычно не склонны даже самые доверчивые люди. Что же до основ, то они могут и не понравиться. Тем более, что их нужно осмыслить, вникнуть в суть, сопоставить с жизнью и здравым смыслом, — а это готовы сделать далеко не все. Так что этого всегда оказывается недостаточно. А что же тогда привлекает людей? Ведь они идут, вступают, присоединяются, принимают.

Да всё то же: реклама. Сфера духовности — тоже своего рода рынок. Есть продавцы, и есть их предложения. Почему продавцы? Потому что они находят клиента, потребителя, с которого потом получают живые деньги. Последователи той или иной религии, секты или какого-либо учения обычно либо платят регулярные взносы, либо делают пожертвования, которые у них настоятельно просят, либо что-то покупают, либо платят за отправление ритуалов, либо оплачивают различные курсы и программы, либо всё это вместе, либо в разнообразных сочетаниях. Так что реклама крайне важна. Потребитель, в принципе, готов платить, — но лишь за то, что ему нужно и нравится.

Что же предлагают продавцы? Они вовсю используют принцип кнута и пряника. Предлагается как сам пряник, так и возможность ухода от кнута, — что часто оказывается одним и тем же. Самый простой пример — обещание спасения. Это может быть спасение от ада путём Божьей милости, с итоговым попаданием в рай. Или спасение от грядущего конца света, — мол, если присоединишься к нам, то переживёшь его, и мы все вместе увидим новый, лучший мир. Или просто спасение от греховного мира, отделение от него, жизнь среди единоверцев и общение только с ними, возможность таким образом очиститься от скверны и, опять же, удостоиться лучшего будущего. Или иные подобные варианты. Всё это предложения, от которых бывает трудно отказаться. Особенно если для этого не нужно много и напряжённо работать головой, а достаточно соблюдать несколько простых принципов, участвовать в ритуалах, молиться и ограничивать себя в чём-то. За такие возможности, какие даёт спасение, не жалко и денег заплатить. Некоторые вообще отдают всё имущество, — уж очень прельстителен главный приз. Да и в новом мире, тем более в раю, оно не понадобится.

Это лишь один пример. А ведь чего только не обещают... Прощение грехов. Благоволение Бога или иных высших сил, их помощь во всём, — в том числе, через чудеса. Успех в делах, поправление финансов, карьерный рост, счастье в личной жизни, защиту от недругов, обычных и сверхъестественных, и ещё много чего. Только искренне веруй, молись, жертвуй, выполняй то-то и то-то. Могут быть и более экзотические — по крайней мере, для наших краёв — предложения, вроде удачного следующего перерождения. Ну а уж если говорить о различных так называемых неокультах и учениях, основанных на всяких хитроумных практиках, то там никто вообще не стесняется. Один «наставник» учит воздействовать на людей и полностью подчинять их своей воле, другой помогает достичь просветления за полтора месяца, третий обещает, что будет лично воскрешать мёртвых. И люди идут, заворожённые такими перспективами. Само содержание этих учений (буде оно имеется) их уже не особо волнует, и разобраться в нём они

не стремятся. Ведь это же явно и очевидно Истина. Потому что если нет, то все эти чудесные штуки работать не будут, — а они работают, и вот этот уважаемый человек нам гарантирует, что мы всё получим.

Так поиск Истины подменяется поиском различных вкусных плюшек. Где их больше, там и Истина, — ну очевидно же! И торговцы духовного рынка вовсю рекламируют свои учения, раскладывая на прилавках горы завлекательно выглядящих лакомств. Они знают, что надо сказать потребителю и чем его надо поманить. Поэтому происходят удивительные вещи. Тоже своего рода чудеса. Смотришь на какое-нибудь свежевылупившееся учение, которое яйца выеденного не стоит, смысла в нём ноль, подача примитивна, порой и моральная сторона более чем сомнительна, — а оно раскрутилось и имеет многие тысячи последователей. Откуда? Оттуда. Предложило хорошую замануху своей целевой аудитории. Стрижёт деньги и вкладывает их в новую рекламу своих плюшек. Таким образом самый нелепый бред, зачастую опасный, — всякие деструктивные секты и т.п., — находит своего фаната. Или фанатика.

Речь об Истине там идёт уже постольку-поскольку. Ставка делается на заманухи. Ведь цель там — не дать людям знания о мире и не научить их чему-то

хорошему, а взять с них что-то. Истина же в таких случаях противопоказана. Потому что она — суровая штука.

Наше Учение предлагает именно Истину. Без прикрас, заманух и заигрываний с потребителем. Мы вообще не рассматриваем никого как потребителя, которому нужно угодить и с которого нужно что-то взять. Никому не угождаем и ничего не требуем в оплату. Каждый ищущий для нас — это именно ищущий, которого интересует Истина как она есть, который не поленится поработать головой, чтобы её понять, и готов идти по её пути, как бы ни был труден этот путь.

Когда ко мне обращается новый человек, желающий стать учеником, я стараюсь по возможности скорее ему объяснить, что тут он найдёт Истину, а не всевозможные бонусы. Рая тут не обещают, ибо его нет. Вечного ада, правда, тоже нет, что не может не радовать. Грехов никто не отпустит: что сделано, то сделано, и из реальности ничего не вырежешь. Следующее перерождение будет не поощрительно-наградным за хорошее поведение, а таким, чтобы были оптимальные условия для развития. То есть оно может быть не легче, а даже труднее нынешнего, — смотря что сочтёт полезным для тебя Природа. Высшие силы в виде всемогущего Бога и т.п. не помогают, ибо их тоже нет, как и чудес, как и вообще чего бы то ни было сверхъестественного. Человек всего добивается сам, или же люди всего добиваются совместно. Никаким хитрым способам добиваться успеха и манипуляциям у нас не учат. Телесного бессмертия, неуязвимости и тому подобного не предлагают. Просветление, в смысле осознания мира и себя в нём, зависит от самого ученика, от его целеустремлённости и усилий. Если что-то такое будет, то очень не быстро, — потому что действительно важный и ценный результат требует времени, сил и терпения. Учение даст знания, но не факт, что облегчит жизнь. Во-первых, оно учит любить мир и людей. А это значит — сочувствовать им, не быть равнодушным и отстранённым, переживать за их страдания. Это несладко. Во-вторых, оно помогает меняться в лучшую сторону, — что всегда трудно. В-третьих, оно имеет чёткие моральные принципы, следование которым может осложнить жизнь. Попробуйте хотя бы прожить без лжи, даже мелкой, и вы ощутите это на себе. Правдивость и следование другим моральным принципам может не способствовать карьере, а создать сложности с работой, не способствовать отношениям с близкими, а раздражать их, и так далее.

Когда я всё это объясняю, мне порой говорят: «Ты же делаешь антирекламу Учению!». Нет: я просто честно предупреждаю о том, что может ожидать его последователей. И задаю встречный вопрос: «Ты пришёл сюда за выгодой и комфортом, или за Истиной?».

Что же даёт Учение? Прежде всего, знания. Оно показывает реальность такой, какова она есть, а не такой, какой её кто-то хочет видеть. Истина — суровая и упрямая штука, она ни под кого не прогибается и никому не старается угодить.

Если кому-то что-то в ней не нравится, — тут уж ничего не поделаешь, она не корректируется на заказ. Ты получаешь то, что есть на самом деле, — и хорошо, если ты искал именно этого. Затем, Учение объясняет, в чём состоит предназначение человека, и как надо жить, чтобы это предназначение успешно выполнить. Для этого нужно следовать определённым принципам; Учение объясняет их и учит им следовать. Оно рассказывает правду, помогает стать лучше, учит приносить добро и пользу людям, миру, Вселенной. Вот то, что оно даёт. С какими сложностями будет сопряжено практическое воплощение всего перечисленного в жизнь — это уж у каждого по-своему. Кому-то придётся очень тяжело, кому-то полегче. Но совсем легко не будет. Такие важные — по сути, самые важные — дела не делаются легко и быстро.

Учение приглашает не на курорт, где тебя ждут сплошные развлечения и оттяг и где в руки падают лакомства, а в трудное путешествие. Настоящий духовный путь не бывает лёгким, и не бывает ориентирован на сугубо эгоистичные интересы. Он тоже приносит радость, удовольствие, счастье, — но это не то же, что жизненные выгоды. Это нечто гораздо более глубокое. Ощущение единства и любви, радость от самореализации в выполнении предназначения, осмысленность жизни, важные внутренние достижения, возможность делать реальное добро и приносить реальную пользу, избавление от мучительных страхов, возможность стать тем, за кого будет не стыдно ни другим, ни тебе самому, — словом, много чего. Но ценность всего этого трудно объяснить тому, кто ищет лёгкой жизни, успеха в карьере, финансового преуспевания, счастья в рамках своего ближнего круга и чудес, которые решали бы за него все проблемы.

Это один из моментов, которыми Учение принципиально отличается от всяких культов, сект и спекулятивных учений. Они стремятся сагитировать как можно больше народа, расписывая, как хорошо и здорово будет тому, кто присоединится, какие выгоды и возможности для счастливой жизни — а также жизни загробной — он получит. Учение же предлагает возможность узнать суровую действительность, стать лучше и научиться быть благом для мира. Они всячески завлекают, убеждая, что будет лучше и легче, а Учение честно предупреждает, что будет трудно. Возможно, труднее, чем было до знакомства с ним. В этом, кстати, заключается одна из причин, почему люди не валят в Учение толпами. Когда ты приходишь, и тебе сразу объясняют, как нелегко тебе придётся, то поневоле задумаешься, — а так ли уж она нужна, та Истина?.. Даже бесплатно...

Учение приглашает в трудный путь и помогает пройти по нему. Пройти вместе с другими, — теми, кто тоже выбрал его. К слову, вместе он и преодолевается легче.

© Атархат, 2022

Предназначение человека по Учению

Человек всегда, во все времена, стремился познать себя. Причём не столько отдельная личность стремилась познать себя как личность, сколько именно человек стремился познать себя как человека. Понять, какое место в мире он занимает, в чём его предназначение. Это всегда было важнее, чем задаваться вопросами о себе как о личности, и вот почему. С одной стороны, социальная функция конкретного человека была определена достаточно чётко, — соответственно сословию и статусу. С другой стороны, если понятно, в чём предназначение человека вообще, то понятно и твоё личное предназначение. Оно состоит ровно в том же. Отличаться может только способ его выполнения. Например, если человек создан для того, чтобы служить Богу, то церковник служит ему по-своему, дворянин по-своему, крестьянин по-своему. Главное — разобраться с предназначением человека. Найти свой личный путь в рамках этого предназначения — это уже задача второго плана.

По сути, всё стремление познать мир, все попытки выстроить ясную картину его устройства были продиктованы более или менее осознанным желанием

уяснить своё место в нём. Причём это побуждение было очень практичным. Жизнь никогда не была лёгкой, и потому люди интересовались прежде всего тем, что можно с пользой применить на деле. Да, было небезынтересно и что-нибудь отвлечённое, — но, в основном, как нечто занимательное, как развлечение. Для того, чтобы интересоваться миром ради познания как такового, нужно было иметь философский или научный склад ума, да ещё иметь время и возможности. Всем этим в комплексе могли похвастаться весьма немногие. Ну а если говорить о практичности, то что может быть практичнее ответа на вопрос, для чего создан человек? Если ты знаешь ответ, то тебе уже в общих чертах понятно, как надо жить. Так что это вовсе не праздный вопрос. Это вопрос о том, чем ты являешься и что тебе делать.

В последние века, а особенно в последний век, интерес к личности приобрёл такое значение, что личность заслонила человека. Каждый ищет своё личное предназначение, забывая о том, что оно может быть определено и может иметь смысл только в контексте мира и места в мире человека как явления. Невозможно проложить осмысленный курс в пустоте или хаосе, не имея системы координат и не локализуя в этой системе себя. Тут всё равно продолжает работать старая добрая схема: если знаешь предназначение человека, то становится возможно определить и свой личный путь, смысл собственной жизни. Эта схема не просто старая: она вечная. Потому что это работает вот так, и никак иначе. И никогда работать иначе не будет. Потому что человек не сам по себе. Он появился в результате эволюции, занял в Природе определённую нишу, и выполняет вполне определённую функцию. Он — важная деталь в механизме Мироздания. И нужна эта деталь только в том случае, если она хорошо выполняет свою функцию. Иначе в её существовании нет смысла.

Таким образом, вопрос о предназначении человека — это вопрос о самом его существовании. Предназначение — то, что даёт ему право на существование. Иначе он просто не нужен. Не надо думать, что ты существуешь исключительно потому, что ты такой уникальный и замечательный сам по себе. Нет. Ты существуешь потому, что можешь сделать что-то, что нужно миру, Природе, Вселенной. И уникален ты потому, что это должно тебе помочь делать нужное дело. Ты не отделен от мира. Ты интегрирован в него, ты являешься его частью, ты живёшь его жизнью. И необходимо понять, как это важно.

А это важно. Первостепенно важно. Потому что предназначением определяется цель жизни. Понятная цель даёт возможность выработать методы, которыми она достигается. И понять собственные возможности, — ведь если Природа поставила перед тобой конкретную цель, то она и заложила в тебя ресурс,

необходимый для её достижения. Иначе говоря, если ты знаешь, что ты должен делать, то ты знаешь, что ты можешь. Это уже очень много для понимания самого себя. Далее, методы достижения цели подразумевают определённые действия, — то есть поступки. Это уже поведение, способ взаимодействия с людьми, обществом, миром. Так складывается психологическая карта личности и формируется образ жизни. То, как ты живёшь, — включая домашний быт, воспитание детей, род деятельности, общение, социально-политические взгляды и прочее, — зависит от того, к чему ты стремишься. Стремишься же ты к тому, что считаешь смыслом своей жизни и чему готов эту жизнь посвятить.

Всё вышеизложенное логично, а потому просто и понятно. У человека есть предназначение, в соответствии с которым он ставит себе цель жизни, в соответствии с которой формируется образ жизни. Я сформулирую то, что из всего этого следует, так: ты есть то, к чему ты стремишься, а твоя жизнь есть осуществление этого в реальности.

Это что касается отдельного человека. Что же касается человечества, то здесь то же самое, только с поправкой на масштаб. Цели, которые человечество перед собой ставит, методы их достижения, и сам способ существования, включая весь попутный антураж, — всё это должно формироваться исходя из его, человечества, предназначения. Вся наша цивилизация должна естественным образом строиться вокруг предназначения человека, как вокруг несущей опоры, и развиваться в соответствии с принципами и методами выполнения этого предназначения. Тогда развитие будет успешным, а существование благополучным, — потому что человечество не будет страдать от разрушительного внутреннего конфликта: несоответствия того, что оно делает, тому, для чего оно существует.

Это тема для отдельного разговора. Пока же скажу кратко и просто: осознание предназначения формирует всю жизнь как отдельного человека, так и человечества в целом. Как мы понимаем своё предназначение, такие у нас и цели, и таковы мы сами.

Поэтому понимание своего предназначения так важно. Это одна из самых важных вещей. А в определённом смысле и самая важная. Ведь от этого зависит, каким тебе быть. Формирование личности, — надо ли дополнительно объяснять, какое огромное значение оно имеет? В этом заключено всё, что касается человека, его личности. И даже больше. Потому что человек формирует пространство вокруг себя, мир, общество, окружающую реальность. Предназначение ваяет человека, а он ваяет всё остальное. Предназначение — та чудесная сила, которая создаёт и изменяет наш мир.

Точнее говоря, так должно быть. Потому что хотя оно и существует, его ещё надо узнать, осознать и принять как жизненный ориентир. Собственно, с этого я и начал разговор: с того, что люди всегда искали предназначение человека, старались выяснить, в чём оно заключается. Это не нечто отвлечённое, а предмет первой необходимости. Практически все религии и философии есть ни что иное, как попытки дать ответ на вопрос о предназначении. Они предлагают варианты картины мира, схемы его устройства, — то есть той самой системы координат, в которой только и можно локализовать себя. О том, сколь успешны были поиски, сейчас рассуждать не будем; скажем только, что если судить по результатам, которые мы видим как в истории, так и в сегодняшнем мире, то не очень успешны. И обратимся к тому, что говорит на сей счёт Учение.

По Учению, Вселенная — это Творец, преобразовавший себя в целях самопознания и самосовершенствования. Процесс эволюции внутри Вселенной был запущен в момент преобразования, и направлен он на появление в ней тех, кого в Учении называют осознающими, — разумными существами, способными целенаправленно познавать мир и самих себя, осмысливать обретённую информацию, давать происходящему моральную оценку и делать выбор за счёт свободной воли. Во Вселенной много разумных рас (то есть видов осознающих), и человечество является одной из них. Каждый осознающий несёт в себе частицу Духа, — того, что можно назвать душой Творца. Дух содержит в себе личность Творца, его способность к мышлению, его качества. А также его несовершенства, — то есть те недостатки, которые он не мог проработать в себе и исправить, будучи в своём обычном состоянии, до претворения во Вселенную. Целью претворения и было исправление этих недостатков. Это должно осуществиться через осознающих, которые могут познать Творца как бы изнутри, в таких деталях и нюансах, в каких до этого он не имел возможности познать себя. В каждом осознающем проявляются разум и качества Творца; можно сказать, что Творец мыслит через осознающих, исследует себя через них. Каждый осознающий способен на основании познанного давать всему моральную оценку и делать моральный выбор между злом и благом. Когда выбор оказывается правильным, тогда частица Духа, которую он несёт в себе, становится совершеннее. Таким образом все осознающие совместно совершенствуют душу Творца, распределённую меж ними в виде частиц Духа. Борясь с собственными пороками и недостатками, совершенствуя себя интеллектуально и нравственно, они тем самым исправляют несовершенства Творца.

Это предназначение осознающих. Всех без исключения. Они — те, кто вершит эволюцию Творца на данном её этапе. Те, благодаря чьим усилиям и труду Творец

однажды сможет переродиться в более продвинутое эволюционно, более совершенное существо. Таким образом, они делают самое важное дело во Вселенной. Делают то, ради чего и была создана Вселенная, ради чего в ней идёт эволюция. Как уже было сказано, она изначально направлена на то, чтобы появлялись осознающие, от которых зависит дальнейшая судьба Творца.

Люди — тоже осознающие, и потому предназначение человека состоит в том же, в чём состоит предназначение всех осознающих. На короткой дистанции, т.е. в рамках одной человеческой жизни, это познание мира, совершенствование себя (изменение себя в лучшую сторону) и изменение к лучшему мира. На длинной дистанции это совершенствование Творца, благодаря которому он сможет переродиться и продолжить жить.

Частное переплетается со всеобщим. Твоя личная задача, которую ты осуществляешь в своей жизни, есть часть задачи глобальной, охватывающей всё и всех; то, что делаешь ты, есть часть дела вселенских масштабов и вселенской важности. Ты сам — часть Творца, твоя жизнь — часть его жизни, твоё совершенствование — его совершенствование, его жизнь — твоя жизнь, его будущее — твоё будущее. То, что ты делаешь сейчас, важно для Творца в Вечности. Потому что ты делаешь действительно самое важное дело на свете. На свете и во Вселенной.

На практике это означает, прежде всего, познание мира, познание реальности. Потому что нужно делать выбор, — а как его делать, если не знаешь, между чем и чем выбираешь, почему ты можешь выбирать, и ради чего ты это делаешь? Итак, познание, а затем моральный выбор. Так ты совершенствуешь себя, — а на самом деле совершенствуешь Творца. Преодолеваешь свои пороки, исправляешь свои недостатки, — а на самом деле исправляешь его внутренние недоработки. Лучше понимая мир и сам становясь лучше, ты обретаешь способность и возможность сделать мир лучше. То есть через познание, моральный выбор и полезное творческое действие человек улучшает самого себя, улучшает мир вокруг себя и улучшает Творца (Вселенную). Это и есть его предназначение, если объяснять максимально просто.

Особенно важно понимать следующую связку: ты делаешь самое важное дело во Вселенной, но делаешь его через обычные дела, доступные тебе в твоей текущей жизни. То есть от тебя не требуется быть всесильным и мановением руки вершить судьбы галактик. Ты делаешь великое дело через дела малые. Ты воздержался от неправильного поступка — и Творец стал совершеннее. Ты сделал что-то правильное и полезное — и мир стал лучше, а Творец снова стал совершеннее. В том и чудо происходящего, что маленький человек через

маленькие дела вершит судьбу Вселенной. А значит, он лишь с виду маленький человек. В действительности он ни что иное, как воплощение Творца.

Люди, как и остальные осознающие, приходят в мир для того, чтобы выполнять предназначение. В этом состоит их эволюционная функция. Для этого они рождаются разумными существами. Задача каждой вновь появившейся цивилизации — через изучение мира и собственное развитие придти к пониманию и выполнению предназначения. То есть научиться делать то, для чего данная цивилизация и возникла. Эволюционная цель цивилизации и цель одного отдельного индивидуума как её частицы не отличаются ничем, кроме масштаба. Иначе говоря, когда индивидуумы стремятся к выполнению предназначения, тогда и цель цивилизации оказывается такой же; а когда цель цивилизации такова, то и индивидуумы воспитываются в том же ключе.

Это общий принцип, который в случае человечества работает так же. Оно изначально стремилось к познанию, повинуясь инстинкту, тому внутреннему императиву, который заложен в него самой эволюцией. Оно появилось, чтобы познавать и совершенствоваться, оно под это «заточено», и оно к этому тянется, и всегда тянулось, даже не сознавая того. Суть происходящего в том, чтобы познать мир в степени, достаточной для понимания места и функции в нём человека. То есть для понимания предназначения. Далее — осознание человеком этого предназначения и выстраивание жизни в соответствии с ним. Жизни отдельной личности и жизни человечества как разумного вида, как цивилизации.

Если подходить к этому должным образом, то предназначение определяет всё. Я имею в виду — тогда, когда оно известно и осознано. Его выполнение и есть цель жизни. Под осознанную цель выстраивается вся жизнь. Это естественно и нормально. Например, у парня цель стать военным и служить своей стране. Он стремится к этому с детства. Данное стремление формирует круг его интересов и увлечений, отчасти формирует его круг общения и круг друзей. Затем он идёт в военное училище. Затем несёт службу, которая теперь станет его образом жизни. Так формируется его психология, его отношение к жизни, его принципы. Так формируется его семья, — потому что его жене предстоит быть женой военного, со всеми вытекающими, а его дети будут видеть вокруг себя военный быт и будут находиться под его влиянием. Военной службой для этого человека определяется, где он будет жить, что он будет делать и, возможно, когда и как он умрёт. Служба для него — даже не просто образ жизни, а сама жизнь. Это то, чем он стал, и то, что он делает. То, что он привносит в мир. И так с каждой целью. Если это серьёзная цель, если за ней стоит серьёзное дело, то она определяет всю жизнь человека.

Точно так же осознанное предназначение определяет жизнь осознавшего. Его цель — помочь совершенствованию Творца, чтобы Творец мог жить. Что для этого нужно, было сказано выше: познание, работа над собой, умение делать правильный моральный выбор, труд на благо мира. Это общие задачи. Та канва, по которой должно вышиваться всё остальное. Ведь для того, чтобы решать общие задачи, необходимы конкретные способы. Стремления и намерения должны облечься в определённую форму. Для их воплощения в жизнь есть множество способов и вариантов, и каждый человек выбирает тот, который ему по душе и по способностям. В Учении это обычно сравнивается с огромным потоком, в котором каждый человек — особая струя. Все струи уникальны, ни одна не повторяет другую, — но при этом все они текут в одном направлении одним общим потоком.

Так и с предназначением. Оно одно на всех, и цель тут общая. Однако каждый идёт к ней по-своему. Род деятельности, стиль жизни, увлечения, что угодно, — всё можно выстроить так, что оно не будет мешать предназначению, а наоборот, будет помогать ему, работать на него. Познавать можно всегда; куда ни глянь — везде будет то, что можно познать. Работать над собой можно постоянно; абсолютно всё, что с тобой происходит, есть материал для такой работы. Ситуации для морального выбора, более или менее значимого, жизнь предоставляет в изобилии. Способов сделать для мира что-то хорошее, сделать сам мир лучше, столько вариантов, что их не исчерпаешь и за тысячу жизней. Одним словом, в плане следования предназначению количество возможностей безгранично. Каждый может найти себе вариант по вкусу.

Это я к тому, что одно предназначение на всех вовсе не означает нечто одинаковое и скучное. Тут как с литературой. Язык может быть один, и способ записи текстов тоже один, — но вариантов написанного может быть бесконечное множество. Жанры, стили, направления, формы, темы, смыслы, объёмы, и прочее, и прочее. От трагедии до комедии, от афоризма до многотомного научного исследования, от стихотворной эпитафии до героической поэмы, от повести о любви до политической сатиры... Не перечислишь. Просто бери и твори, — так, как хочешь и можешь. То же самое с предназначением. Воплощай его в жизнь как хочешь и можешь. Возможностей — океан, поле для их осуществления — весь мир, вся жизнь, весь ты.

Главное — помнить, как важно то, что ты делаешь. Это самое важное дело во Вселенной. Ради того, чтобы сделать его как следует, стоит постараться. Ты здесь именно для этого, — так что не бойся потратить на это время. Даже всё своё время, сколько его у тебя есть. Всё остальное важное — всего лишь частицы этого самого важного дела, без которого прочее не имеет смысла. Да, всевозможных

важных дел много. Но надо следить, чтобы они гармонично вплетались в самое важное дело. Чтобы они были его частицами, его проявлениями, его гранями. Чтобы делая любое из них, ты делал самое важное дело. Так живёт человек, следующий предназначению человека.

Вот так это и происходит. Сначала мы ищем предназначение, как самое необходимое в жизни, как то, что придаёт жизни смысл. Найдя же его, мы учимся жить в соответствии с ним. Это значит, что с успешным завершением поисков трудности не заканчиваются. Возможно, самое трудное только начинается. Мы как строители, ищущие место для постройки дома. Наконец, с большим трудом, место найдено, — и вот теперь-то предстоит потрудиться по-настоящему. И если бы возможно было всерьёз позавидовать самому себе, я бы позавидовал. Участвовать в самом большом, наиважнейшем деле и знать, что ни одно усилие, ни одна крупица твоего труда не пропадёт зря, — чего ещё можно желать, чтобы счесть жизнь удавшейся?..

© Атархат, 2022

Свидание с миром

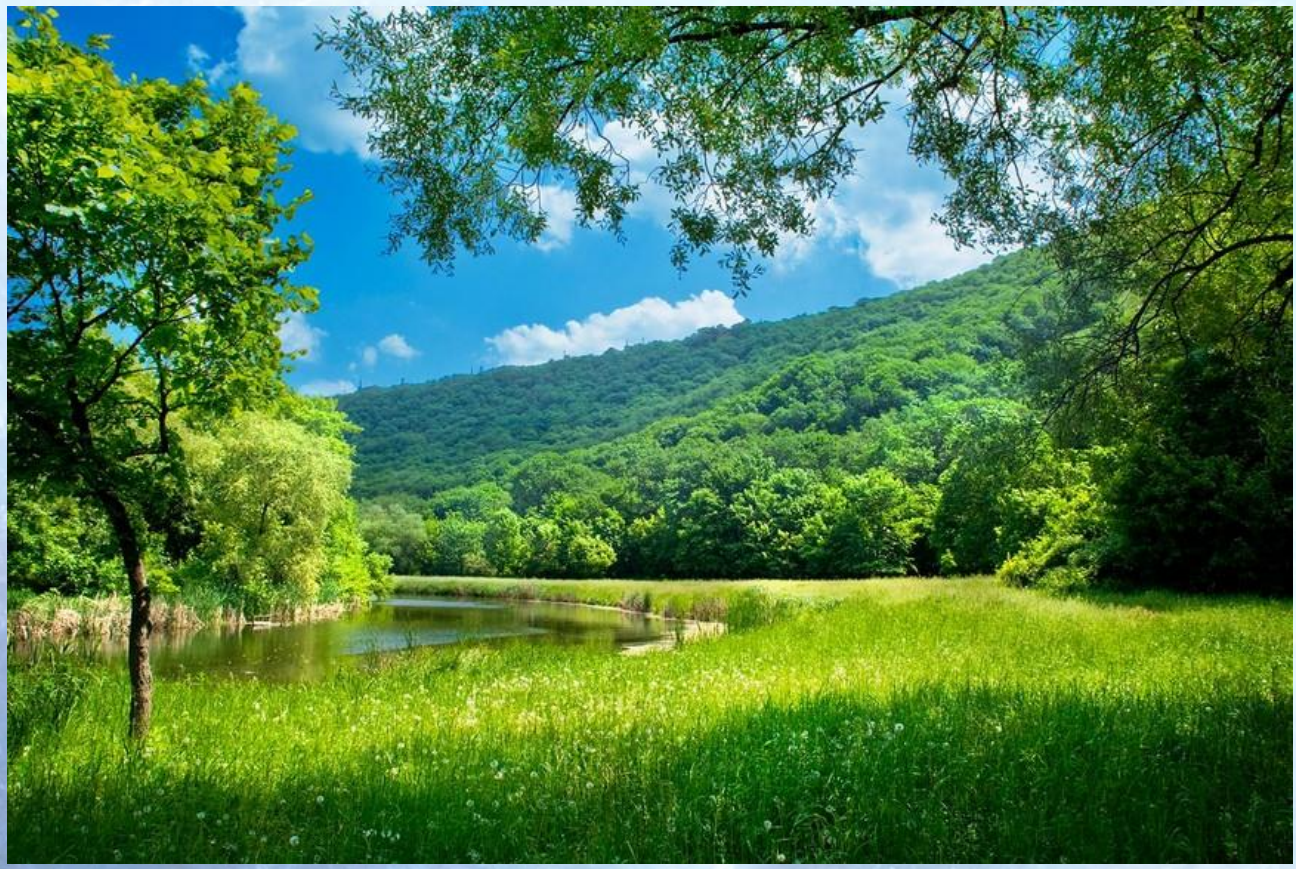

Любите ли вы путешествия? Уверен, что многие ответят «А кто же их не любит?». Но вот представьте себе — не любят тоже довольно многие. Есть самые настоящие домоседы, которым неохота даже выбраться за пределы родного города. Неохота по многим причинам. Кому-то лень собираться, готовиться, потом заморачиваться с возникающими по пути вопросами и проблемами. Кто-то и поехал бы, если бы бесплатно повезли, кормили, поили и развлекали. Кому-то просто неинтересно; он скажет «Чего я там не видел?». Ну а кому-то не то чтобы неохота: ему страшно.

Люди всегда путешествовали, — из исследовательских побуждений, торговых, кочевых, учебных, миссионерских, политических, или даже завоевательских. Но в то же время всегда было больше тех, кто никогда никуда не ходил и не ездил, всю жизнь проводил на одном месте. Например, крестьянин, привязанный к своему хозяйству и не видевший ничего кроме нескольких окрестных деревень или, в лучшем случае, ближайшей ярмарки в нескольких десятках километров от дома. Или городской обыватель, у которого под боком своя мастерская, лавка или ещё что-нибудь, и которому некогда, да и незачем разъезжать. Домоседство — тоже привычное состояние для человека, и оно борется с тягой к путешествиям. И по

крайней мере в прежние времена состояние привязанности к обжитому месту было сильнее. Это идёт из глубокой древности, когда человек был более-менее в безопасности только дома, где он досконально знал окрестности, где вокруг были все свои, где, в случае чего, было удобно обороняться или прятаться. Отойди подальше, где всё менее знакомо, — и не факт, что вернёшься назад... Опасностей море. И опаснее всего другой человек. Могут убить просто за то, что ты забрёл на чужую территорию. Её обитатели предпочтут перестраховаться, — потому что пришёл неизвестно кто, и от него можно ожидать всякого. Да и не только в совсем глубокой древности, но и, в общем-то, во все времена путешествовать было довольно опасно. Люди не делали этого чаще всего именно из нежелания столкнуться с рисками и опасностям, а не из отсутствия желания или необходимости.

В наше время всё изменилось довольно существенно, — и, к счастью, в лучшую сторону. Прежде всего, появились новые виды транспорта. Мир по своим реальным масштабам остался прежним, но по ощущениям стал гораздо меньше. Если раньше для того, чтобы совершить кругосветное путешествие, требовались годы, сейчас требуются считанные часы. Тогда за время такого путешествия можно было пострадать или погибнуть сто раз; теперь можно его проделать, почти не вставая из удобного кресла. Да, опасности есть и сегодня, — бури,

аварии, террористы и так далее. Но если раньше исключением можно было считать полностью благополучный исход путешествия, то сейчас наоборот. Всё идеально быть не может, и никогда не будет. Однако ситуация в этом плане улучшается. За последние десятилетия путешествия стали не в пример более безопасными, а также и более доступными для многих в финансовом смысле.

Народ активно этим пользуется. Опять же, тот народ, которому позволяют средства, — а такого становится всё больше. И туристический бизнес сделался одним из самых прибыльных. Но главное не то, что кто-то получил возможность на этом заработать, а то, что люди получают всё больше возможностей увидеть мир.

Это их мир. Мир, в котором они живут. И не просто живут, а частицами которого они являются. Плотью от его плоти, без преувеличения. Они едут посмотреть чужие страны и континенты, — но в действительности они едут, чтобы узнать ту часть самих себя, которая продолжает оставаться неизведанной. Хотя сами могут этого и не осознавать.

Человек должен познавать. Он должен иметь образование, должен иметь какой-никакой кругозор. И в этом плане путешествия — важный элемент познания. Конечно, об иных краях можно читать, можно увидеть их на фото, по телевизору, в Интернете. И вот тут старая пословица «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать» как будто утрачивает смысл. Она родилась тогда, когда фото и видео не было. Ну а такое «увидеть» теперь можно, хоть и с некоторой натяжкой, приравнять к прежнему «услышать». Теперь правильнее будет сказать «Лучше один раз побывать».

Кое-кто сегодня едет в дальние страны, что называется, отдыхать. То есть некоторое время жить в треугольнике «номер отеля — пляж — магазин сувениров». И что характерно, потом такие люди хвастают, что побывали там-то и там-то, поездили по миру. Но что они видели на самом деле? Что узнали? На эту тему хорошо сказал Евгений Гришковец в своём моноспектакле «ОдноврЕмЕнно»: «Может возникнуть желание, например, стать путешественником. Но не таким путешественником, который купил себе путёвку в Турцию, в турагентстве каком-то, и поехал путешествовать в гостиницу. Нет. Таким путешественником, который плывёт на своём корабле стирать белые пятна с глобуса». Я бы добавил — свои личные белые пятна со своего личного глобуса. А просто отдыхать прекрасно можно и дома, на диване, с интересной книгой в руках, или на лавочке в ближайшем сквере. Есть и такие, которые сочетают отдых с физкультурой, отправляясь в турпоходы в горы или ещё куда. Уже неплохо; но всё ещё, как бы, не совсем то. Другие сочетают его с любознательностью, покупая экскурсии по

историческим местам и музеям. Вот это словно бы уже совсем то, но... Большинство таких экскурсантов делают это просто потому, что оно престижно. И потом, опять же, можно хвастаться, что побывал в Лувре или на развалинах Колизея. Ну а что толку? От таких поездок часто не остаётся ничего, кроме фотографий. Фотографий в куче других таких же, из других таких же поездок. И уже даже толком не помнишь, какая откуда, и что ты там видел... Потому что было интересно не узнать, а просто поглазеть. Это практически то же самое, что ничего.

В наше время у человека появилась возможность, которой не было ещё никогда: увидеть свой мир вблизи. Посмотреть, потрогать, подышать его

воздухом, пообщаться напрямую. Побывать на свидании с ним. Это очень, очень важно. Как часть познания — буквально неоценимо. И делаться это должно сознательно. Нужно понимать, что ты знакомишься с планетой, на которой живёшь, со своим домом, который надо знать и который надо уметь любить. Пусть пока что возможность путешествовать ради познания мира есть далеко не у каждого, и даже не у большинства, — но сто лет назад её не было вообще ни у кого. Разве что у аристократии. Да и та больше преследовала цели просто развлечься. Что, кстати, тоже называлось «посмотреть мир».

Времена меняются, и вместе с ними меняется человек. Когда-то для него было нормально сидеть дома, боясь сделать шаг в неведомое. И даже тогда многие такой шаг делали. Теперь же пора расширять свой дом и своё восприятие до планетарных масштабов. Сегодня, любя родные места, нужно учиться любить ещё

и весь мир. Одно другому ничуть не мешает. Ну а в будущем, когда времена изменятся ещё больше, — и надо надеяться, что к лучшему, — возможность путешествовать и познавать родной мир должна быть у каждого. Это должно быть в порядке вещей настолько же, как сейчас, например среднее образование. Возможность путешествовать, либо, при необходимости, легко переезжать на новое место жительства и работы. В другой город или на другой континент.

Хотя дело тут уже не в быстром транспорте, безопасности или финансах. Дело в самом устройстве мира. Он должен быть единым, без границ, без подозрительности или враждебности в глазах людей там, куда ты приезжаешь. Он должен быть действительно общим домом для всех. А люди должны быть друг для друга своими. Только тогда станет возможно приходить на свидание с миром когда угодно и куда угодно. Только тогда станет возможно ощутить новую, небывалую степень единства с ним. Ощутить счастье встречи с любимым миром, как счастье встречи с любимым человеком.

Это тоже путешествие. Путешествие в лучшее будущее. Путешествие

нелёгкое и небезопасное. Но этот путь необходимо преодолеть. Потому что у нас с вами сегодня есть только то, что ожидает нас там, в лучшем будущем. Прозвучало странно и не совсем понятно? А вы подумайте над этим. Постарайтесь понять.

© Атархат, 2022

Право на труд

Согласно различным государственным законодательствам, а также международным документам, человеку гарантируется право на труд. И для многих это звучит странно. Даже несколько издевательски.

Причин у такого восприятия несколько, и одна из них, очень важная, — исторический опыт. Ведь труд — это работа, зачастую физически тяжёлая. А работали всегда те, кого разнообразные элиты считали людьми второго сорта. Да, исключения бывали; и да, занятия самих элит — военных, чиновных, церковных, финансовых, партийных и прочих — тоже можно считать трудом. Но всё равно, понятие «труд» обычно ассоциируется с физической работой разной степени сложности и тяжести. Если ты из низшего класса — ступай работать, вкалывай на поле, на строительстве, в шахте, в мастерской или ещё где-нибудь. Работай как лошадь. Ты от неё не так уж и отличаешься. Физический труд был атрибутом унизительного статуса. Потом, конечно, его вознесли на пьедестал, — и совершенно правильно. Ведь этот труд в самом деле кормил и обеспечивал всем необходимым все сословия и классы. Однако он от этого стал ненамного приятнее. Да и осадочек остался.

Другая причина — банальная лень. И даже не то чтобы лень, — хотя и она тоже, — а скорее нежелание делать что-то, если можно и не делать. Ну зачем тратить время, силы, зачем надрываться? Далеко не всякая работа (и это мягко сказано) является творческой. Физический труд чаще всего тяжёл, однообразен и нуден. Говорят о таком замечательном человеческом качестве, как трудолюбие. Но я думаю, что мало кто трудится именно из любви к труду как таковому. Трудятся потому, что надо как-то жить, как-то зарабатывать. Или чтобы не сойти с ума от безделья, которое для кого-то ещё скучнее, чем однообразный труд. И даже творческий труд, связанный с искусством и т.п., для многих — средство пропитания. Они и этого не делали бы, если бы могли.

А насчёт любви — да, может быть. Но, как я и сказал, вряд ли это любовь к самому труду как к процессу. Это, скорее, любовь к результату, радость от его достижения. А ещё — любовь к тем, для кого ты трудишься. Ты хочешь им сделать добро и радуешься такой возможности, ценишь её, ищешь её. Мы это отметим особо. Труд — это способ сделать добро людям и сделать лучше мир. Вот только я очень сомневаюсь, что среди огромных масс тружеников всех времён было так уж много тех, кто отчётливо задумывался о таких вещах. Разве что в плане семьи...

Так чем же, в таком разрезе, оказывается право на труд? И почему для кого-то это может выглядеть как издёвка? Потому что этот кто-то так и смотрит на труд, как на опускание человека до уровня тяглового скота. Вы даёте мне право корячиться и выбиваться из сил, как каторжнику или батраку, а я должен быть за это благодарен?.. Или же: я прекрасно живу и не трудясь, — так зачем мне такое нелепое право? Может быть, мне ещё для собственного удовольствия киркой в забое помахать? Ну смешно же... Да, некоторые — и их немало — относятся к праву на труд именно так. С их точки зрения оно не имеет смысла.

Но ведь так не может быть на самом деле. И в утверждении, что труд сделал из обезьяны человека, рациональное зерно точно есть. Он имеет эволюционную функцию: помогает развиваться. Право на труд можно рассматривать и в таком аспекте, — т.е. как право на возможность развития. Каждый человек не только имеет право, но и должен развиваться, и у него нельзя такую возможность отнимать. Наоборот, ему нужно её предоставлять. Что ж, это уже кое-что. Смысл права на труд проясняется. Хотя вряд ли в различных документах, где оно прописано, имеется в виду именно это.

Там подразумевается, в основном, то, что описывается известным принципом «Кто не работает, тот не ест». Иными словами, если ты не заработаешь на хлеб, то умрёшь с голоду. И право на труд, таким образом, оказывается гарантией возможности выжить. Людям надо дать работу, чтобы они могли жить. Выглядит

как «Если работу не найдёшь, то и помирай». С одной стороны, перед нами нормальный капитализм: всё стоит денег, и если ты не сможешь их заработать и заплатить, то ничего не получишь. С другой стороны, это отсылает нас ко временам глубокой древности, когда бесполезный член семьи (рода, племени, общины) оказывался для неё обузой, понижал её шансы на выживание, и потому на него было жалко тратить скудные ресурсы. Хотя современные богатые капиталистические государства уже могут позволить себе содержать безработных, выплачивая им пособия. Что благополучно аннулирует смысл права на труд как обеспечения возможности выжить. На пособие по безработице особенно не разгонишься, — но и нищенствовать не будешь. И многие сейчас сознательно выбирают именно этот вариант — жизнь пусть и скромную, но зато не обременённую трудом. В обществе побеждающей гуманности ведь не дадут помереть с голоду даже бездельнику, правильно?

Вот, смысл права на труд, вроде бы, начал проясняться, — и тут же вновь смазался. Поэтому давайте копнём глубже. Зададимся вопросом: а как всё это будет выглядеть, если посмотреть с позиции Учения?

По Учению, главная работа, которую выполняет человек, это работа по совершенствованию себя, мира и Вселенной. Ты работаешь над совершенствованием своей частицы Духа, тем самым совершенствуя душу Творца, и одновременно делаешь что-то для того, чтобы окружающий мир стал лучше, — красивее, справедливее, организованнее, добрее, вообще пригоднее для нормальной жизни. Так ты трудишься над тем, чтобы Вселенная стала лучше во всех отношениях. Это и есть самый главный труд. Все остальные формы и виды труда — лишь способы его осуществления на практике. То есть любая полезная деятельность — от уборки мусора до писания хороших книг, от хлебопашества до борьбы с преступностью, от воспитания детей до исследования космоса — есть ни что иное, как способы сделать лучше себя, мир и Вселенную. То есть реализовать в конкретных действиях самый главный труд.

А человек появился именно для того, чтобы выполнять сказанный труд. Для этого его создала эволюция. И здесь, таким образом, речь идёт уже не просто о выживании в конкретной текущей жизни. Здесь речь о самом праве на существование вообще. Человек получил это право не просто так, а чтобы делать вполне конкретное дело: трудиться на благо людей, мира, Вселенной. В ином случае он бы просто не существовал как явление. Никого из нас не было бы.

Поэтому с точки зрения Учения важнейший труд, частью которого является любой другой полезный труд, — это труд на благо Вселенной и всего, что в ней есть. И этот труд для человека — то же самое, что существование. Человек есть

потому, что для него есть эта работа. Повторю в третий раз, ибо это важно: воплощением данной работы в практику становится любой нужный, полезный труд. Поэтому по Учению право на труд — это право на существование. Право, которое дало не какое-то законодательство или международное соглашение, а сама Природа. Закон вчера не гарантировал такого права, сегодня гарантирует, а завтра, может быть, снова не будет гарантировать. Природа же даёт то, ради чего имеет смысл существовать. Она даёт жизнь, потому что в жизни есть смысл. Собственно, смысл и является источником жизни. Пока нам есть над чем трудиться, до тех пор нам есть ради чего жить. И Природа дарит нам жизнь.

Таково, по Учению, право на труд. Мы существуем, потому что мы нужны Вселенной. Мы можем делать то, чего за нас никто не сделает. И дав нам жизнь, Природа поручила нам этот труд. Без него у нас не было бы права на существование. Поэтому каждый может сказать о себе: «Я тружусь — следовательно, существую. Я существую — следовательно, тружусь».

Такого права на труд никто не может гарантировать, и никто не может его лишить. Оно просто есть как факт, — потому что мы существуем. Ну а если кто-то этого не знает, не понимает, или не умеет толком воплотить это в жизнь, — что ж, ничего необычного тут нет. Чтобы хорошо выполнять любую работу, нужно научиться её делать. И чем сложнее и нужнее работа, тем дольше приходится её осваивать. А мы говорим о самой нужной, сложной и тяжёлой работе во Вселенной. Понятное дело, что учиться ей приходится долго. Очень долго. Не одну жизнь. Так что не нужно списывать со счетов тех, кто пока ещё достойно не проявил себя на этом поприще. Они учатся. И однажды проявят.

© Атархат, 2022

Обыкновенное убийство

«Высшая мера социальной защиты» — приговор к расстрелу в раннем СССР

В последнее время набирает новую актуальность тема смертной казни. Все как-то всполошились по этому поводу. В государствах, где её нет, начинают задаваться вопросом: «Может быть, она всё-таки нужна?». А там, где она есть, задаются сразу двумя вопросами: «Может быть, от неё следует отказаться?» и «Не расширить ли сферу её применения?». То есть единого мнения не то что во всём современном мире, а даже в самых цивилизованных — как многим хочется думать — его частях нет, и пока не предвидится. Что, в общем, совершенно неудивительно. В смысле, неудивительно, что такая проблема даже более актуальна для особо цивилизованных краёв, тогда как в остальных с этим проще. Ведь в данном случае проблематика лежит в области прав человека, а конкретнее — в противопоставлении прав преступника и всех остальных граждан. Первый имеет право на жизнь, последние — на то, чтобы быть обезопашенными от него.

Для чего, вообще, казнят преступников? Основных мотивов несколько.

Прежде всего, наказание. За мелкие правонарушения не казнят, а казнят за что-то ужасное, — например, за убийства, или за то, что привело к смертям людей. Хотя где как, конечно... Где-то и непочтительное слово в адрес правителя может

стать поводом для расстрела. Но так или иначе, государство принимает на себя функции мстителя и карает преступника. Именно так это чаще всего и воспринимается обществом, по принципу «Заслужил — получи». Только ведь по сути казнь как наказание не имеет смысла. Потому что преступник не успевает его ощутить в полной мере. Ну, страх ожидания казни, ну, несколько неприятных секунд во время её... А если он убил или замучил несколько человек, то разве эти ощущения будут достойной карой? Потом же он просто умрёт, и для него всё закончится. Его, фактически, отпустят, избавят от ответственности. К тому же, наказание имеет какой-то смысл тогда, когда наказанный может сделать из этого конструктивные выводы и изменить своё поведение. Собственно, для этого наказание и существует. А что оно для мертвеца? Так что казнь как наказание — решение сомнительное. Разве что она послужит предостережением для других.

Тут мы подходим ко второму мотиву: устрашению. Казня злодея, государство как бы говорит другим преступникам, и в первую очередь преступникам потенциальным: «Смотрите, такое будет и с вами, если что. Так что думайте головой, прежде чем на что-то решиться». Кажется, что это и в самом деле практично. Потому что посмотрев на судьбу казнённого, ему подобные должны задуматься. Кто-то в самом деле не решится на преступление. Однако же на практике выходит иначе. По статистике, введение смертной казни не очень влияет на частоту тяжёлых преступлений, а где-то и вовсе не влияет. Вообще, количество таких преступлений может быть больше в стране, где она есть, и меньше в стране, где её нет. Надо думать, не в страхе тут дело. Просто жизнь в той или иной стране такая, что обстоятельства подталкивают людей на преступления. Сами люди такие, — так они воспитаны и научены решать проблемы подобным образом. И если уж кто-то склонен к таким поступкам, если его не удерживает совесть, то и страх не удержит, скорее всего. К тому же, каждый надеется, что именно его-то не поймают. А для многих многолетнее тюремное заключение страшнее смерти. Потому что это реальные страдания. И если уж их такая перспектива не удерживает, то угроза смерти — т.е. возможность легко, с их точки зрения, отделаться — вряд ли испугает больше. Так что как способ устрашения смертная казнь тоже оказывается не слишком практичной.

Третий важный мотив — стремление обезопасить общество. Оно боится преступника, и потому оно уничтожает его руками официальных властей. Он и вправду опасен. Да, есть тюрьма. Но он из неё когда-нибудь выйдет, или может сбежать. Общество предпочитает не рисковать, и просто уничтожить его. Тогда о нём можно будет забыть. А то посади его, пусть и пожизненно, стереги, корми, лечи, плати за всё это из налогов. Или выпусти и жди, что он ещё натворит.

Ликвидировать проще, дешевле и спокойнее. Можно назвать такой подход трусостью, или осторожностью, или злопамятностью, или практичностью. Все эти варианты сплетаются в одну верёвку, на которой кого-то вешают.

Таковы главные мотивы. Ну а когда приговор приведён в исполнение, по тому или другому из них, или по всем вместе, тогда остаются те, кто его выносил, и те, кто приводил его в исполнение. Люди, по поводу которых окружающие — а главное, они сами — сомневаются: палачи они или убийцы? И если всё же палачи, действующие по закону, то это ненамного приятнее. Палачей никогда нигде не любили, презирали и боялись, и само это слово было и остаётся оскорблением. Им с этим жить. Ну а если какие-то из них по данному поводу не переживают, а может, им ещё и нравится их работа, то тем хуже для них.

А что говорит по поводу смертной казни Учение?

Начать следует с того, что Учение допускает применение насилия, вплоть до летального, — но только в случае, когда необходимо защитить кого-то. У нас это формулируется как «защита правого и невинного». Убийство в любом случае является злом; но иногда бывают ситуации, когда оно предотвращает ещё большее зло. Как пример приведу борьбу с терроризмом. Тут стоит вопрос: либо уничтожить террориста, преступника, либо позволить ему убивать людей. То и другое — зло. Но второе является большим злом, чем первое. Эта тема, тема допустимости насилия, нуждается в отдельном разговоре, и он состоится, обязательно. Пока же мы просто констатируем, что насилие допустимо именно ради защиты. Лишение человека жизни в данном случае можно охарактеризовать как крайнюю степень насилия. Соответственно, если тот, от кого защищают других, более не опасен, то и лишать его жизни незачем.

Звучит это очень сухо. Однако за краткими и сухими формулировками стоит вполне конкретное этическое содержание. И вывод из него следует простой: смертная казнь, как мера по отношению к арестованному и осуждённому преступнику, не нужна, а значит, морально неправомерна.

Когда преступника, что называется, берут, он может оказывать сопротивление, отстреливаться и т.д. Это мини-боевые действия, в ходе которых его могут и уничтожить, — тут уж как получится. Арестованный же он угрозы не представляет. Он заперт или закован, над ним стоят вооружённые люди. В такой ситуации он сам беззащитен. И его казнь будет уже не вынужденной мерой, а обыкновенным убийством. Он убивал кого-то, кто был беззащитен перед ним, а теперь государство убивает его, когда беззащитен он. Тем самым оно ставит себя на одну доску с преступником. Просто потому, что в его уничтожении теперь, после ареста, нет настоящей необходимости. Исходя из таких соображений,

Учение выступает против смертной казни.

Возражения могут быть всё те же. «Надо наказать». Но это странное наказание, не оправдывающее своего применения. Или даже, по сути своей, избавление от наказания. «Пусть другие боятся». Но как средство устрашения смертная казнь работает плохо. А сама идея убивать беззащитных и более неопасных людей для того, чтобы кого-то запугать, дурно пахнет. «Он может сбежать». Так надо лучше организовывать охрану. Ваши тюрьмы ненадёжны, охрана коррумпирована, — но вместо того, чтобы предпринять усилия по решению данных проблем, надо кого-то убивать? Кто-то должен платить своей жизнью за чужое дурное управление, разгильдяйство и алчность? «Он может отсидеть, выйти и приняться за старое». Это значит, что тюрьмам как исправительным учреждениям — грош цена. Тут надо либо лучше работать с заключёнными, либо честно признать, что тюрьмы — средство изоляции, и не более. Если преступник опасен, пусть сидит пожизненно. «Посади его, а потом корми и обеспечивай ему условия». Пусть работает в тюрьме, если это возможно, пусть отрабатывает своё содержание. Что же до условий, то тюрьма должна быть тюрьмой, а не курортом. Не нужно обеспечивать таким преступникам райскую жизнь. При этом не нужно и содержать их в пыточных условиях. Всё должно быть строго и минимально по удобствам. Аскетично. Только самое необходимое. Хотел жить лучше — надо было вести себя по-человечески. «Пострадавшие и их семьи имеют право на моральное удовлетворение». Удовлетворение, жаждущее убийства, вряд ли можно назвать моральным. Это, скорее, кровная месть. Кто-то всерьёз считает, что государство должно быть инструментом кровной мести? Тогда это будет ничем иным, как жестокими дикими нравами, завёрнутыми в красивый фантик современного правосудия. Ну и так далее. У сторонников смертной казни найдётся немало доводов её пользу. Однако все они малоубедительны.

Если присмотреться, то сквозь такие доводы проглядывает банальная ненависть. «Преступник — плохой человек, и потому его надо убить». К этому всё, в итоге, и сводится. Простое и кардинальное решение. Что ж... Так было на протяжении многих тысяч лет. Надо ли так поступать сейчас, в наше время, когда без долгих и патетических речей о гуманности и ценности человеческой жизни обходится, разве что, поход в сортир? Видимо, этот вопрос всё ещё остаётся открытым. Кто бы мог подумать, да?

Проблема смертной казни — лишь одна из огромного количества проблем современного общества. А существование их обусловлено дурным устройством последнего и его внутренней несбалансированностью. Принципы провозглашаются, направления намечаются, задачи ставятся, но само общество

оказывается не в состоянии всё это обеспечить. Потому что запросы на результат не соответствуют исходным условиям. Это как если бы кто-то сажал хорошее зерно, и при помощи самой лучшей техники, но не на плодородной почве, а на камнях. Урожая в таких условиях ждать не приходится. Так и с вопросом о смертной казни. Его можно муссировать без конца, в то время как общество само продуцирует преступников. На самом же деле человек должен быть таким, чтобы мысль о совершении преступления ему претила. И чтобы потом другим не надо было думать — убить его за то, что он сделал, или нет? Проще говоря, он должен быть хорошим человеком. Да, вот так, со всей очевидностью. Ну а хорошие люди воспитываются в хорошем обществе.

Где бы взять такое общество, в котором дети не вырастали бы преступниками?..

© Атархат, 2022

На развалинах вчерашнего дня

Война в Украине продолжается. Гибнут люди. Сильно подорвана экономика страны. Многие населённые пункты лежат в руинах. Но разрушены не только они. Вместе с ними разрушены те реалии нашего мира, в которых мы жили, буквально, ещё вчера. Мы все сейчас находимся на развалинах вчерашнего дня. И если Украина оправится от своих разрушений и станет, я уверен, ещё лучше, чем была, то прежняя реальность уже не восстановится. Да и не надо. Она себя явно исчерпала, и могла стать — более того, становилась — только хуже. У тех, кто это замечал, практически не было надежд на её изменение к лучшему. А вот надежда на то, что новая реальность окажется светлее, есть. Во всяком случае, тут даже записному пессимисту стоит для разнообразия немного побыть оптимистом.

Что же меняется? Меняется многое. Скажу об этом несколько слов, вспомнив также и тезисы, обозначенные мною в небольшой статье, опубликованной после начала войны.

Прежде всего, развеялись сладкие иллюзии относительно того, что в Европе XXI века война невозможна. А силу иллюзий, и в особенности силу шока по их разрушении, не следует недооценивать. Оказалось, что всё гораздо опаснее, страшнее и больнее, чем мнилось. Рухнул привычный и комфортный мир. По ходу

дела показала свою несостоятельность дипломатия, которая в общем восприятии была вознесена почти на уровень Бога, и которая при этом не смогла предотвратить катастрофу. Отдельным номером программы облажалась ООН. Хотя эта организация-импотент давно посматривала вслед Лиге Наций, теперь она уже откровенно просится в утиль. Не вышло чему-то научиться на ошибках, имевших место перед Второй Мировой. Не только грабли оказались теми же, но и лоб, похоже, тот же. ЕС тоже не оправдал чаяний. Представления о некой налаженной системе европейской безопасности превратились в пшик. НАТО выступило в образе дряхлого старца, от страха вжимающегося в стену, стоит кому-то погрозить ему кулаком. В общем, вся эта многоликая система современного устройства Европы показала свою непригодность к дальнейшей эксплуатации. Нужно всё менять. А поскольку на ней в огромной степени завязана система устройства всего современного мира, то очевидно, что перемены назрели и в мире вообще.

Отдельно коснусь ситуации в религиозной сфере. Если коротко, то религиозные акторы оказались, мягко говоря, не на высоте. Русская Православная Церковь в лице своих высших иерархов не только не помогла предотвратить или остановить войну, не только не осудила её, но даже одобрила и поощрила. В Украине православные с обеих сторон ожесточённо уничтожают православных; и в ходе тех же боёв столь же, а может, и ещё более ожесточённо, уничтожают друг

друга православные и мусульмане. Католическая Церковь в лице Ватикана делает какие-то телодвижения, папа призывает к миру, — но совершенно очевидно, что это не имеет значения и ни на что не влияет. Религиозная сторона жизни в нынешних обстоятельствах оказалась бесполезной и, по большому счёту, никому не интересной и не нужной. То есть и она сейчас, фактически, лежит в развалинах.

Изменились роли и стереотипы, в русле которых мир двигался с середины сороковых годов прошлого века. Страна, демонстративно боровшаяся с империализмом, имевшая славу главного борца с фашизмом и его победителя, и действовавшая на международной арене в этом амплуа, теперь сама стала агрессором с фашистским антуражем, и ведёт откровенно империалистическую, захватническую линию. Значит, меняются характеристики стран-персонажей в так называемой геополитике, становятся другими их роли, плюсы и минусы меняются местами. А это ведёт к перестройке всей системы отношений, что не может не стать для упомянутой системы серьёзнейшим вызовом. Теперь придётся переоценивать давно сложившиеся взаимоотношения и перестраивать их с учётом новых реалий.

Многое меняется в сфере мировой экономики, науки, культуры. Санкции, которым подверглась Россия, как и сама война вообще, отражаются на мировой энергетике, на торговле практически всем, от компьютерных программ до зерна, на сфере коммуникаций, на научных проектах, на культурных связях, и так далее, и так далее. Теперь во всём этом предстоит перестройка, предстоят изменения взаимосвязей, которые нужно будет налаживать и переналаживать. Что-то уйдёт с первого плана, что-то, наоборот, выйдет на первый план. Многим странам придётся существенно корректировать свою экономику, делать поправки в плане приоритетов и контактов. Нечто подобное будет и в идеологическом плане. Потому что, как уже было сказано выше, меняются стереотипы послевоенного (т.е. после 1945) мироустройства. Они получили мощный удар в 1991, но во многих своих моментах ещё держались, в целом сохраняя прежнюю картину; теперь же, похоже, они сломаны окончательно.

Кроме всего прочего, становится всё более актуальной перспектива распада России на ряд самостоятельных государств. Если так и случится, это станет вообще грандиозным потрясением для всей системы международных взаимосвязей и для мировой экономики. И перемены в результате будут ещё более глобальными. Сойдёт со сцены огромная держава, в течение нескольких столетий бывшая одной из сил, определявших судьбы мира. Такое вполне возможно: сегодняшняя Россия уже почти уничтожила себя изнутри. А тем временем, и во многом в связи именно с этим, назревает очередной и, возможно,

беспрецедентно опасный кризис на Ближнем Востоке. А ещё тем временем приобретают небывалую остроту многие вопросы, связанные с усиливающимся Китаем. Словом, нынешний мир натурально трещит по швам.

Ну и, конечно, ядерное оружие. Его функция тоже не остаётся прежней. При всём, что с ним связано ужасного, оно всё же было сдерживающим фактором для проявлений агрессии. Теперь оно превращается в средство шантажа, и мешает пресекать проявления агрессии. Но пресекать их как-то надо. Это означает, что угроза как точечного применения ядерного оружия, так и глобальной ядерной войны очень возросла. Если раньше мир балансировал на краю пропасти, — и это уже было по-настоящему страшно, — то теперь он висит над пропастью, буквально держась одним пальцем. И что в такой ситуации делать? Можно попытаться, как предлагают некоторые, разоружить нынешнего агрессора после того, как он потерпит поражение, лишить его ядерного арсенала. Это было бы очень хорошо, — но сомнительно, что удастся. Но даже если удастся, это не решит проблему окончательно, не отодвинет мир от края пропасти на безопасную дистанцию. Пока ядерным оружием обладает хотя бы кто-нибудь, оно остаётся угрозой всему миру. Как ружьё, висящее на стене на протяжении спектакля. Чтобы оно не выстрелило в конце, его нужно убрать. Хочется надеяться, что ядерные державы, да и не только они, наконец-то осознают это и двинутся в сторону всеобщего ядерного разоружения. Может, хотя бы творящаяся сейчас жуть приведёт их в ум.

Перечисление меняющихся реалий можно продолжать и дальше. Я назвал,

понятное дело, не все; а те, что назвал, обрисовал без подробностей. Но и этого, как мне кажется, достаточно для того, чтобы представить в общих чертах, какие перемены сейчас происходят. Мир меняется буквально у нас на глазах. Те, кто этого не замечает, в какой-то момент всё равно окажутся лицом к лицу с новой реальностью.

Мы на развалинах вчерашнего дня. День завтрашний ещё только предстоит построить. Вопрос — как это будет?

Может случиться так, что мир всё-таки сорвётся в пропасть глобальной войны. Или не сорвётся, но текущий кризис будет усиливаться, всё начнёт рушиться лавинообразно, — экономика, политика, научно-техническая сфера и т.д., — и мир просто окажется отброшен в прошлое на десятки лет, если не дальше. Конечно, он и в таком случае постепенно восстановится и снова двинется вперёд, — но это будет сопряжено с гораздо большими потерями, усилиями и затратами времени. Допускать подобные варианты развития событий не хочется. Однако и отбрасывать их тоже нельзя. Потому что человечество уже не раз и не два демонстрировало, как прекрасно оно умеет не извлекать полезного опыта из своих ошибок и трагедий. Если то же самое произойдёт и на сей раз, в этом, увы, не будет ничего удивительного.

Может случиться и так, что должные выводы будут сделаны, и должные меры к неповторению ошибок будут приняты. Но и тогда не будет гарантии, что в процессе исправления прежних ошибок не будут совершены ошибки новые. То

есть совершены-то они будут в любом случае, поскольку ничто новое, да ещё столь сложное и масштабное, не делается идеально. Вопрос в том, насколько велики будут эти новые ошибки, и не окажутся ли они под стать прежним. Вдруг для того, чтобы сохранить порядок в мире, будут приняты такие драконовские меры и гайки будут затянуты так жёстко, что былые времена разброда, шатания и неустроенности на том фоне покажутся раем?

Хотя в начале статьи я говорил о том, что неплохо побыть оптимистами. Поэтому давайте надеяться, что человечество не окажется совсем уж клиническим идиотом. Что кризис благополучно разрешится, что приобретённый такой дорогой ценой — буквально, слезами и кровью — опыт пойдёт впрок, и что на развалинах прошедшего дня выстроится более справедливый и человечный завтрашний день. Что порядок будет наведён, и что он не переродится в новую людоедскую диктатуру. Что будет налажена новая, более адекватная система взаимоотношений в Европе и мире, и что она вскорости не пойдёт вразнос. Что сегодняшняя ситуация станет для человечества переломным моментом, и что перелом этот будет в лучшую сторону. Есть пословица: «Не было бы счастья, да несчастье помогло». Пусть же происходящее сейчас несчастье поможет наконец-то уже что-то понять, и дальше совершать меньше ошибок. Тогда эта дорогая цена будет уплачена за горькую науку, и всё будет хотя бы не напрасно.

Ну а мы, люди, все вместе и каждый в отдельности, должны постараться внести свой вклад в построение хорошего завтрашнего дня. Сделать для этого хоть что-то. Кто что может. А сделать что-то полезное, хоть чуть-чуть, может каждый. Только не надо думать, что это не ваше дело. Это дело каждого. Наше. Ваше. Моё. Твоё. Иначе получится, что мы не заслуживаем нового, лучшего мира.

© Атархат, 2022

Мёртвые души

На днях я узнал, что в Иркутске есть уникальное место: книжный приют. Туда попадают ненужные, выброшенные книги, из макулатуры и т.д., и там их можно купить за скромную цену, тем самым дав им новую жизнь. А ещё оказалось, что в некоторых других населённых пунктах на улицах стоят ящики, куда люди могут складывать книги вместо того, чтобы просто выбрасывать, — и желающие могут забирать их бесплатно.

Трудно описать, как приятно было узнать об этом. Книги для меня — нечто почти священное, самые дорогие вещи на свете. Когда я вижу, как их выбрасывают, у меня буквально обливается кровью сердце и хочется плакать... или драться. А их выбрасывают всё больше. Прошли времена, когда в самой читающей стране тогдашнего мира книги были ценным народным — говорю это без малейшего пафоса — достоянием. За ними охотились, доставали через кого-то, потому что даже тогдашних крупных тиражей не хватало, их приобретали по подписке, а также через общества книголюбов, как делал мой отец. В нашей семье книг много, было и есть. Мысль о том, чтобы выбросить их, кажется дикой; это как

расстаться с членом семьи. При этом знаю людей, которые выбрасывают постоянно. Одни из наших соседей купят книгу, прочтут, и отправляют на помойку. На вопрос «Зачем выбрасываете?» отвечают: «Ну а что с ними делать? Не хранить же. Повторно читать неинтересно».

Теперь бумажные книги теряют в спросе. Ведь есть книги электронные, которые легко найти и скачать, обычно бесплатно, которые не занимают места в квартире и не требуют, чтобы с них хотя бы стирали пыль. Я сам накачал целую библиотеку, тысячи названий, — но при этом не могу расстаться с тремя своими личными книжными шкафами, трещащими по швам. Все эти книги читаны-перечитаны и пере-перечитаны. Зато теперь я переосмыслил своё отношение к людям той знаменитой породы, которая книги собирает, красиво расставляет на полках, но не читает. Таких в прежние времена высмеивали сатирики. Тогда подобные «коллекционеры» казались прямо-таки преступниками, награбившими сокровища и скрывающими их от людей. А сегодня... Да пусть уж хранят не читая, лишь бы не выбрасывали. Да... И это, как оказалось, тоже познаётся в сравнении.

Сейчас книги покупают всё реже, а выбрасывают всё чаще. На них не просто не хотят тратиться, их не просто не хотят читать, обходясь всё больше Интернетом, но в них попросту перестают видеть ценность. Они всё меньше воспринимаются как носители информации, и даже как развлечение (посмотреть видеоклип или двухминутный смешной ролик проще, чем прочесть книгу). И их теперь выбрасывают, без смущения и сожалений. И их приходится спасать, для них приходится организовывать приюты, как для бездомных собак и кошек.

У меня тоже имеется небольшой опыт спасения книг. Довелось в этом поучаствовать. Не знаю уж, радоваться или нет. С одной стороны, дело-то хорошее. С другой стороны, трудно радоваться тому, что для такого дела вообще бывает повод. Как бы то ни было, могу привести пару случаев в качестве иллюстрации к теме.

Первый из них был прост, без затей. Произошло это у нашего подъезда. На улицу вышел один из малознакомых нам соседей и высыпал у мусорных баков груду книг. Эти люди переезжали или делали ремонт, уже не помню. Мы с мамой были очевидцами этого, и нас оно неприятно поразило, как акт вандализма. Было неловко, но под косыми взглядами присутствующих — помойка же! — мы забрали несколько книг домой.

Другой случай был более интересным. Тогда один мой ученик работал на местном предприятии по переработке вторсырья, куда свозили тряпьё, бумагу и прочее подобное. Отдел макулатуры представлял собой большое помещение с грудами всевозможных бумаг, старых газет и книг. Не только потрёпанных и

рваных, но и вполне приличного вида, порой практически новых. Самых разных. Учебники, художественная литература, включая мировую классику, научно-познавательная, духовная... Там было всё, что угодно. И это всё шло на переработку. Тот или иной сотрудник предприятия время от времени утаскивал домой какую-нибудь книгу, — детективчик там, например, или фантастику. На подобные мелкие хищения руководство внимания не обращало.

Увидев описанную картину, товарищ рассказал обо всём мне, и мы стали держать совет. Книги гибли, и нужно было что-то делать. Но что? Хищения по чуть-чуть там допускались, и можно было просто выносить книги. Однако мы хотели забрать не одну-две штуки, а существенно больше. А главное — мы не могли воровать, даже если это как бы дозволялось. В итоге было сделано следующее. Товарищ пошёл к директору и попросил разрешения забирать книги, обязуясь взамен приносить на предприятие другую бумагу, по весу. Тот удивился, но разрешение дал. Его удивление можно понять: много ли вы встречали несунов, спрашивающих разрешения у начальства и добровольно компенсирующих предприятию причиняемый ущерб? Думаю, ни одного. Вот и он не встречал. С того момента мой товарищ по опасному бизнесу стал приходить на работу с сумкой, где лежало несколько килограмм бумаги, а уходить с сумкой, где лежало несколько килограмм книг. Это было неожиданное открытие: оказывается, книги можно измерять в килограммах. Тогда мы изыскивали макулатуру на этот обмен, перетряхивая всё дома и не только. Ну а сослуживцы смотрели на него вообще с недоумением. Разве не странный человек? Зачем что-то тащить взамен, если можно брать даром? Кому нужна эта бумага? Государство, что ли, обеднеет без неё?

Таким образом за то недолгое время, которое он там проработал, нам удалось спасти десятки книг. И каких! От книг по китайской и древнегреческой философии до комментариев на Бхагават-Гиту, от «Фауста» Гёте до огромных томов десятитомной «Всемирной истории», от книг из двухсоттомной Библиотеки всемирной литературы до редкостей типа «Книги песен» Абу-ль-Фараджа аль-Исфахани... Это была, натурально, манна небесная.

Понятно, что издаётся не только хорошая литература, но и всевозможная чушь. Последней, наверное, больше. И она действительно никому не нужна, и её можно спокойно отправлять в переработку, — может, на новой бумаге напечатают что-нибудь стоящее. Но почему люди избавляются от книг, подобных перечисленным выше? Да просто не ценят. Не понимают, что это такое. Кто-то выбрасывает эти сокровища, кто-то сдаёт именно как макулатуру, за копейки. Отправляют в расход культурные, интеллектуальные и духовные ценности.

Иной скажет: «Да что за беда? Я могу всё это скачать в Интернете и прочитать в любой момент». Я отвечу: во-первых, ты удивишься, но даже в Интернете можно найти не всё. Во-вторых, я не поверю, что ты это прочитаешь. Кто выбросил Гёте или Конфуция, которого можно читать, держа в руках, тот не станет читать его и в электронном виде. Просто не испытает такого желания. Ведь никто не читает того, что не считает интересным и ценным. А что считают интересным и ценным, то не выбрасывают. Да, читать иногда удобнее в электронном виде, — например, находясь в дороге. Но что ты будешь ценить и читать в электронном виде, того ты не выбросишь и в виде бумажном. Тут не вопрос удобства, а вопрос отношения.

Вряд ли я открою кому-то глаза, если скажу, что культурный уровень общества заметно упал по сравнению с тем, что было лет 30-40 назад, и продолжает падать. Это при том, что среднее образование продолжают получать все, а высшее образование уже почти стало обязательным. Вот только получают его всё больше не для того, чтобы обрести знания и стать культурнее, то есть не для умственного и духовного развития, а ради заработка, престижа, самолюбия. Отношение к книгам тут — хороший показатель. Культурный человек хорошую книгу не выбросит, даже если лично ему она не очень нужна. Он понимает её ценность. В крайнем случае, он отдаст её кому-нибудь, отнесёт в библиотеку или в букинистический магазин. Или положит на улице в ящик для желающих, — если, конечно, кто-то поставит там такой ящик, и если хулиганы не подожгут его.

Когда я смотрю на фото, запечатлевшие кучи выброшенных книг на помойках и свалках, у меня возникает ощущение, что я смотрю на мёртвых людей. Мёртвых внутри. Они продолжают где-то ходить, что-то говорить, что-то делать. Но их мёртвые души — вот они, лежат в грязи, и ветер шелестит их рваными страницами. Это не свалка книг. Это кладбище. А жить на кладбище, которое всё разрастается, не очень-то уютно.

Потому и прочитать о приюте для книг мне было приятно и радостно. Словно глоток свежего воздуха. И хотя большинство выброшенных книг не спасти, спасение даже некоторых — важное дело. Ведь это спасение не только их. Это спасение себя.

Книг сейчас издают всё меньше. Но всякой чуши среди них по-прежнему много. Она тоже отправляется на помойки. Было бы прекрасно, если бы она там и оставалась, а хорошие книги спасались бы. Глядишь, так со временем на наших с вами книжных полках их стало бы больше, чем плохих.

© Атархат, 2022

Духовник и психолог, или Оптимизм уместен

Мне неоднократно приходилось слышать, как кто-нибудь ворчит в духе — вот, в наше время люди хлипкие, внутренне слабые, все ходят по психологам и всяким психотерапевтам, а раньше такого не было, прекрасно обходились без них, и вообще, эта мода возникла на Западе, а теперь вот и наши обезьянничают. И так далее, и тому подобное. Да что греха таить: я и сам когда-то рассуждал примерно так же. Потому что ну вот именно так всё это и выглядит. Для того, чтобы переменить своё мнение, потребовалось время, определённый опыт и понимание некоторых вещей.

В чём же суть перемен во мнении? Да просто в какой-то момент для меня стало очевидно, что ничего нового, по сути, не появилось. Именно по сути. Есть изменения по форме. Они тоже очень важны, — потому что форма в данном случае непосредственно связана с содержанием. Но суть явления, повторю, не изменилась.

О чём мы сейчас говорим? О том, что человек идёт, например, к личному

психологу, чтобы побеседовать, рассказать о своих проблемах, получить какие-то разъяснения и советы, получить терапевтическую помощь. Специалист, наблюдающий его не первый год, хорошо его знает, ориентируется в обстоятельствах его жизни, имеет представление об истоках и развитии его проблем. На основании всего этого, а также определённых методик работы, он старается помочь подопечному. Порой даже получается. Тому в самом деле становится легче, какие-то проблемы удаётся совместно решить.

Ничего не напоминает? А если представить, что речь там не идёт о научных методиках?

Да, вот именно. Оказывается, такие психологи и психоаналитики были всегда. И люди всегда обращались к ним ровно за той же самой помощью. Речь, конечно же, идёт о духовных Учителях.

Под термином «духовные Учителя» я здесь условно объединяю всех, кто так или иначе трудился на этой ниве. Всевозможные жрецы, шаманы, священники, наставники, гуру, святые и отшельники, — словом, все те, к кому люди шли за наставлением и утешением. Чтобы было понятнее, приведу конкретный пример из близкой нам всем действительности. Возьмём христианского священника (конкретная конфессия тут значения не имеет). Кто он? Служитель Бога, понятно. Но его работа заключается не только в отправлении ритуалов, совершении таинств и ведении различных церковных дел. Он ещё и наставник, духовный опекун своих прихожан. К нему недаром обращаются «отец». Он должен быть в курсе жизни каждого прихожанина (в идеале), знать его проблемы, беды, характер, хорошие и дурные качества, надежды и чаяния, — то есть знать его, в самом деле, как хороший отец знает своего ребёнка. Можно сказать, видеть его душу. Тогда он сможет помочь духовному чаду, поддержать, утешить, вместе с ним разобраться в его проблемах, дать полезный совет, удержать от плохого и подтолкнуть к хорошему. А вместо научных методик он имеет методики духовные, а вместо научной картины мира у него картина религиозная. Но для своих подопечных он делает то же, что нынешний психолог или психоаналитик. Он сам вынужден быть психологом, хоть и без диплома, — потому что иначе нельзя. За годы общения с людьми, наблюдений, осмысления увиденного и накопления опыта хочешь не хочешь, а станешь своего рода психологом и душевным терапевтом, — если, конечно, вообще способен к такому роду деятельности. Или пусть не христианский священник, а китайский или индийский мудрец, к которому люди со всей округи идут за утешительной беседой, наставлением и добрым советом. Ну а для того, чтобы это им дать, мало быть специалистом в религии. Нужно быть специалистом в человеке, — и в человеке вообще, и хорошо знать, в частности, тех, кто к тебе

обращается регулярно.

Так что люди прибегают к помощи психологов уже много тысяч лет, ибо нуждаются в этом всегда. Эту функцию во все времена выполняли духовные Учителя. И всем было понятно, насколько это необходимо: обычно считалось, что, по-хорошему, у каждого должен быть такой наставник, — священник, мастер, гуру, ребе и так далее.

Это вовсе не новое веяние. Просто выглядит оно сейчас несколько иначе, ибо очень сильно перетекло в научную плоскость.

С началом Просвещения религия стала утрачивать свои позиции, а потом наука в её современном виде начала триумфальное шествие по планете. Религия же всё больше теряла доверие, — как по причине очевидного несоответствия вырисовывающейся всё более чётко научной картине мира, так и по причине всё больше бросающегося в глаза несоответствия её служителей функциям, которые они должны выполнять. В плане последнего можно посмотреть на ситуацию, создавшуюся как в христианстве, так и, например, в буддизме. То и другое священство, по многочисленным фактам и свидетельствам, погрязло в жадности, пьянстве, блуде, стало весьма некомпетентным в собственной религии и равнодушным к нуждам верующих. Это было и раньше, — но раньше не имелось альтернативы. Теперь она появилась. И за советом и помощью стали чаще обращаться к специалистам, работающим на научной основе.

К тому же, появился ещё один фактор. Дело в том, с ростом популярности услуг психоаналитиков и психологов, коих появилось неимоверное количество и продолжает становиться всё больше, эти услуги стали всё больше превращаться в сервис. Причём недешёвый. А в задачи сервиса входит удовлетворение нужд клиента. Ещё общеизвестно, что кто платит, тот и заказывает музыку. Клиент приходит к такому специалисту для того, чтобы ему сказали то, что он хочет услышать. Для этого он специалиста и нанимает, за это ему и платит. Мало кому хочется услышать, что он неправильный, делает что-то не то, и должен постараться измениться. А как же самоуважение, а как же одобрение того, что нравится, а как же психологический комфорт? Сервису платят именно за комфорт и выполнение желаний, а уж никак не за то, чтобы тебе объяснили, что ты желаешь чего-то мерзкого и ненормального. Вот со священником сложнее. Он объяснит тебе, какова воля высших сил, ткнёт тебя носом в твою неправильность и предложит исправиться. А то и наложит церковное наказание. Даже если сам он далеко не идеал. Ведь против высших сил и их законов в любом случае не попрёшь. А спекулятивная психология оправдает и объявит нормальным и приемлемым почти всё, что угодно, заботясь о том, чтобы клиент не волновался, не лишился

внутреннего комфорта, ушёл довольным и потом пришёл ещё. Религия, при всех её недостатках и заблуждениях, всё же пытается объяснить, что объективно правильно, — тогда как спекулятивная психология подгоняет понятие правильности под клиента. Даже не под конкретного, а под некоего совокупного клиента, следуя популярным в обществе потребления тенденциям.

В итоге прихожанин мутировал в клиента и пошёл не туда, где расскажут, как надо, — кстати, тоже не совсем бесплатно, как правило, — а туда, где ему скажут, что надо так, как он хочет. Хотя в последнее время в некоторых особо продвинутых и передовых церквях стали поступать так же. Если мораль не прибыльна, то и высшим силам придётся помолчать, отойдя в сторонку. Это борьба за выживание, ребята. Какая там вера, какая мораль?..

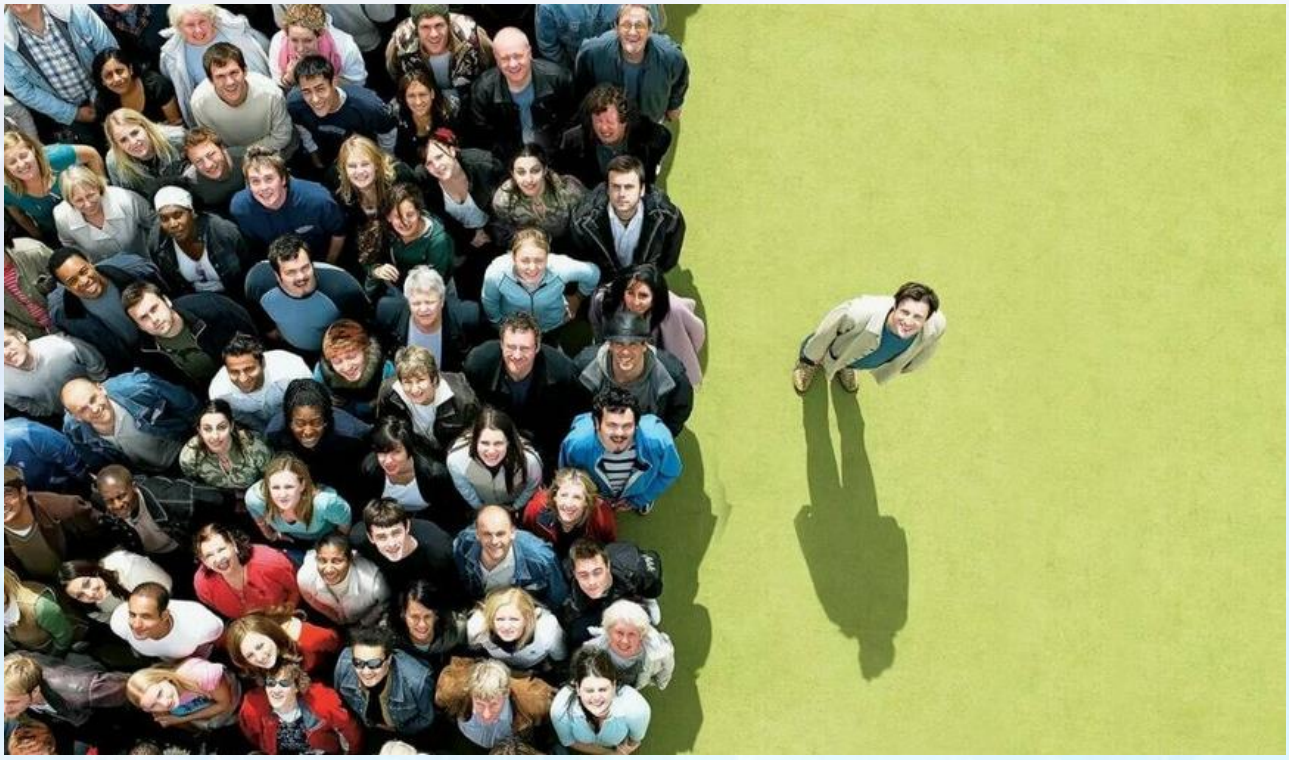
Так обстоят дела на сегодняшний день. Потребность в психологической помощи пришла из глубины тысячелетий и просто приняла новый облик. Это не мода, а жизненная необходимость. Так что по сути ничего не изменилось. Специалисты по психологической помощи были всегда, есть сейчас, и будут дальше.

Другой вопрос — какими они будут? Религия продержится ещё долго, но возвращения прежнего авторитета ей не видать, — если только общество каким-то образом не откатится назад, к донаучному восприятию мира. Спекулятивная психология, будучи явлением, плохо совместимым как с объективным взглядом на вещи, так и с моралью, идёт к тому, чтобы себя полностью дискредитировать. По идее, со временем должен сформироваться подход, основанный на восприятии мира как единой системы, где жизнь человека неотделима от законов природы, а мораль представляет собой некий общий для них знаменатель. Это подход, при котором объективное научное знание и духовность неразделимы, а религия оказывается невостребованной. При котором описание реальной картины мира, духовные наставления и психологическая помощь идут, так сказать, одним пакетом, — и потому всё эффективно работает. Притом бесплатно. Просто потому, что такой «пакет» для человека — предмет первой необходимости, он нужен для психологического выживания. Брать за это деньги — всё равно что брать плату за право дышать.

Будет ли так когда-нибудь? Конечно. Нормальное развитие человечества ведёт к этому. Вектор есть. И пусть пока что двигаться по нему получается так себе, это один из тех случаев, когда оптимизм уместен.

© Атархат, 2022

Личность и общность: в поисках единства

Конфликт — это хорошо или плохо? Кажется, ответ очевиден. Но не всё так просто. Ведь если с одной стороны конфликт — это отрицательные эмоции, вражда и страдания, то с другой стороны — это работа мысли, концентрация сил, преодоление, двигатель развития. Вся жизнь человеческого общества проходит в конфликтах, которые одновременно и больно бьют по нему, и двигают его вперёд. И речь идёт не только о политике, экономике, искусстве и прочем подобном. Есть ещё принципиальный конфликт старого и нового, конфликт отцов и детей, мужского и женского, нравственного и безнравственного, и так далее. А ещё есть конфликт личности и общности.

Кто-то поспорит, говоря: «Да где он? Ну да, ну кто-то время от времени отчебучивает что-нибудь антиобщественное... Но это какие-то отдельные неадекватные личности». А я не об этом. Я о гораздо более глубоком уровне такого конфликта, который обычно не проявляется в форме грубого насилия, но при этом определяет многие проблемы человеческого поведения и жизни социума.

Человек — существо социальное. С того самого момента, как люди стали

людьми, они выживали совместно, координируя свои действия и поддерживая друг друга. Потому и выжили. Человек «заточен» под жизнь в обществе, в группе. В прежние времена — и не столь уж давние, между прочим — одним из страшнейших наказаний для провинившегося было изгнание из привычной среды, из социальной группы (от семьи до государства), в которую он интегрирован, в которой у него есть и своя функция, и поддержка со стороны других людей. И сегодня одиночество — проблема, от которой страдают очень многие, от которой они несчастны. Всё, что создано человечеством, создано совместно. Кто-то, опять же, скажет: «Неправда. А великие книги, например? Их написали отдельные люди». Отвечу: а написали бы они свои книги, не живя среди людей, не имея соответствующих переживаний, не используя накопленного опыта, не описывая общества, не рассказывая о людях? Невозможно быть отделённым от жизни общества, — если только ты не попал на необитаемый остров или не ушёл в глухие джунгли. Да и там контакт будет, пусть и косвенный, хотя бы через экологию, — ведь мы все живём в одном мире, и меняется он для всех. Человек так или иначе контактирует с другими людьми, и нуждается в них, физически и психологически.

В то же время он ощущает себя уникальной личностью и действительно является ею. То есть не всё для него завязано исключительно на группе, на обществе. Общество — это, кроме всего прочего, какая-то степень унификации, когда что-то общее становится одним и тем же для всех. И это может не нравится личности. Потому что общность не только поддерживает её, но и подчиняет себе, и как бы стремится обезличить. При некотором утрировании получается тот самый ужас из антиутопий, когда одинаковые люди ходят в ногу и посвящают себя целиком неким общим делам. Причём дела эти, вроде бы, для всех, — но поскольку ни у кого нет ничего личного, то они, как бы, и ни для кого. И от этого ещё более жутко.

Глубинное противоречие, о котором идёт речь, выражается примерно так: я хочу быть с людьми, иметь внимание, поддержку и защиту, — но при этом хочу быть абсолютно свободным, самореализовываться так, как мне нравится, и чтобы никто мной не управлял.

Самое интересное заключается в том, что данное противоречие не является чем-то ненормальным, чего не должно быть. Напротив: оно абсолютно нормально и естественно. Потому что и то, и другое — правда. Человек действительно часть общества, и он действительно отдельная от общества личность. Всё сразу. И подсознательно это чувствует. А когда вытаскивает на сознательный уровень, возникает диссонанс. Кажется, что нужно выбирать, — ведь налицо два противоположных полюса. И люди выбирают. Кто-то полностью погружается в

полезную работу и общественную жизнь, отдавая им себя без остатка и пренебрегая жизнью личной и личными интересами. Кто-то находит мрачный компромисс: он идёт на работу, что-то делает для общества, получает за это деньги, а потом приходит домой, закрывается в себе, — и чихать он хотел на общество до тех пор, пока не нужно будет опять идти на работу. А кто-то превращается в завзятого нонконформиста. Он обвиняет общество в попытках его поработить, он никогда ни с чем не согласен, он всегда протестует и старается идти наперекор. Порой это превращается в ярую психопатическую ненависть, и тогда дело действительно может кончиться чем-то ужасным, вроде расстрела прохожих, или в навязчивую шизу, и тогда начинаются разговоры о тотальном контроле и зомбировании. При этом первым всё равно не хватает личной жизни, третьих всё равно тянет к людям, и это пугает их самих, а вторым и отработка на общество не в радость, и уход в микроизоляцию от него не в кайф. Всё это понятно. Ведь каждый из них, делая выбор, отказывается от части себя. И он всё равно оказывается в состоянии дискомфорта. В первом и третьем случаях это перегиб в одной сфере и недобор в другой, во втором случае — недобор в обеих сферах.

Проблема особенно обострилась в последние десятилетия, когда модные веяния стали особо акцентировать ценность личности самой по себе, её уникальность, упирать на её самодостаточность и объявлять личную свободу высшей ценностью. Что личность уникальна, замечательна и ценна — тут не поспоришь; и свобода в самом деле является великой ценностью. Но преподносится и внушается всё это так, что на выходе получаются зашкаливающее самомнение, высокомерие, эгоизм, разнузданность и алчное потребительское мышление. Одновременно продвигается идея о гражданском долге и необходимости действовать на общее благо. И снова получается диссонанс, от которого у некоторых ломается психика и в итоге полностью съезжает крыша.

Призывают к тому и другому, — но в сознании простого обывателя это укладывается плохо. Ведь если я такая уникальная снежинка и меня нельзя ограничивать, то с чего бы мне поступаться своей уникальностью и свободой ради кого-то? С другой стороны, понятно, что если так будут рассуждать все, то общество просто не сможет существовать. Оно развалится. А уникальные снежинки либо передохнут сами, когда некому станет обслуживать их уникальность, либо их сожрут ещё более уникальные. Как же и тут угодить, и там не пострадать? А может быть, есть некоторое количество уникальных, ценных и свободных, а остальные — рабочие муравьи на одно лицо, обязанные их обслуживать? Грызущий душу диссонанс и мучительное противоречие, особенно

помноженные на утверждение собственной исключительности, могут завести и в эту сторону. Что будет дальше, предугадать нетрудно.

Так что же делать? Как разрешить противоречие? Оно, вообще, разрешимо?

Нет. Но лишь по той простой причине, что такого противоречия не существует. В действительности это не противоречие, а два взаимодополняющих элемента. Между ними не нужно делать выбор. С тем же успехом можно пытаться сделать выбор между правой ногой и левой. В результате вы никуда не пойдёте, а грохнетесь и расквасите себе нос.

Суть вот в чём. Если то и другое нормально, если то и другое изначально заложено в человека и имеет место быть как жизненная необходимость, то, по идее, они враждовать не должны. Должны как-то совмещаться. Не отвоёвывать себе жизненное пространство за счёт друг друга, а работать вместе, друг друга поддерживая. Вот и ключевая мысль: работать вместе. Работать на что? Не друг на друга в примитивном, прямолинейном понимании этого, — потому что такой подход опять приведёт к идее, что кто-то ценнее и главнее, и далее приведёт либо к эксплуатации индивидуума обществом, либо к паразитированию индивидуума на обществе. Они должны вместе работать на что-то ещё, что необходимо им обоим. На что-то, что даст обществу цель существования и возможности для движения вперёд, а личности — смысл жизни и возможности для самореализации. Должен быть некий общий знаменатель. То, что объединяет личность и общность как части чего-то ещё. Тогда обе встанут в свои ниши, будут выполнять свои функции и помогать в этом друг другу.

Что же может их объединить? Нечто, о чём и личность, и общность могли бы сказать: «Я существую ради этого». Приведу грубый, но понятный пример. Есть молоток и гвоздь. Глупо спорить, кто из них главнее и кто кого использует. Оба они существуют для того, чтобы можно было что-то построить. Оба работают на выполнение общей задачи. Они существуют ради этого, и без этого не имеют смысла. С человеком и обществом примерно та же история.

На что они могут работать вместе? На некую идею. Именно она может быть для них общим знаменателем, именно она может стать полем для совместного приложения усилий. Понятно, что идеи бывают разные, — умные и глупые, гуманные и не очень, открывающие перспективы и ведущие в тупик. Речь сейчас не о качестве идеи, а о её сущности. Некая концепция, определяющая цели страны, народа, социального класса и т.д., ставящая задачи по достижению этих целей, предлагающая методы достижения, устанавливающая принципы, в том числе моральные. Естественно, на ум сразу приходит слово «идеология». Да, идеология в том числе. Не нужно думать, что это обязательно что-то диктаторско-

пропагандистско-тоталитарное. Идеологии бывают разные. Например, равенство и демократия — тоже идеология. Другое дело, что любую, даже самую умную и гуманную идеологию можно извратить либо просто криво применить. Это уже проблема иного характера. Идея же может быть как основой идеологии, так и неким сектором внутри неё. И на воплощение идеи в жизнь может работать как общество в целом, в виде некоего массива, так и отдельная личность, находящая себе место в этом массиве, но при этом не обезличенная и сохраняющая свободу самореализации.

Возьмём для примера идеологию СССР в первые десятилетия его существования. И не как пример хорошей или плохой идеологии, а просто как удобный пример. В самых общих чертах это установление коммунистического строя, ликвидация социальной несправедливости, правление трудящегося класса, всеобщее равенство и братство трудящихся, совершение мировой революции. Всё общество страны — во всяком случае, большинство его, принявшее эту идеологию — так или иначе работало на эти цели, выступая, так сказать, единым фронтом. При этом отдельные люди занимались тем, чем могли, хотели и умели, работая на то же. Одни управляли, другие занимались международной политикой, выстраивая советскую дипломатию, третьи двигали вперёд советскую науку, четвёртые служили в армии как профессионалы, готовые защитить советский народ и поддержать революционную борьбу других народов, кто-то снимал фильмы, писал книги, пел песни, посвящённые этой борьбе, кто-то учил детей, готовя из них борцов за светлое будущее, и так далее, и так далее, и так далее. Люди разных призваний и талантов находили себе дело в рамках дела общего. Чиновник, посол, солдат, хлебороб, врач, художник, учитель, инженер, кузнец, моряк, — все делали общее дело. Но при этом каждый делал именно то, что он хотел и мог. И мысль, что общество его обезличивает и эксплуатирует, идейному человеку могла показаться странной. Он мог уверенно сказать: «Мы с обществом делаем одно дело. Оно не эксплуатирует меня, а даёт возможность трудиться во имя того, что я считаю правильным и что мне дорого. Я не паразитирую на нём, а вкладываю свой труд в его жизнь и в общие достижения. Оно поддерживает меня, я поддерживаю его. Это ради лучшего будущего для всех». Не факт, что всё там было именно так, — но я взял это в качестве наглядного примера правильного взаимодействия человека и общества через идею. Примера ситуации, когда стремление к общим целям создаёт условия для совместной работы. И само общество, следующее идее, складывается из людей, следующих идее. Тут имеет место не противостояние, а взаимодействие и взаимодополнение. И никто не деперсонализирован, не превращён в бездумного зомби. Это люди, которых

объединяет идея. Она соединяет их в общество. В общество жизнеспособное, сильное, целеустремлённое, творческое, продуктивное и разнообразное.

Так это должно быть, если по-хорошему.

Другой пример, уже из немного другой области. Скажем, в стране акцентируется направление на освоение космоса, — нужно сделать серьёзный шаг в эту сторону. Общество мобилизуется. Специалисты по экономике разрабатывают соответствующие проекты, учёные проводят соответствующие исследования, дипломаты заключают договора по космосу, конструкторы разрабатывают космические корабли, кто-то идёт в космонавты, кто-то строит космодромы, кто-то пишет песни о космосе, кто-то рассказывает о нём детям, кто-то шьёт рубахи с изображением космических ракет и планет, и так далее. Общество идёт к цели, люди реализуют себя в этой цели так, как им по душе. Оно их принуждает и эксплуатирует, или они его? Нет и нет. Все, помогая друг другу, работают на общее дело: на освоение космоса. Почему? Потому что хотят. Потому что понимают: вот сейчас именно это важно и нужно. Если этого достичь, мир станет лучше, и всем станет лучше.

Вот такие два примера. Я их намеренно несколько идеализировал, чтобы показать, что здесь подразумевается под объединяющей функцией идеи.

Идеи бывают разные, и часто воплощаются в жизнь через пень-колоду, чему мы имеем массу примеров. Но суть в том, что идея — это то, что стоит как бы над обществом и над человеком и служит для них общим центром притяжения. Они оказываются уже не сторонами конфликта, а сотрудниками, — т.е. теми, кто совместно трудится ради общего будущего. Человек тут одновременно и остаётся в обществе, где имеет уважение и поддержку, и идёт своим путём, реализуя себя в любимом деле. При этом идея общая и цели общие, — а значит, и конфликту между человеком и обществом не на чем возникнуть, и для конфликтов между людьми меньше причин. У каждого свои вкусы, пристрастия, привычки, увлечения, мнения и т.п., — но для того, чтобы это не приводило к конфликтам, достаточно научиться уважать других людей. Хотя и это непросто.

Как было сказано в начале, человек является одновременно и общественным существом, и самостоятельным. Но это на самом деле не противоречащие друг другу установки, а установки разного уровня иерархичности. И объединяющим фактором, снимающим кажущееся противоречие, для них может служить идея. Идея, в рамках которой для достижения общих целей требуются усилия разнообразного характера. Таким образом человек остаётся в обществе и действует единонаправленно с ним, в то же время сохраняя свою индивидуальность и идя собственным уникальным путём. Идя к тому, к чему идёт

общество, и при этом к тому, к чему он стремится сам. Это даст ему удовлетворение и на глобальном уровне, как частице социума, и на индивидуальном уровне, как личности. И тогда ему можно только позавидовать.

Тут есть два важных момента. Во-первых, для того, чтобы стать объединяющей, идея должна быть не узконаправленной, не местечковой, а достаточно глобальной. Она должна объяснять смысл существования и показывать цели как общества, так и человека. Иначе жизнь общества станет чем-то вроде копошения кучи муравьёв, в каковом копошении смысла будет не в пример меньше, чем в жизни муравейника. Эти копошащиеся муравьи — каждый сам по себе, и при случае они отнимают друг у друга пищу, а то и убивают. Общество, где все уникальные снежинки видят только себя, это не общество, а рыхлый сугроб. Его развеет первый же сильный порыв ветра. Глобальная идея создаёт глобальные взаимосвязи и превращает общество в устойчивую структуру, которая не только не разваливается, но и изменяет мир, в котором существует. Во-вторых, приверженность людей идее должна быть добровольной, осознанной и искренней. Что для этого нужно? Нужна действительно хорошая идея, — не мелочная, не глупая, не садистская, не мошенническая. Такая, которой было бы интересно и не стыдно следовать, которой было бы не жалко отдать свои силы, телесные и душевные, которой не жалко посвятить своё время, к которой не зашкварно приложить свои способности. И нужно воспитание, которое научало бы людей воспринимать такие идеи, здраво оценивать их и ценить, признав достойными того. Воспитание, дарящее миру мыслящих и творческих людей, с совестью, с чувством долга перед другими людьми и миром, с моральными ориентирами и сильной волей. Воспитание людей такими — это уже идея, ради осуществления которой стоит жить.

Я в этом разговоре не даю конкретных рецептов и не рассматриваю, какая идея лучше, какая хуже. Моей целью было сформулировать и донести мысль о том, что одно из самых трагических противоречий, противоречие между личностью и общностью, преодолимо, и как именно преодолимо. Хотя что греха таить: всем же понятно, приверженцем какой идеи/идеологии я являюсь. Но то, о чём я говорю, работает вне зависимости от моих личных взглядов. Оно работает, потому что вот так устроен человек, и вот так устроена жизнь человечества как вида, обладающего своей спецификой восприятия и поведения. Дискуссии же на тему, какая идея или идеология является наилучшей, — это уже из несколько другой области.

© Атархат, 2022

РУБРИКА: **АКТУАЛЬНЫЙ КОММЕНТАРИЙ**

Вперёд в прошлое?

Многие пеняют современному обществу за то, что оно стало чересчур уж свободным, — настолько, что свобода уже переходит в бесстыдство. С этим можно поспорить, но можно и согласиться. То и другое будет правильно. Ибо, во-первых, по чьим критериям определять? Где для одного чрезмерно, там для другого дефицитно. Во-вторых, даже один и тот же наблюдатель в чём-то увидит явный перебор, но в чём-то другом — всё ещё ощутимую нехватку свободы. Неравномерно всё это. А бывает и так, что делают, вроде, что-то правильное, но как-то неправильно... Или не вовремя... Или... Или...

Вот, например, в последнее время в Туркменистане началась нешуточная борьба за нравственность. И достаётся в этой борьбе больше всего женщинам. Им теперь на государственном уровне запрещают увеличивать грудь и губы (тех из них, кто это уже сделал, увольняют из проводниц и стюардесс), запрещают татуировки, накладные ногти (вообще маникюр и педикюр) и ресницы, на государственных предприятиях принуждают давать расписки об отказе от косметики. Запрещают ездить на переднем сиденье автомобиля, а также ездить с

неродственниками. И сверх всего, запрещают мужчинам и женщинам держаться на улице за руки. Таких охальников задерживают.

Вот почитаешь подобные новости, да и почешешь в затылке. Потому что борьба за нравственность — это, конечно, хорошо, да только так можно докатиться до «поясов верности» с пудовыми замками. Хотя многие, как я подозреваю, не то что не удивлены, а вообще не представляют, что в тех краях может быть иначе. Лично знаю людей, считающих Среднюю Азию диким краем, где процветают средневековые порядки. Но ведь иначе было. И кто бы что ни говорил, среднеазиатские республики — часть современного мира. Они не вчера вышли из Средневековья, они прошли через Советский Союз, который привёл их к современному уровню цивилизации. В этом свете то, что сейчас происходит в Туркменистане, это не норма, а явный шаг назад. Я назову это «социальным откатом».

Да, но что с этим в плане нравственности? Тут интересно. Если посмотреть с позиции Учения, то, вроде бы, всё верно. Учение тоже считает, что все эти накачивания губ и груди, замазывание себя косметикой, татуирование и т.п. — неправильно и не нужно. Что от этого неплохо бы отказаться, и что нужно уметь ценить себя и других такими, как есть. Женщина прекрасна потому, что она женщина, а не потому, что она спряталась под отваливающимися слоями косметики, веслообразными ресницами, полуметровыми ногтями жутких расцветок и татуировками. Но вот тут-то и обнаруживается разница в подходе. Мы считаем, что всё это неправильно, — однако не безнравственно. То есть ничего аморального тут нет. Можно привести тысячу примеров чего-то, что неправильно, вредно, глупо или нелепо, но при этом не аморально. Это первый момент. А второй момент — методы противодействия. Мы считаем, что всё должно происходить через воспитание, разъяснение, изменение отношения; что человек должен сам понять, почему то или иное неправильно, и сам отказаться от этого, когда будет готов и когда ему это будет в радость. Запрещать подобные вещи, принуждать и наказывать — не вариант.

Вот и получается, что с точки зрения Учения происходящее в Туркменистане, вроде бы, можно приветствовать, — но на самом деле, нет. Там неверна и мотивация, и подход, и методы. А если ещё прибавить сюда держание за руки, езду в автомобиле и прочее, что на взгляд Учения является совершенно нормальным, то ситуация там действительно начинает напоминать нечто мракобесное, попахивающее самым настоящим Средневековьем.

Можно возразить, что для того региона это нормально, ибо ислам и т.д. Ислам-то ислам, тут понятно. Однако я повторю, что бывшие советские

среднеазиатские республики уже много прошли по пути, ведущему от старого религиозного восприятия мира к восприятию более современному, где больше науки и здравого смысла, чем мистики. Добрая сотня лет движения в таком направлении — это много. Это несколько поколений, выросших в ином социальном и духовном контексте. И если для страны, которая через подобное не проходила, такой подход является исторически закономерным, то для Туркменистана он однозначно регрессивен. Вот это-то и огорчает больше всего. Соскользнуть на пути своего исторического развития на ступеньку ниже — печальное достижение для страны.

А если вспомнить, что из постсоветских государств не один Туркменистан сейчас совершает откат к средневеково-мистическому восприятию мира и его во многом странным представлениям о морали, что есть государства и побольше, и позападнее, страдающее тем же самым, — вот тут уже не до недоуменного почёсывания в затылке. Тут просто становится не по себе. Что-то там дальше?... Хорошо ещё, если только «пояса верности»...

© Атархат, 2022

РУБРИКА: **АКТУАЛЬНЫЙ КОММЕНТАРИЙ**

Никогда, кроме...

И снова об абортах. Да, снова. Уже в который раз. Эта тема остаётся актуальной в мире, копья продолжают ломаться с неутихающим треском. Потому что она важна. Важна, в том числе, и с точки зрения Учения. Ведь если для всех или почти всех это вопрос чьих-то прав, то для нас это вопрос чьей-то жизни и смерти. Для большинства — вопрос о том, что женщина может делать со своим организмом, для нас — вопрос о том, можно ли убивать детей. Так что, думаю, сегодня мы говорим об абортах не в последний раз.

Итак, что же произошло на этот раз? Произошло то, что в американском штате Оклахома в прошлом месяце был принят закон, запрещающий аборты... почти полностью. Начиная с момента оплодотворения, — согласно принятому там определению, это момент слияния яйцеклетки и сперматозоида, — беременность теперь нельзя будет прерывать ни на какой стадии. Однако есть исключения: изнасилование, инцест, а также угроза жизни или здоровью женщины.

Что до последнего пункта, то здесь мы его обсуждать не будем, ибо это совсем особая тема. С ним можно спорить, но с аргументацией в его пользу хотя бы всё более-менее понятно. А вот два других вызывают вопросы. Вопросы по поводу их логичности в плане этики.

Почему аборт не разрешается никогда, кроме указанных случаев? И к чему тут уточнение «с момента оплодотворения»? Учение тоже акцентирует внимание на

упомянутом моменте, — но это потому, что по нашим воззрениям все моменты от оплодотворения до рождения принципиально равны, и речь всегда идёт о ребёнке. В том смысле, что сразу после оплодотворения это уже ребёнок, такой же, как за минуту до рождения. Стадии развития эмбриона значения не имеют. Ребёнок живёт, — и аборт на недельной стадии будет таким же убийством, как аборт на стадии восьмимесячной. Тут всё логично. И, казалось бы, обсуждаемый закон даже соответствует Учению, коль скоро он тоже говорит о моменте оплодотворения, после которого аборт неприемлем. Но, всё же, почему? Потому что они тоже считают ребёнка живым человеком, начиная с этого момента? Если нет, тогда непонятно, зачем это подчёркивать, и почему этот момент оказывается так важен. А если да, тогда как можно разрешать аборт даже при инцесте и изнасиловании?

То и другое с точки зрения Учения ужасно, противоестественно, и ни в коем случае не допустимо. Но если всё же произошло, и в результате зачат ребёнок, разве это лишает его права на жизнь? Кто-то совершил мерзкий поступок — а ребёнок должен ответить за него, должен быть за это убит? Он в чём-то виноват и подлежит казни? Это если считать его живым с момента зачатия. Если же не считать, то почему тогда нельзя делать аборт когда угодно, — скажем, через месяц после зачатия?

Вот тут и нестыковка. Если ребёнок не считается человеком до момента рождения, т.е. до, так сказать, официального начала жизни, если до этого момента он представляет собой просто бесправное скопление клеток, то нет причин запрещать аборт вообще, на любой стадии беременности. Но если он считается человеком с самого начала, с оплодотворения, то его нельзя убивать ни в каком случае, тем более — за чужую вину. Потому что тогда можно убивать и уже рождённых детей. Разницы не будет, — ведь как после рождения, так и до него ребёнок одинаково живой, и он человек.

Поэтому данный момент принципиально важен. Он имеет значение для определения судьбы ребёнка вообще, — как до рождения, так и после. Понимаете, детей либо нельзя убивать, либо можно. Не может, не должно быть так, что вообще-то убивать нельзя, но если ребёнок по чьей-то вине оказался неугоден, то можно. Такой подход иначе как преступным не назовёшь.

Невозможно отрицать, что принятие данного закона знаменует движение в правильном направлении. Однако до тех пор, пока не будет выработан однозначный и всеобщий подход к тому, считать ли пока ещё не родившегося ребёнка человеком, любое законодательное решение на этот счёт будет половинчатым и сомнительным. До тех пор будут дети, которых нельзя убивать никогда, кроме...

© Атархат, 2022

Утопия-2045

На днях Казахстан призвал все страны полностью ликвидировать ядерное оружие до 2045 года. Разработать план, подписать соответствующие договора, а затем воплотить их в жизнь. Было заявлено, что на фоне событий в Украине угроза ядерной войны стала очевидной как никогда, и пора уже что-то предпринимать.

Ценная инициатива, — говорю без иронии. Очень ценная. Жизненно важная для человечества. Странно только, что прозвучало это только сейчас. Ведь ядерные арсеналы стали угрозой для существования мира сразу же, как только появились. С того момента мир стоит на краю пропасти, балансирует на нём даже не то чтобы ежечасно, а ежеминутно, и все мы рискуем однажды проснуться мёртвыми. Да, всегда много говорилось о разоружении, множество людей изощрялось в такой риторике, — но всё это и смотрелось как риторика. А в последние десятилетия и вовсе как-то успокоились, словно подзабыли об опасности. Только она ведь никуда не делась. Пока существует ядерное оружие, жизнь нашего мира будет висеть на волоске, — потому что оно может быть использовано когда угодно. И вот, наконец, кто-то проснулся и что-то предложил,

назвав даже конкретную дату. Надо полагать, текущие события напугали. И это правильный испуг. Такой испуг спасает жизнь. К слову, ещё несколькими днями ранее SIPRI заявил, что вероятность применения ядерного оружия сейчас наиболее высока со времён холодной войны. Ну а что такое «карибский кризис», надеюсь, никому напоминать не надо?

Так вот, казахстанское предложение в самом деле замечательно. Ему можно искренне порадоваться. Но, скорее, самому факту того, что оно было озвучено, нежели каким-то открывшимся перспективам. Потому что перспективы его осуществления достаточно утопичны. Даже не буду говорить «к сожалению», ибо это прозвучит как ёрничество.

Во-первых, трудно ожидать, что все ядерные державы вдруг возьмут и договорятся. До сих пор не могли договориться, даже после распада СССР, когда все поуспокоились и размякли, — а теперь вот смогут, когда есть страна-агрессор, обладающая ядерным оружием. Сейчас стало понятнее, насколько оно опасно, но в то же время как бы стало очевиднее, что оно необходимо для сдерживания. Сдерживание сомнительное, — но стереотипы прошлого всё ещё сильны. К тому же, есть ведь не только известные ядерные державы, но и те, которые себя таковыми не признают (т.е. скрывают свои арсеналы), и те, которые в настоящее время усиленно разрабатывают ядерное оружие, — вряд ли для того, чтобы сразу же от него отказаться. Каковы шансы им всем договориться? Сомневаюсь, что они вообще есть.

Во-вторых, даже если они вдруг договорятся, этим дело не ограничится. Потребуется, в обязательном порядке, чтобы к соглашению присоединились все остальные государства. Нет, договор о нераспространении ЯО от 1968 года имеется. Но его придётся перезаключить и сделать обязательным для всех, а не подписываемым по желанию. Потому что если все ликвидируют ядерное оружие, а какая-то одна страна им обзаведётся, она по факту станет военным гегемоном и сможет диктовать свою волю миру. А ведь это можно (хотя и трудно) сделать в тайне, для виду подписав всеобщий договор, — а потом, в один прекрасный день, поставить мир перед фактом. Следовательно, будет необходима эффективная система контроля, и ещё — способы пресечения деятельности нарушителей. Способы жёсткие и неуклонные, — видимо, вплоть до приведения в чувство военной силой. И делать это должны будут все вместе, а не какой-нибудь один «всемирный жандарм». Коллективная ответственность и совместные действия тут — ключевой момент. Каковы шансы, что все сразу проявят небывалую сознательность, единодушие, честность и ответственность, и это получится? Они более чем призрачны.

Можно привести ещё доводы, — но и двух озвученных достаточно для того, чтобы понять: замечательная и воодушевляющая инициатива Казахстана, видимо, так и останется инициативой. А жаль. До боли жаль.

Со временем от ядерного оружия всё равно придётся избавиться. Или оно однажды избавится от людей. Потому что после даже очень длинного ряда благополучно разрешившихся опасных ситуаций всё равно когда-нибудь возникнет такая, которая не разрешится. Ибо закон вероятностей, человеческий фактор, технические сбои и прочее. Даже в самые спокойные времена. Главное — успеть избавиться от ЯО до того, как это произошло. Все мы вынужденно участвуем в гонке со смертью. Победить в такой гонке можно. И победить придётся. Только не стоит надеяться, что это произойдёт к 2045 году. Оптимизм — это хорошо. Но реализм в нынешних условиях котируется выше.

© Атархат, 2022

РУБРИКА: **АКТУАЛЬНЫЙ КОММЕНТАРИЙ**

Скрижали бесполезного завета

Несколько дней назад в США взорвали знаменитые Скрижали Джорджии. Хотя это там они знамениты, а тут не очень. Так что, кто не знает, — это стоящее на холме сооружение из мегалитических каменных плит, на которых на восьми языках высечены 10 наставлений, предназначенных для будущего человечества. Сооружение, как понятно из сказанного, не древнее: оно было воздвигнуто в 1980 году. Кто его спроектировал и заказал установку, точно неизвестно. Некая загадочная личность, по поводу которой те, к кому она непосредственно обращалась по вопросу установки, до сих пор всячески темнят и напускают тумана. Загадочные Скрижали ожидаемо вызвали ажиотаж, вошли в конспирологические теории, взбудоражили различных оккультистов и сектантов, а благонамеренных граждан заставили подозревать нехорошее. И вот, после нескольких десятилетий интриги, их взорвали. Кто — неизвестно. Видимо, благонамеренные граждане. Сооружение не разрушено полностью, только повреждено. Однако местные власти решили демонтировать его совсем и убрать от греха подальше.

По мысли загадочной личности, человеческая цивилизация скоро разрушит себя, и ей придёт конец. Но что-то от человечества всё-таки останется. Этим

оставшимся понадобится мудрое руководство для построения новой, более разумной и успешной цивилизации. Роль такого руководства и должны будут выполнить принципы, высеченные на Скрижалях.

Принципы интересные, и их имеет смысл привести целиком.

«Пусть земное население никогда не превышает 500 000 000, пребывая в постоянном равновесии с природой. Разумно регулируйте рождаемость, повышая ценность жизненной подготовки и многообразия человечества. Найдём новый живой язык, способный объединить человечество. Проявляйте терпимость в вопросах чувств, веры, традиций и им подобных. Пусть справедливые законы и беспристрастный суд встанут на защиту народов и наций. Пусть каждая нация сама решает свои внутренние дела, вынося на мировой суд общенародные проблемы. Избегайте мелочных судебных тяжб и бесполезных чиновников. Поддерживайте равновесие между личными правами и общественными обязанностями. Превыше всего цените правду, красоту, любовь, стремясь к гармонии с бесконечностью. Не будьте раком для Земли, природе тоже оставьте место!»

Предваряется всё словами «Да послужат эти скрижали заветом Веку Разума», выбитыми на четырёх мёртвых языках.

Вот такая интересная штуковина, произведшая неизгладимое впечатление на множество людей. Тут и грандиозность, и таинственность, и философия, и устремлённость в будущее, и соответствующий пафос. Тот, кто это придумал, поработал хорошо, что и говорить. Но если задуматься, то возникает простой вопрос: а какой во всём этом смысл? Он просматривается весьма смутно. Если вообще просматривается.

Начать с того, что это откровенный до безобразия закос под Моисея. Кто величайший пророк, способный донести до людей принципы, на которых надлежит строить будущее? Моисей, кто же ещё. А принципов должно быть ровно десять, — ни больше, ни меньше. И выбиты они должны быть обязательно на каменных скрижалях. Только давайте скрижали сделаем побольше, дабы публику впечатлили габариты, если вдруг сами принципы не очень впечатлят. Ну и чтобы было понятно, что предлагает их человек серьёзный, а не какой-нибудь дешёвый шутник.

Теперь ближе к сути. Означенные принципы имеют стать руководством для людей, выживших после крушения цивилизации. Хотя не совсем понятно, имеется ли в виду просто упадок с технологическим и экономическим откатом назад, или нечто вроде глобальной войны либо экологической катастрофы, после которой придётся именно что выживать на руинах. Самое интересное, однако же, заключается в том, что начертанные на Скрижалях принципы будут бесполезны в

обоих случаях.

В первом варианте, когда есть упадок и откат, но нет глобального уничтожения материальной и прочей культуры, у человечества останется достаточно философских и моральных руководств по жизни. Философские учения, религии, социальные концепции и прочее, что никуда не денется. На фоне всего этого какие-то десять наставлений, предложенных неизвестно кем и не имеющих под собой никакой обосновательной базы, — поступайте вот так, и всё, — просто-напросто не будут заметны. Мало ли кто считает себя способным давать советы человечеству... Почему нужно слушать именно этого? А сделать их заметнее просто за счёт помещения на огромадные куски гранита — отличная идея, по своей прогрессивности практически сравнявшаяся с уровнем мысли 4-5 тысячелетней давности. Но допустим, что имеется в виду второй вариант, т.е. физическое разрушение цивилизации, когда все её достижения утрачены, а люди будут бороться за выживание. В таких условиях кому-то будет дело до каких-то каменюк, на которых написано что-то, что никак не поможет выжить вот прямо сейчас? Сомнительно. И как это будет? Люди со всего разрушенного мира собираются вокруг этих Скрижалей, о которых как-то узнали и почему-то захотели к ним добраться, единодушно признают именно эти принципы спасительными и решают им следовать. Так? Опять же, почему именно эти принципы? Откуда они взялись? Они уже были известны в рухнувшей цивилизации, ибо оттуда и пришли, — так почему они не помогли ей выжить, и почему они должны кого-то впечатлить теперь? Тем более, что после такой катастрофы уже второе поколение не будет знать, кто такие чиновники и чем они опасны, а при словах «объединение человечества», «мировой суд» и «гармония с бесконечностью» люди будут только недоумённо пожимать плечами. Об общем едином языке тогда не придётся и мечтать. Наоборот: человечество станет дробиться на группы, и языки тоже будут дробиться и изменяться. Ну а идея объяснить предназначение Скрижалей на нескольких мёртвых языках, которые и сейчас-то не в ходу, а тогда будут вовсе непонятны никому, вообще прекрасна. Это именно то, что будет нужно погибающему человечеству, и обязательно поможет ему выжить.

Сами принципы подробно разбирать не буду. Некоторые из них — чистая патетика (Не будьте раком для Земли, природе тоже оставьте место!), другие представляют собой красивые общие слова без конкретного содержания (Превыше всего цените правду, красоту, любовь, стремясь к гармонии с бесконечностью), третьи — отражение нынешней повестки (Проявляйте терпимость в вопросах чувств, веры, традиций и им подобных), четвёртые просто

подозрительны (Пусть земное население никогда не превышает 500 000 000, пребывая в постоянном равновесии с природой).

Что же можно сказать по итогу? Да лишь то, что практическая ценность Скрижалей по отношению к заявленным целям равна нулю. Они не могли бы быть тем, чем им прочили быть. Ну а поскольку трудно предположить, что их задумал какой-то олух, абсолютно этого не понимавший, то, вероятнее всего, мы наблюдаем мистификацию. Насколько она удалась — непонятно, ибо неизвестно, каким был подлинный замысел. Кто-то впрямь очень постарался, всё придумав, разработав и воплотив в камне. Для обычного розыгрыша дороговато выходит. Так что дело тёмное, как говорится.

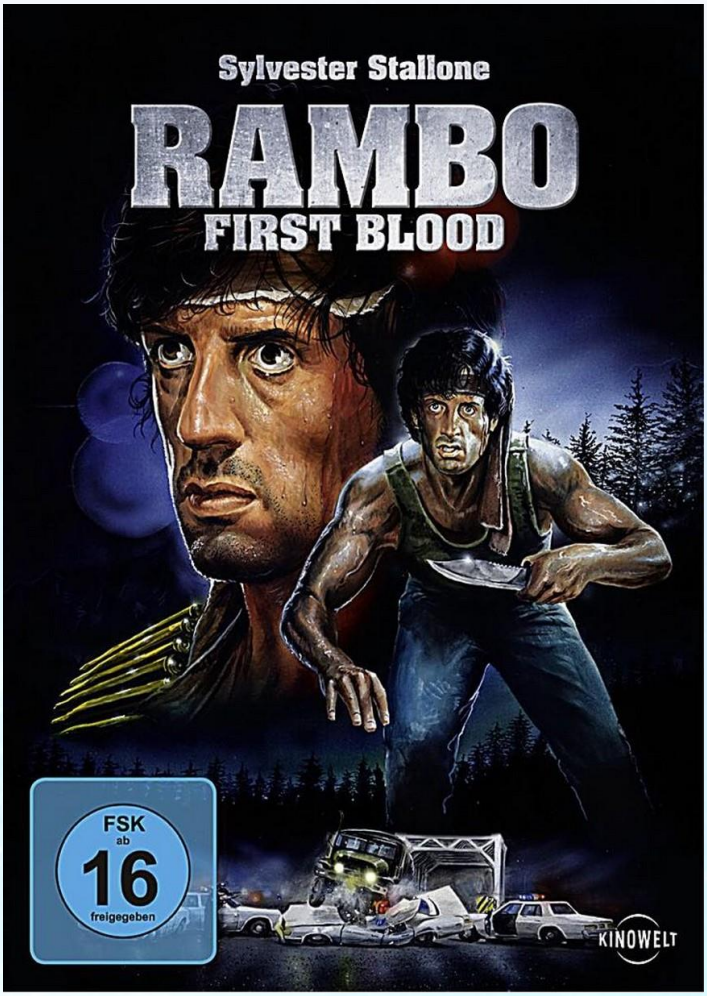
Но то, как множество людей купилось на это, отнесясь серьёзно к явной нескладице, само по себе говорит о многом. Конечно, вряд ли кто-то ставил себе целью столь трудоёмким способом ещё раз доказать легкомыслие современного общества и его падкость на всё таинственное и с виду глубокомысленное. Но если вдруг так, то у него получилось, поздравляю.

Нужно ли жалеть о Скрижалях Джорджии? По большому счёту, нет. Они не были чем-то реально ценным и нужным. Однако мне всё-таки немного жалко. Это был любопытный гранитный казус, заслуживавший внимания в социологическом смысле. Да и на фото смотрелся хорошо.

© Атархат, 2022

РУБРИКА: **ДОСТОЙНОЕ КИНО**

Первая кровь

— Я твой друг, Джонни. Мы вместе увязли в крови и в дерьме. Я не раз спасал твою шкуру. Похоже, выручать тебя из беды стало для меня делом жизни.

— В том, что случилось, виноват здешний шериф. Я просто хотел поесть.

Из разговора полковника и Рэмбо по рации

«Первая кровь» (больше известен как «Рэмбо: Первая кровь») — американский художественный фильм 1982 года по роману Дэвида Морелла.

Возможно, кого-то удивит, что такой фильм включён мною в рубрику о хорошем кино. Это же боевик... Однако удивляться не нужно. Хорошим фильмом, заслуживающим внимания, может быть и боевик. Хотя лично я считаю «Первую кровь» скорее социальной драмой в обёртке боевика, для вящей увлекательности.

Сам я в своё время, очень давно, посмотрел сначала «Рэмбо-II» и «Рэмбо-III». Тогда, по молодости лет, я хотел увидеть именно боевики, и я их получил. Потом я увидел «Первую кровь» — и был, скажем так, в недоумении. Что это?.. Разве это тот фильм? Разве это тот герой? Во второй части он разносил взрывными стрелами лагерь вьетнамцев, в третьей сбивал из лука советские вертолёты, — а тут даже никого не убил. Да, вот такой боевик, без убийств. За весь фильм главный герой послужил лишь косвенной причиной гибели одного персонажа: по нему стреляли с зависшего вблизи вертолёта, он швырнул камень, пилот шарахнулся, дёрнул штурвал, стрелок выпал и разбился. И всё. А в финале фильма он рыдает. И

вот это — Рэмбо?.. В общем, фильма я тогда не оценил.

Оценил позже, спустя годы, после второго просмотра. И был впечатлён. Он оказался антивоенной драмой, а отсутствие убийств стало своего рода манифестом внутри неё. Что же до второй и третьей частей, то это уже боевики ради боевика. Это не в первой части «не тот» Рэмбо, а именно в них (четвёртую часть можно даже не упоминать). Как часто происходит, хороший фильм со вложенным в него важным смыслом в своих продолжениях перестал быть тем, чем был изначально, переродился во что-то совершенно другое.

Начинается «Первая кровь» с того, что в маленький американский городок приходит бывший солдат по имени Джон Рэмбо. Он хочет навестить друга, вместе с которым служил во Вьетнаме. Из дальнейшего сюжета становится понятно, что из их боевой группы выжили

только они двое. Рэмбо находит нужный дом — но оказывается, что друг умер от рака. Во Вьетнаме он нахватался какой-то химии, применявшейся американскими войсками. Рэмбо потрясён этой смертью и тем, что теперь он остался один. Он идёт по улице, и его останавливает местный шериф. Джон спрашивает, где можно поесть, и шериф отвечает, что поесть можно в 30 милях отсюда, потому что «В нашем городе не жалуют никчёмных людей, бродяг». Шериф вывозит «бродягу» за городскую черту и высаживает из машины. Но тот устал, путешествуя на своих двоих, проголодался, и ещё явно не хочет прогибаться перед полицейским произволом. Поэтому он разворачивается и направляется обратно в город. Тогда шериф арестовывает его и отвозит в участок, где над ним начинают издеваться, — всячески глумиться, избивать, обливать из шланга холодной водой и т.д. А у Рэмбо возникают ассоциации с вьетнамским пленом, где его пытали. Когда же его пытаются побрить опасной бритвой, ему мерещится, как его в плену резали ножом, — и он срывается. Лупит полицейских, сбегает из участка и уходит в лес.

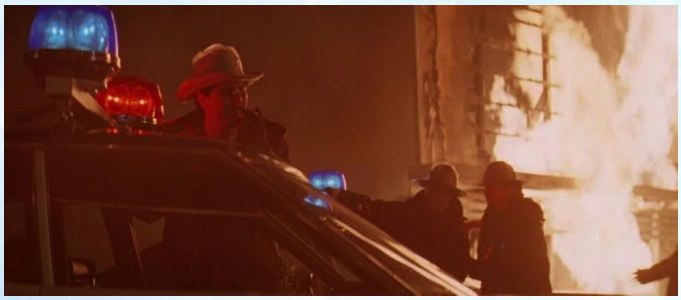

На него начинается самая настоящая охота: полиция прочёсывает местность, приговаривая «Тебе конец, солдат», задействуется вертолёт, свора собак, которых подзуживают разорвать беглеца на куски. И даже когда преследователям сообщают, что они имеют дело с ветераном, имеющим награды, это их не останавливает. Что в итоге случилось с вертолётом, я уже говорил; с собаками Рэмбо расправляется, а всех полицейских ранит и выводит из строя по одному. Шерифу он приставляет к горлу нож и предлагает отвязаться, иначе будет хуже. Затем пострадавших эвакуируют, а Рэмбо прячется в заброшенной шахте. Тем временем на место событий прибывает полковник, который тренировал Рэмбо а потом был командиром его группы, и объясняет шерифу, что у того проблемы, что он схлестнулся со специалистом по выживанию в джунглях и диверсионной деятельности, и что будет лучше для всех, если он, полковник, успокоит солдата и заберёт с собой. Он вызывает беглеца по рации, которую тот забрал у одного из копов, и Рэмбо говорит, что всё начали полицейские и что

первая кровь — на них. Тем временем сигнал пеленгуют, и в дело вступает национальная гвардия. Довольно трусливая, кстати. Вояк хватает только на то, чтобы выстрелом из гранатомёта обрушить вход в шахту. Беглец признаётся погибшим, начинаются поиски тела под завалом.

Но он не погиб. Он выбирается из шахты другим путём, угоняет военный грузовик и прорывается в город, где взрывает бензозаправку. Пока все мечутся, он добирается до шерифа, чтобы свести с ним счёты. Тут появляется полковник и говорит: «Всё кончено, Джонни. Конец». Рэмбо в ярости. Он кричит: «Нет, не конец! Это нельзя просто выключить! Не я затеял войну. Вы отдавали приказы». И затем: «Я вернулся в Америку — и увидел в аэропорту толпы паразитов. Они кричали мне в лицо: убийца детей, подонок». И затем: «На войне я мог управлять вертолётом, водить танк. Я отвечал за технику ценой в миллион долларов. А здесь не могу устроиться парковщиком машин!». Обессиленно опускается на пол и плачет, вспоминая войну и гибель друзей. А потом сдаётся, и его уводят под конвоем, в сопровождении бывшего командира.

Это не только хороший боевик и драма, но и актуальный для сегодняшнего дня и наших стран фильм. Ведь снова идёт война, война вторжения, на которую гонят солдат, разрешают и заставляют убивать. Многие из них погибают сами, многие теряют человеческий облик, у многих оказывается надломлена психика. А что будет потом? Ведь это в самом деле нельзя просто выключить. Они вернутся домой после несправедливой и бессмысленной войны, закончившейся поражением. Кого-то будут судить за военные преступления, кому-то будут просто кричать в лицо, что они убийцы и подонки. Кому-то не удастся найти работу, и он будет сходить с ума, не находя себе места в жизни. А кого-то будут с наслаждением мордовать мелкие и самовлюблённые божки в полицейской форме. Потому что запотевшим забралам наплевать, кто перед ними, — пожилая женщина или ветеран войны. А ещё потому, что это государство вот таково. Оно с удовольствием пожирает не только чужих, но и своих. Оно самозабвенно штампует вот таких внутренне поломанных Рэмбо, и «блюстителей закона», которые опаснее любого психопата.

Это фильм-предостережение. Пророчество о том, что уже было.

Ну а Рэмбо... Вот он, настоящий. Не тот, который в сиквелах. А ведь тот стал нарицательным персонажем. Воинственного амбала, который пуляет из всего, из чего можно пулять, и разносит всё, что можно разнести, сравнивают с Рэмбо. Часто иронически. Но нет. Вы обознались, ребята. Это не он. Тот самый Рэмбо — он немного очень сильно совсем другой.

© Атархат, 2022

Обязанные быть другими

Хорошие люди не торгуются, когда речь идёт о судьбе планеты.
Сериал "Доктор Кто"

Когда-то, в древние, и даже не очень древние времена, небо считалось твёрдым, или ещё каким-нибудь этаким, — но, в любом случае, непреодолимым для людей, которые, к тому же, не умеют летать. Люди жили в своём маленьком мире под небесным куполом, к которому были кем-то приколочены звёзды, никуда из него не собирались, и вырабатывали навыки жизни именно в таком мире, — на своё время и на перспективу. При этом все, вроде, понимали, что лгать, грабить, воевать и делать тому подобные вещи нехорошо, но всё равно их делали. Приходилось бороться за место под солнцем, и этим всё оправдывалось, сознательно или бессознательно. Так было просто можно жить и выживать. При этом когда группа людей отдалялась от обжитых, насиженных мест и попадала в более экстремальные условия, — кучка переселенцев на дикие земли, дальний

торговый караван, экипаж корабля и т.п., — им приходилось включать соответствующее поведение. Приходилось быть более терпеливыми друг к другу, уметь договариваться, прибегать ко взаимопомощи, выстраивать совместную защиту. Конечно, получалось не всегда, — но трудные условия так или иначе оказывали влияние на поведение и выстраивание взаимоотношений. Потому что именно так повышались шансы на выживание.

Пришли другие времена. Небо больше не твёрдое, а люди худо-бедно научились летать. Зато мир стал ещё меньше. Жизнь в нём сделалась несколько более спокойной. Люди всё ещё лгут, грабят и воюют, но в целом стало получше, — не то чтобы всем, но всё же... Сравнивать есть с чем. Ну а поскольку мир стал меньше, человечество в своём стремлении к познанию и расширению ареала обитания обратило взор на небо и выше, в космос.

Да уж, там просторы и возможности такие, какие никому не снились. А если и снились, то в явно преуменьшенном виде. Людям теперь дорога именно туда. Что ж: путешествия и освоение новых пространств — дело привычное. Однако эта новая дорога, на которую человечество вступило пока ещё даже не одной ногой, а хорошо если одним пальцем, гораздо труднее и опаснее, чем все предыдущие дороги вместе взятые. Люди же, как было сказано выше, изменились не сильно. Они продолжают безобразничать. И если раньше они в своих путешествиях уживались кое-как, и при случае всегда норовили проявить эгоизм и продолжить свои происки, то для нового путешествия прежнего уровня отношений, и даже нынешнего уровня, не хватит. Здесь мне вспомнились клингоны, на языке которых даже нельзя сказать «Я тебя люблю». Вместо этого они говорят «Я тебя не ненавижу». Вот такие вот высокие отношения. Не ненавижу — и этого уже немало. Положа руку на сердце — разве отношения людей многим отличаются? Они всю

свою историю резали, жгли, душили, травили друг друга. Даже в собственных семьях. Поэтому у нас, людей, примерно так же: те, кто рядом, не ненавидят тебя, — и уже хорошо, можно на время выдохнуть. Только ведь клингоны — раса из кинофантастики. Они сами по себе — огромное допущение, причём малоправдоподобное даже для выдумки. На них смотришь и думаешь: «Как же вы умудрились в космос выйти, черти? Как не поубивали друг друга до, или сразу после?». Ну а люди живут в реальном мире, и у них так не получится. Не исключено, что они ещё успеют поубивать друг друга до. Ну а уж после — почти наверняка.

К чему я веду? Да просто хочу поставить вопрос: при нынешнем уровне доброжелательности друг к другу и при нынешнем уровне эгоизма, готовы ли люди к тому, чтобы выйти в космос и начать осваивать его?

Правила жизни на Земле будут перенесены и туда, в этом не приходится сомневаться. Не потому что люди такие упёртые негодяи, а потому что они пока не умеют по-другому. Они привыкли так. А ведь освоение космического пространства и других планет будет сплошной экстремальной ситуацией, и весьма жёсткой. Сделать там что-то будет очень трудно, а пострадать или погибнуть — очень легко. Нужны будут взаимопонимание и взаимовыручка. Кто-то скажет: так ведь уже летают, и всё с этим, вроде, нормально. Летают. Но единицы. И им приходится усиленно тренироваться не только физически, но и психологически. Да и то — мы, не бывавшие на их месте, даже не представляем, что им приходится преодолевать в этом смысле.

А что будет, когда освоение космоса начнётся не на шутку, когда туда отправятся тысячи и десятки тысяч человек? Их тоже будут как-то готовить, — но именно как-то. И как бы ни готовили, они всё равно останутся теми же и такими же, какими были на Земле. Прежде всего, дадут себя знать национальная рознь и соперничество государств. Всё будет в диапазоне от личной неприязни до шпионажа и работы спецслужб и контрразведок. Кроме того, человечество потащит в космос оружие. Пойдут военные базы, начнутся опасения враждебных действий, соперничество за лучшие позиции и ресурсы, угрозы ударов с Земли по космическим объектам и ударов с орбиты по Земле. В космос переползут и капиталистические отношения. Это соперничество компаний и корпораций со стараниями разорить друг друга, это рабочая сила, вкалывающая в тяжёлых условиях за гроши, это продажа всего, и ничего без продажи, в стиле «Не можешь заплатить — не получишь воздуха». Это щупальца диктатур, протянутые за пределы планеты, протесты, их подавление, преследование несогласных и всё остальное в широком ассортименте. Наконец, это банальная человеческая жадность, стремление что-то урвать, равнодушие к чужим проблемам, злоба и

недоверие. Я перечислил далеко не все отрицательные моменты. Но и сказанного более чем достаточно для того, чтобы усомниться в светлых перспективах рывка в космос.

Скажете, я сгущаю краски? А я отвечу: разве я соврал хоть словом? Всё перечисленное (кроме, разве, орбитальных ударов) уже имеет место. И губит даже не тысячи, а миллионы людей, а ещё большему числу ломает жизнь. И это здесь, на Земле, где у всех под ногами твёрдая почва, где воздух не является дефицитом, где еду порой можно просто сорвать с дерева, а от неприятностей есть куда убежать. Теперь уберите эти благоприятные обстоятельства, поднимите риски и сложность выживания на порядок, и учтите, что в такой острой борьбе за выживание люди умеют буквально грызть глотки друг другу. Что получится? Мягко говоря, ничего хорошего.

Так что же, путь в космос всё-таки закрыт для человечества? Оно там не выживет? Такое, каково оно сейчас, — вряд ли.

Однако это вовсе не означает, что путь туда заказан. Наоборот: я уже говорил, и повторю, что именно это человечеству и предстоит. Только прежде оно должно стать другим. Люди должны научиться иначе относиться друг к другу, это должно войти в привычку, и даже больше: стать образом жизни, способом существования.

Чтобы государства не враждовали, они должны объединиться в одно, общечеловеческое. К тому же, только у такого государства будет достаточно возможностей и исходных ресурсов для по-настоящему успешного освоения космоса. Национальная вражда нейтрализуется, для начала, глубоким пониманием того, что все расы и народы равны, а в дальнейшем — их постепенным

смешением и слиянием в один народ. Это всё равно неизбежно, и не надо строить на сей счёт иллюзий. Мы все — человечество, и ему больше незачем разделяться внутри себя. Отношение людей друг к другу на частном уровне тоже должно измениться. Нужны отношения, как между хорошими друзьями и соратниками. Доверие, взаимопомощь, взаимная забота, готовность на самопожертвование по принципу «Сам погибай, а товарища выручай». И это не что-то особенное. Нормальные человеческие отношения. Если кому-то кажется, что это не так, то он чего-то не понимает, а самого себя, видимо, уже списал со счетов. При таких отношениях станет невозможным и капиталистическое горлохватство со всеми его «прелестями», — как упомянутыми выше, так и другими. Для эгоизма и тупо-потребительского отношения к жизни тоже не будет почвы произрастания. Им на смену придут стремление к общим целям, человечность и творческий труд на Земле и в космосе.

Может ли такое быть?.. Не слишком ли это хорошо для того, чтобы оказаться правдой?.. Нет, не слишком. Потому что быть таким нормально для человека. Но для того, чтобы норма могла вступить в свои права, надо постараться. Надо поработать над собой, убрать внутреннюю грязь и выработать лучшие качества.

Именно это на сегодняшний день и должно быть главной подготовкой для перехода к космическому этапу человеческой истории. Научные и технические достижения, разработка более совершенных космических кораблей и прочего, — да, без этого не обойдёшься. Но прежде — или хотя бы параллельно с этим — сам человек должен усовершенствовать себя. Потому что он — то самое главное, без чего невозможно освоить космос. Если сам человек не будет соответствовать столь грандиозной перемене в жизни цивилизации, всё остальное, скорее всего, не понадобится, или просто не поможет. Необходимо понять один принципиально важный момент: путь во Вселенную начинается не столько через космодромы, сколько через себя, через человеческую душу, совесть, здравый смысл и силу воли. В космос мы по-настоящему выйдем не через атмосферу, преодолевая тянущую вниз силу гравитации, а через себя, преодолевая то худшее, что в нас есть.

Космическое человечество — не то же самое человечество, которое сейчас живёт на Земле. Оно другое. Оно обязано быть другим, — если вообще намерено быть. Поэтому упор в подготовке к этому нужно делать в направлении себя, и уже потом — в направлении технологий. Человек должен измениться. Он должен стать больше человеком, чем он есть сейчас. Именно таким его примет космос как нормальная для него среда обитания. И только таким он сможет реализовать себя в космосе по-полной, сделав свершения, какие удивили бы даже писателей-фантастов.

© Атархат, 2022

Наше утешение

«Утешение» — небольшой, но очень важный текст. Его можно рассматривать как продолжение «Наставлений сыну». Тот же автор смыслов, тот же адресат. В «Наставлениях сыну» речь идёт о двенадцати положительных качествах, которые должны быть у человека; в «Утешении» говорится о скорби, — какова она для хорошего человека и что для него из этого следует. Нетрудно разглядеть тут логический переход от выработки необходимых качеств к воплощению их в жизнь. Собственно, по Учению иначе и быть не может.

При этом никто не говорит, что будет легко. Скорее уж, наоборот. Ведь у хорошего человека, сопереживающего людям и не могущего смириться с тем дурным, что есть в мире и от чего они страдают, причин для огорчений больше, чем у равнодушного лентяя или не верящего в добро циника.

В начале текста коротко — он вообще очень лаконичен — сказано о причинах скорби и о том, чем она должна быть: *«Ты скорбишь о людях, ибо видишь, что удел их есть удел горестный и недостойный их. И я говорю тебе: скорби, мой сын. Скорби, — и бойся, чтобы скорбь твоя не оказалась слишком мала. При виде человеческих горестей не заплачет лишь камень, — и то потому лишь, что не имеет в себе слёз. Скорби о людях, потому что ты — человек, и живёшь с ними одной жизнью. Скорбь эта есть то, что достойно человека. Но скорбь не есть*

отчаяние, не есть бессилие, не есть свидетельство гибели. Она есть зов, она есть мать решимости, она есть пища храбрости, она есть сосуд силы. Кто подлинно скорбит, тот обращает свою скорбь в вершение. Не бойся же скорби: она тебя не задавит. Ищи в ней то, о чём я сказал; а когда найдёшь — обрати на благо людям» (Утешение, 2-12). Человеческое горе и боль — то, о чём нельзя не скорбеть. Ты — человек, и это не может тебя не трогать. Если не трогает, значит, с тобой что-то не так. Или если трогает мало. Поэтому нужно бояться не того, что от твоей скорби тебе будет тяжело и плохо, а того, что она окажется недостаточной. Иначе говоря, в этом не нужно беречь себя, не нужно отгораживаться от переживаний. Наоборот: нужно прочувствовать всё настолько глубоко, насколько возможно. Но это не должно стать поводом для отчаяния, в стиле «Всё пропало, ничего нельзя сделать». Ничего не пропало, и что-то сделать можно, — если действительно делать, а не сидеть и хныкать над своей и чужой тяжёлой судьбой. Скорбь — сильнейшая побудительная причина к тому, чтобы действовать. Когда кому-то плохо, его надо спасать. Это нормальный, естественный человеческий порыв. Если у тебя его нет, значит, как уже было сказано, с тобой что-то не так.

В чём же при таком раскладе состоит утешение? Об этом сказано дальше: *«Вот в чём утешение, сын: кто скорбит, тот вершит добро, — а добром изживается зло и горе. Если ты скорбишь, то ты вершишь добро; а если так, то придёт для людей счастливый день, когда скорбь не узрит уже для себя пищи. Вот каково утешение; и нет для скорбящего утешения благороднее и достойнее»* (Утешение, 27-29). Скорбь и вершение добра взаимосвязаны. Скорбят тогда, когда видят горе и страдания. У них есть причины. Если изжить эти причины, не будет горя и страданий. А чтобы изжить их, нужно сделать что-то, нужно на смену злу привести добро. И это возможно. Это действительно можно сделать. Вот в чём состоит утешение: ничто не безнадёжно, зло можно изжить, и это в силах человека. Ты можешь увидеть дурное, выступить против него и сделать так, чтобы его в мире стало меньше. Не нужно уповать на капризные «высшие силы», не нужно ожидать, что некий могущественный властитель милостиво сделает что-то. Ты сам можешь сделать. Ты в состоянии сделать мир лучше, ты в силах уменьшить человеческие страдания. И если ты подлинно скорбишь, ты это сделаешь. Твоя скорбь, от которой тяжело и больно, превращается в благо для мира и людей. Нечто мрачное и тягостное служит почвой для взрастания добра. Даже в таких условиях добро живёт и одолевает зло. Это действительно утешает и вдохновляет.

Далее мы находим чрезвычайно интересный момент: *«Я вижу твоё горе и твою скорбь — и ликование наполняет мою грудь. О радость: мой сын — достойный человек!»* (Утешение, 32-33). Выглядит непривычно и странно: сыну тяжело, он

мучительно переживает, — а отец смотрит на него и радуется. Но это принципиально важно. Это подход человека из Учения. Главное не то, чтобы сыну было хорошо, а то, чтобы он сам был хорошим человеком. Ему плохо, когда плохо другим людям, — значит, он добр, он неравнодушен, он умеет сочувствовать, и он сделает для людей то хорошее, что сможет сделать. Отец радуется, видя в нём достойного человека, а не негодяя или эгоиста. Он радуется ещё и за себя, — ибо сумел правильно воспитать сына, и тем самым не потратил свою жизнь впустую.

Вот так нечто вроде бы печальное может стать поводом для радости. Потому что это показатель. Если ты не можешь спокойно смотреть, как другие страдают, значит, с тобой всё в порядке. А ещё это означает, что есть кому им помочь. Так что можно порадоваться ещё и за них.

На самом деле, это отдельная тема в части того, что касается воспитания детей. Речь о том, что нужно не ограждать ребёнка от всего, что может его огорчить, не сдувать с него пылинки, не прятать от него беды мира и горести людей, а нужно учить правильно к ним относиться, учить сопереживать, учить делать добро и бороться со злом. Когда-нибудь мы поговорим об этом специально.

Пока же вернёмся к тексту: *«Вот что скажу тебе ещё: чем больше скорбящих, тем меньше зла. А сердца людей не пусты, — и потому настанет время, когда каждый узнает вкус подлинной скорби. Тогда род человеческий поднимется из праха и скверны, и в каждом из людей возгорится солнце, согревающее мир. Это ли не утешение?»* (Утешение, 35-38). Тут всё просто: чем больше людей умеют сопереживать друг другу, тем меньше они будут делать друг другу зла, и тем больше усилий совместно направят на борьбу со злом, которое всё-таки делается. Когда каждый научится вот так скорбеть, мир людей узнает лучшие времена. На первый взгляд это выглядит странно: что хорошего, что оптимистичного может быть в мире, где все погружены в скорбь? Картина-то мрачная... Однако я напомню, что это не скорбь безнадежности и отчаяния. Это скорбь как неприятие дурного и побуждение к благому. Это как если бы встретились больной и врач. Врач огорчён, что человек болен, — но он может помочь ему, хочет помочь, и поможет. Мир, где люди вот так относятся друг к другу, — это не мрачный мир. Это мир, у которого есть будущее, и будущее хорошее. Знать, что однажды так и будет, — разве не одно из лучших утешений?

Далее дело подходит к основным выводам: *«Утешение — не в избавлении скорбящего от скорби, но в избавлении других от горестей. Кто страдает сам, тот да убережётся от ослепления скорбью о себе. Пусть он обратит её в скорбь о других, — ибо малая скорбь не должна перевесить скорби великой. Кто скорбит о*

себе больше, чем о других, тот впадает в безумие, и ради того, чтобы изжить своё страдание, вершит всяческое зло. Изживающий своё страдание не изживёт страданий мира; а в страдающем мире нельзя быть счастливым» (Утешение, 41-45). Если ты скорбишь о других, то утешить тебя может только то, что им станет лучше. Для того, чтобы утешить себя, помогай тем, кому плохо. Если ты будешь стараться делать лучше себе, такой путь приведёт тебя к эгоизму. А эгоист строит своё довольство за счёт других. Иначе не получается. Так страданий в мире становится только больше. Ну а можно ли пребывать в приятной прохладе, если весь мир горит? Когда плохо всем, тогда плохо и тебе. Невозможно по-настоящему утешиться через эгоизм; он если и даёт некое утешение, то лишь иллюзорное. И от боли мира нельзя спастись иначе, как только изжив её.

И почти уже в самом конце митэвмы, как её квинтэссенция, следует главное наставление: *«Заботься о том, чтобы утешить не себя, а мир»* (Утешение, 48). Это одна из смыслообразующих мыслей Учения, один из базовых принципов, на которых строится жизнь его последователей. Всё взаимосвязано и взаимозависимо. Будешь лучше ты — будет лучше мир; будет лучше миру — будет лучше тебе. Все силы поэтому нужно отдать миру и людям. Нужно стараться утешить их, делая им добро. Только так, пройдя через других, утешение вернётся к тебе и успокоит твою боль.

Сделать мир лучше и людей счастливее — возможно. Силы на это есть у каждого, и возможности есть. И даже скорбь может быть не чем-то мучительно-душным и бессмысленным, а побуждением к лучшему; тем, что подтолкнёт встать и сделать что-то хорошее, от чего станет больше воздуха и света и станет меньше боли и скорби. Это возможно. И так будет.

Таково наше утешение. И это тот редкий случай, когда можно сказать «Всё будет хорошо», — и знать, что это не пустые слова, не безвкусный, набивший оскомину штамп, который ничего не значит и никого не может по-настоящему утешить. Мы знаем, что всё действительно будет хорошо. Откуда знаем? Оттуда, что это зависит от нас.

© Атархат, 2022

Ничто на свете не освобождает от обязанности быть человеком.

(Малая сотня)

Некоторые считают, что люди делятся на две категории: скотоподобных мерзавцев, коих большинство, и тех немногих, кто достоин уважения. Но можно ещё сказать, что люди делятся на две другие категории: тех, кто так считает, и тех, кто так не считает. Лично я отношусь ко второй. Для меня человек — всегда человек.

Да, многие и впрямь низводят себя до скотоподобного состояния. Но это только оттеняет их человечность. Её проблески на обычном для них непрезентабельном фоне видны ярче. А они есть всегда. Потому что человечность — это не нечто приобретаемое, что может появиться, а может и не появиться; она заложена в нас как основа, и её невозможно заглушить окончательно, даже если очень стараться.

Сущность человека — человеческая, как бы странно и неуклюже это ни звучало. Мы можем быть людьми, все и каждый, и мы должны быть людьми. Хотя лучше будет поставить в обратном порядке: должны и можем. Можем, потому что должны. Каждый из нас рождается для того, чтобы быть человеком. Это наше естественное состояние. А если так, то оно должно работать в любой ситуации. В

мире, в котором мы живём, нет ничего, что могло бы сделать это невозможным. Этот мир приспособлен для того, чтобы в нём жили люди, которые ведут себя как люди.

Поэтому настоящих причин для того, чтобы вести себя не по-человечески, не бывает. Для этого не существует полностью убедительных оправданий. Многие скажут, что у них не хватает сил. Но это они хотят так думать. В действительности у человека достаточно сил, чтобы вести себя как человек в любой ситуации. Не будь так, какой тогда был бы смысл в его существовании? Зачем Природе тот, кто не способен выполнять свою функцию? Нет: она позаботилась о том, чтобы он мог быть самим собой, вложила в него всё, что для этого необходимо. Силы есть у каждого, причём в избытке. Может не быть желания их использовать, — это другое дело. Тут уж причины очень разные. Одного терзает страх, другого соблазняет корысть, третьему трудно отказаться от какого-то недостойного удовольствия или дурного пристрастия, у четвёртого ещё что-нибудь. Однако всё это преодолимые проблемы. С ними можно справиться, и силы найдутся. Главное — хотеть.

Ну а чтобы хотеть, нужно воспринимать себя как человека, как благое и сильное существо, способное менять к лучшему себя и мир. И понимать, что мы все должны, обязаны быть такими. Это наша суть и наше предназначение. Это наша жизнь. Именно это на самом деле и означает «жить по-человечески», а вовсе не то самодовольно-меркантильное наваждение, которое многие считают идеалом.

Всё просто. Мы должны быть людьми, потому что мы рождаемся для этого. Всё, что для этого нужно, у нас есть: способность понять, способность захотеть, силы и прочее. Поэтому нет ничего, что могло бы оправдать поведение, недостойное человека. Не бывает ситуаций, когда, поступая недостойно, можно сказать «У меня нет выбора, я могу поступить только так». Выбор есть всегда, и возможность поступить иначе, поступить по-человечески, есть всегда. Нет в мире людей ничего, что могло бы непреодолимо помешать им быть людьми. Но как раз это и есть та истина, которой многие боятся, как огня.

© Атархат, 2022

Одна жизнь в мире материи сменяется другой; меняется облик живущего, и имя, и прочее; и даже род осознающих не неизменен для того, кто многого достиг: но должный путь — один, и он остаётся всегда. (Частица VII, 137)

Как бы дальновиден ни был человек, пусть он даже знаменит своей дальновидностью и уважаем за неё, всё равно он подобен тому, кто смотрит вдаль, стоя на бескрайней равнине. Пусть это будет не фигура речи, пусть равнина и впрямь бескрайняя. Но что видит он? Он видит горизонт. Его взор ограничен, и ему кажется, что перед ним предел. Так, дальше, как будто ничего и нет. Но даже если что-то и есть, то что?.. Если он отправится туда, что он там найдёт? Может быть, ничего не найдёт, и сам исчезнет, канет в небытие? Вот примерно таков любой, даже самый дальновидный человек. Он смотрит на свою жизнь, что-то предвидит,

что-то планирует, — но есть горизонт, в который упирается его взгляд. Это конец жизни. В лучшем случае он верит, что там, за этим горизонтом, что-то есть; но уж планировать там что-то для себя не приходится. Так человек оказывается запертым в пределах своей жизни. Пусть он даже стоит посреди бескрайней равнины, — он всё равно будет со всех сторон видеть горизонт, и будет ощущать себя запертым в ограниченном пространстве.

Это действительно ограничивает его. Он что-то понимает и планирует в пределах жизни, и реализовать себя старается тоже в пределах жизни. Но из-за ограниченности восприятия ему даже это толком не удастся. Потому что его жизнь — лишь звено в цепочке жизней, малый её отрезок. И реализовать себя на отрезке можно лишь имея в виду целое. Представим бегуна, перед которым стометровая дистанция, но который не видит её и думает, что сделать возможно лишь один шаг. Он и усилий прилагает ровно столько. Сможет ли он в таких условиях набрать скорость, сможет ли мобилизовать свои силы, сможет ли реализовать свой потенциал бегуна? Нет. Он будет тащиться, как улитка. Только тогда, когда он делает каждый отдельный шаг, имея в виду преодолеть всю дистанцию и соответствующим образом мобилизуясь, его будет ожидать успех.

Когда человек не знает своего предназначения и подлинных масштабов своей жизни, он не может быть по-настоящему дальновидным, не может как следует мобилизоваться, и ему не удастся сделать то, что он мог бы сделать, на что он имеет силы и способности.

Ведь его текущая жизнь — всего лишь шаг на долгом пути. Она закончится, — но будут и другие жизни. Там у него будут другие облики, другие имена, он будет жить в других странах, среди других людей, будет говорить на других языках. Пусть же всё это, какое оно есть сейчас, не ограничивает его пределами мнимой неизменности, пусть не обременяет страхом потери, после которой ничего подобного уже никогда не будет. Всё будет, и будет оно новым и драгоценным, — таким же, как то, что есть сейчас. А могут быть и вовсе удивительные вещи. Он может родиться среди других осознающих, в иной разумной расе, на другой планете. И то, что он там обретёт, тоже будет близко и дорого ему. На самом деле он не ограничен тем горизонтом, который он видит вокруг себя. На самом деле и простор простирается за горизонт, и сам он простирается за горизонт, ибо оттуда он пришёл на нынешнее своё место, и туда отправится по завершении текущей жизни. Нужно видеть себя таким, нужно понимать себя таким, нужно строить планы для себя такого.

Но он такой не просто так, не потому что потому. Он такой ради большого дела, ради выполнения долженствования. И его путь через жизни, облики и

народы, народы Земли и народы Вселенной, — это путь к выполнению долженствования, которое всегда остаётся неизменным. Ради его выполнения нам даётся право и возможность существовать. На самом деле, долженствование неотделимо от жизни. Оно и есть жизнь. Та жизнь, которая видна до сегодняшнего горизонта, и та жизнь, которая продолжается за ним. Долженствование связует жизни человека в неразрывную цепочку, и сам он продолжает себя в долженствовании, будучи в этом преемником самого себя в каждой следующей жизни. Измениться может многое, — от имени до национальности, от пола до разумной расы, — но долженствование остаётся тем же, всегда и везде. Это единая цель и единый смысл всех твоих жизней. Единый путь, объединяющий их. Чтобы правильно прожить нынешнюю жизнь, нужно видеть этот путь и видеть себя идущим по нему.

© Атархат, 2022

РУБРИКА: **ЦИТАТЫ И ВЫСКАЗЫВАНИЯ**

Всякое твоё деяние есть деяние великое, — ибо даже из малейшего деяния произрастает великое благо или великое зло. (Дэон X, 20)

В жизни не бывает мелочей. В обычной жизни, в быту. Хотя точнее будет сказать так: ни о чём нельзя точно знать, что это мелочь. Потому что кажущаяся мелочь может оказаться чем-то поистине судьбоносным. От крошечной искры может начаться пожар. Не заметил человек маленький камешек, неудачно наступил на него, споткнулся, упал и расшиб голову. На секунду промедлил, идя куда-то, — и разминулся с возможной любовью всей своей жизни. Или наоборот — встретил любовь именно благодаря тому, что промедлил. Сказал кому-то слово, которому сам не придал значения, — и обидел человека на всю жизнь, со всеми вытекающими. Или наоборот — это слово, вовремя припомненное, в дальнейшем помогло ему выстоять в беде. Примеров можно набросать сколько угодно. И это только в том, что касается обычной повседневной жизни. Впрочем, её трудно

назвать обычной, если в ней происходит то, что вызывает такие перевороты.

А ведь быт — это ещё простейшая часть человеческой жизни, её верхний слой, так сказать, пена. Основная часть жизни, качественно иная и гораздо более важная, проходит на более глубоком уровне. Нет, я имею в виду не психологию, — хотя это тоже своего рода незримый слой. Я говорю о самой сущности человека. О той сфере, где его сущность сливается с сущностью Вселенной, а его жизнь сплетается с жизнью Вселенной в одну нить. В нить, вибрирующую от постоянного мощного натяжения, — ибо она протянута из прошлого в будущее, связуя их собою. Всё, что происходит с человеком, отражается на этой нити, заставляя её вибрировать. Она как струна, звучащая от легчайшего прикосновения. Звучащая либо гармонично и красиво, либо как режущая слух нота некой бессмысленной какофонии.

Каждый поступок человека отражается на Вселенной. Пусть незаметно для него самого, — но это та мелочь, которая имеет значение. Если в быту мелочь ещё можно считать всего только потенциальной не-мелочью, — что, между тем, уже заставляет не пренебрегать ею, — то на уровне, о коем идёт речь, она имеет значение всегда.

Прежде всего потому, что каждый поступок так или иначе укладывается во вселенскую систему оценок «правильно — неправильно, хорошо — плохо». А значит, влияет на Дух, — на Дух данного конкретного человека и на Дух вообще, во вселенском масштабе. Делает его совершеннее, — пусть чуть-чуть, но это важно, — либо не делает, и тем самым тормозит его (всеобщего Духа) развитие там, где мог бы ускорить. Тут мы видим, так сказать, сиюминутный эффект, следующий непосредственно за самим поступком, правильным или неправильным. Этот эффект уже сам по себе актуален для всей Вселенной. Человек тут подобен точке, из которой во все стороны расходятся волны, — пусть с виду и не внушительные, но доходящие до границ Мироздания.

А есть и несиюминутный эффект. Есть эффект отдалённого будущего. Ведь это будущее, будущее Вселенной, зависит от того, будет ли её Дух (сиречь душа Творца) достаточно совершенен к моменту, когда должно будет произойти преображение, — то есть переход на следующую эволюционную ступень. Если с этим всё будет благополучно, переход произойдёт, и Творец продолжит жить в новом качестве; если нет, тогда он погибнет. И вот тут уже любая мелочь не просто имеет значение, но вообще выходит на первый план. Потому что её положительный эффект, вроде бы и микроскопический, может стать тем импульсом к совершенствованию, который в критический момент даст Вселенной то, что ей — а значит, Творцу — будет необходимо для преображения и

выживания. Ну или наоборот — отрицательный эффект затормозит всё дело именно на то неуловимое, но роковое мгновение, которое было так необходимо Вселенной для выживания. Когда-то кто-то где-то во Вселенной совершил незначительный благой или дурной поступок, быть может, и сам не обратив на него внимания, — а в итоге этот поступок, возможно, окажется решающим событием в истории Мироздания.

Всё это исходит из глубинного слоя человеческой жизни, но отражается на её верхнем слое, проявляется в быту. Таким поступком может стать что угодно: доброе или дурное слово, брошенный или, наоборот, убранный на улице мусор, и ещё миллион мелочей. Поэтому нельзя недооценивать мелочи. В каждой из них заключён потенциал жизни и смерти, равнозначный потенциалу всей Вселенной. Сама Вселенная чувствует это, — ведь нить её жизни вибрирует при каждом, даже легчайшем, твоём прикосновении.

© Атархат, 2022

О пожелании доброго пути врагам

Вопрос: Правильно ли желать доброго пути убитым врагам?

Ответ: Прежде всего необходимо отметить один принципиально важный момент: у человека из Учения нет врагов. Он никого и никогда не воспринимает как врага. По крайней мере, так должно быть, и этому надо учиться. Даже если тебе пришлось сражаться с кем-то в настоящем бою, где гибнут люди, а твой неприятель считает тебя своим врагом, нельзя считать врагом его. Потому что это подразумевает ненависть и желание зла, — то есть то, что для человека ненормально, и что приводит к гораздо большим разрушениям и бедам, нежели одна смертельная схватка на поле боя. Если не допускать в себя ненависть, то и конфликтов будет меньше. Ты сражаешься не потому, что ненавидишь его как врага, а потому что если не сражаться, будет ещё хуже.

Мы всем желаем добра. А люди дурные или заблуждающиеся нуждаются в этом больше, чем другие. Нужно стараться вести их к добру, — к добру не только для них, но, прежде всего, к добру в них. И если уж так получилось, что пришлось с ними сражаться, это не означает, что нужно менять отношение к ним. Сражение —

дело вынужденное. Можно уважать своего противника, если он храбр и ведёт себя достойно, и в любом случае нужно сожалеть о нём. Он таков не потому, что плох по своей сущности, а потому, что у него огромные проблемы, от которых, в первую очередь, страдает он сам. То, что он делает, это действие его дурных качеств, которые он не может побороть или даже осознать, и действие заблуждений, которые искажают для него мир. Это его беда. Он испытывает боль, — которую, возможно, тоже не осознаёт, или осознаёт, но не понимает, — и сеет боль вокруг себя. Да, может сложиться так, что придётся силой противостоять ему, не позволяя делать это. И даже придётся вступить с ним в смертельный бой. Но своего права на лучшее он не лишается всё равно. В первую очередь права на то, чтобы стать лучше самому. Поэтому желать ему доброго пути правильно. Он нуждается в нём.

Если он убит, то в этой жизни ему уже не обрести лучшее и не стать лучше, — ибо она закончилась. Однако впереди у него следующее рождение, следующая жизнь, и не одна. В предстоящих жизнях он будет идти трудным путём к лучшему, — как и все люди. Путь к лучшему, к добру, — это добрый путь. Чем быстрее этот человек изменится к лучшему, тем меньше он будет страдать сам и тем меньше будет сеять страдания вокруг себя. И, соответственно, чем он хуже, тем больше ему — да и другим — необходимо его изменение к лучшему. Если ты это понимаешь, ты не можешь не желать ему доброго пути. Пусть уже не в этой жизни, пусть на жизни будущие, — это немногое меняет. Его путь должен быть добрым. И нужно помнить об этом, сражаясь с ним.

Обычно тому, кого ненавидят, не желают добра. Наоборот: ему желают всего самого худшего и самых ужасных мучений. Как тут понять его проблему и пожелать доброго пути? Поэтому нельзя считать его врагом и нельзя его ненавидеть. Каков бы он ни был, он — человек. И относясь к нему как к человеку, — даже в смертельном противостоянии, — ты сам сохранишь свою человечность. Бывают ситуации, когда твоя душа не должна соглашаться с тем, что приходится делать твоим рукам.

© Атархат, 2022

О совершенствовании за одну жизнь

Вопрос: Можно ли пройти путь духовного совершенствования за одну жизнь, и потом сразу уйти в мир Духа?

Ответ: Теоретически — можно. Но это теоретически. Практически получается иначе.

Духовное совершенствование, или совершенствование конкретным человеком его частицы Духа, — дело очень важное. Точнее говоря, важнейшее. Во-первых, это главная задача, стоящая перед каждым из нас. Задача, для выполнения которой человек и приходит в этот мир. Во-вторых, это имеет первостепенное значение для Творца, — ведь частицы именно его души мы совершенствуем. От того, насколько успешно это будет осуществляться, зависит будущее Творца. Конкретно — будет он жить или нет. Развиваясь и совершенствуясь духовно мы, люди и другие осознающие, совместно делаем самое важное дело во Вселенной. А если оно самое важное, то, как легко догадаться, оно и самое сложное. Его цена максимально высока, и оно требует самого большого труда.

Это дело колоссально, если смотреть в масштабах Вселенной. Для того, чтобы его выполнить, и выполнить успешно, требуется всё время существования Вселенной и все усилия, которые могут за это время мобилизовать все осознающие. Подобное вряд ли можно представить, даже напрягши всё своё воображение. Но каждый осознающий, в том числе каждый из нас, людей, получает свою собственную задачу, — работу над своей частицей Духа. Во вселенских масштабах это — капля в море. Выглядит скромно и несложно. Однако

и человек в этих масштабах — такая же капля. Сложность и трудоёмкость задачи для целой Вселенной и его задачи в его масштабах более-менее сопоставимы. Иначе говоря, ему примерно так же трудно, как и Вселенной.

Именно потому, что задача человека так непроста, для него Природой и предусмотрен механизм перерождений. Что не получится за одну жизнь, то получится за пять. Что не получится за пять, то получится за двадцать. Или, скажем, за тридцать восемь. Мы решаем свои духовные проблемы потихоньку, шаг за шагом, где быстрее, где медленнее, где вообще почти никак, за целую жизнь продвигаясь едва заметно. Тут играют роль и условия, и обстоятельства, и личные качества, и уровень понимания того, как это устроено, — вообще, огромное количество факторов. По совокупности всех их конкретный человек продвигается в конкретной жизни более или менее успешно. Порой это длится по-настоящему долго, — многие десятки жизней.

Для того, чтобы уложиться в одну жизнь, — пусть это будет даже не первая жизнь, а текущая n-ная жизнь обычного человека, — нужно практически идеальное стечение факторов. Нужно, чтобы эта самая жизнь подкинула необходимые испытания и ситуации для важного выбора, — хотя как раз в них-то недостатка обычно не бывает. Нужно, чтобы рекордно быстро сформировались личные качества, необходимые для такого рывка. Для этого нужно максимально интенсивно и упорно работать над собой, — для чего, в свою очередь, нужно огромное желание и соответствующая целеустремлённость, плюс понимание происходящего, хотя бы приблизительное. А всё это тоже не появляется вдруг. Вообще, нужен трудно представимый уровень мобилизации себя, — а достичь его сложнее всего. Нужно бросить на духовное совершенствование буквально все свои силы на протяжении всей жизни, максимально сосредоточиться на этом. И, опять же, при условии, что будет известно, хотя бы в общих чертах, как это сделать правильно. Ну и наконец, такая степень сосредоточенности на духовном продвижении не должна вырывать человека из жизни социальной. Он не может сосредоточиться только на себе, плюнув на всё и на всех. Это неправильно, эгоистично, и это сведёт к нулю все его духовные усилия. Он должен жить среди людей, трудиться на благо их и мира, при всём при том ещё стараясь как можно меньше ошибаться, делать как можно меньше нечаянного зла и т.д. Ну а кто застрахован от ошибок?.. Нет таких.

Словом, полное духовное совершенствование за одну жизнь возможно, если вдруг всё каким-то образом вот так счастливо сложится. Теоретически для миллиардов и миллиардов возможных ситуаций этого исключать нельзя. Но лучше не ждать, что подобный шанс приплывёт в руки. Лучше просто делать в этом

направлении то, что можешь, — но по-настоящему стараться, не оправдывая свою нерадивость давлением обстоятельств или собственной слабостью. Если хорошо постараться, ставя духовность на важное место в своей жизни, то вполне можно достичь очень многого и в разы сократить для себя количество будущих жизней. Это уже огромная победа. Это то, к чему следует стремиться, и что вполне реально для каждого.

© Атархат, 2022

Об исключении из Учения

Вопрос: Можно ли быть исключённым из Учения? И если да, то за что?

Ответ: Если в Учение можно вступить и если можно из него уйти, то, конечно же, можно и быть исключённым из него.

Хотя можно сказать, что формулировка вопроса «За что?» неверна. Правильнее бы звучало «Почему можно быть исключённым?». Потому что если исключают за что-то, то это подразумевает наказание за какие-то провинности. В данном случае следовало бы предполагать, что это провинности против Учения. Но у нас иной подход.

Чтобы он был понятен, следует сперва задать другой вопрос: для чего люди приходят в Учение? Они приходят для того же, для чего, собственно, люди приходят в любое учение, предлагающее целостное мировоззрение. Для того, чтобы узнать, как устроен мир, каково их место в этом мире, каково их предназначение, и чтобы научиться следовать предназначению, научиться жить в соответствии с ним. То есть цели вполне определённы и конкретны. А теперь давайте проведём простенькую аналогию. Представим, что человек пришёл в некое учебное заведение, выразил желание учиться и был принят. Но учебников он не раскрывает, занятий не посещает, а когда всё же приходит, то

преподавателей не слушает, ведёт себя неподобающе, домашних заданий, практических работ или тестов не выполняет, и не может сдать ни одного экзамена. Что будет дальше? Его исключат. А почему? Да потому, что на самом деле он не хочет учиться. Он просто валяет дурака и морочит голову преподавателям. Потому пусть уходит, уступив место кому-нибудь другому.

Учение — в одно время и школа, и образ жизни. Сюда приходят не для того, чтобы просто числиться. Тут нужно учиться, — так, чтобы было видно и желание, и результат в виде накопленных знаний и умения применять их в жизни. Нужно применять их, прежде всего, к себе, — то есть работать над собой, изживать в себе дурное и развивать благое. Ну а результаты этой работы, если она в самом деле идёт, будут видны по поступкам, — то есть она обязательно будет иметь практическое воплощение, в той или иной форме. Но если ничего этого нет, если человек не учится, если перемен в нём не наблюдается, если его жизнь в своих негативных аспектах остаётся прежней, и такое положение дел его явно устраивает, то вывод тут напрашивается сам собой: Учение ему просто не нужно. Он не собирается делать то, ради чего пришёл в Учение. Только морочит голову, отнимая у Учителя силы, нервы, и время, которое тот мог бы посвятить тем, кто по-настоящему хочет учиться. В такой ситуации Учитель может объявить ему, что исключает его из Учения.

Конечно, изменения в человеке не происходят быстро. Это требует труда и времени. Однако они видны, даже если скромны, — тем более, для Учителя, который хорошо знает своего ученика. Но если проходят даже не месяцы, а годы, и видно, что ученик не очень-то и хочет учиться, и изменений нет, — т.е. никакой работы над собой не ведётся, или она ведётся наплевательски, — то в Учении ему делать нечего. Безотносительно того, что он сам себе об этом думает. Хотя может быть и так, что его поведение демонстративно идёт вразрез с Учением, и довольно быстро становится ясно, что он и не собирается всерьёз учиться и следовать избранному пути. Тогда исключение может последовать быстрее.

То есть исключённым из Учения можно быть не то чтобы за какие-то провинности, — они, и вообще дурные поступки, сами по себе могут быть лишь следствием того, что человек пока ещё не достиг достаточных успехов в работе над собой, недостаточно изменился в лучшую сторону, хотя честно старается. Исключённым можно быть именно вследствие нежелания учиться и меняться. Иначе говоря, если он на словах утверждает, что Учение ему нужно, а на деле демонстрирует, что нет. Если он не намерен делать то, для чего пришёл. Тогда ему просто незачем оставаться в Учении.

Хотя если дело обстоит так, то это обычно становится понятно ещё на стадии

простого ученичества, до его вступления в Учение, — то есть до того, как он становится последователем. В этом случае исключение не требуется: ему просто отказывается в дальнейшем ученичестве, и всё. Несколько таких случаев у нас было. Случаев же исключения после вступления в Учение — пока ни одного.

© Атархат, 2022

УЧЕНИЕ ЕДИНОГО ХРАМА
ИНФОРМАЦИОННЫЕ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ

Сайт Учения. Здесь представлены книги, написанные основателем Учения и входящие в пандэкт «Эрма» (собрание основополагающих текстов Учения, часть из которых представлена в аудиоварианте), а также статьи, ознакомительная информация об Учении, творчество и другие материалы.
http://eosfor.com

Канал Учения на YouTube. Здесь опубликованы различные видеоматериалы, посвящённые Учению: лекции и разъяснения по различным его аспектам, ответы на вопросы, наставления и другие материалы.
https://www.youtube.com/channel/UCMkcEFDFxsQBKx66RRKZIAg/videos

Читайте в следующем номере:

«В конце Вечности» — Каким будет финал существования Вселенной? Наука пока не может точно предсказать это. У неё на сегодняшний день несколько версий, более или менее вероятных с её точки зрения. Среди них можно найти и то, что так или иначе пересекается с версией Учения. У нас уже был разговор, в котором мы касались данного вопроса, — но мельком, вскользь. Теперь настало время обсудить это несколько подробнее.

«Мораль от животного до человека» — Область морали полна интересных и сложных вопросов. Многие из них очень важны, принципиально важны, поскольку от ответа на них зависит, какое поведение считать нормальным для человека, а какое нет. К примеру, вопрос о так называемой «естественной морали». То есть о том, естественно ли для человека такое же поведение, какое естественно для животных. Ведь человек — тоже животное, только высокоорганизованное, а законы Природы, а значит и мораль, одни на всех, разве нет? Ну... Это как посмотреть. Здесь мы сталкиваемся с вопросом, на который не существует простого ответа.

«Все мы родом из прошлого» — Современная психология, социология и другие подобные дисциплины не учитывают одного весьма значительного фактора: того, что каждый человек живёт не одну жизнь. А это и впрямь имеет значение, — потому что мы обязательно приносим с собой что-то из нашего прошлого в наше настоящее. Например, нечто в подсознании. И это нечто, действуя как бы изнутри, оказывает серьёзное влияние на то, каким мы делаем наш сегодняшний мир.

«Триединое человечество» — События, свидетелями которых мы становимся в последнее время, всё вернее подводят к одной простой, но почему-то не для всех очевидной мысли. К мысли о том, что человечество либо объединится в каком-то уже обозримом будущем, либо погубит само себя. Но объединение в мировых масштабах — штука поистине грандиозная. Каким оно должно быть? Вопрос, ответ на который кому-то покажется простым. Что тут думать? Взять, да и пожать друг другу руки! Однако даже пожать руки на самом деле очень непросто. Для этого тоже нужны специальные условия, которые ещё требуется создать.

«Спасительный космос» — Люди смотрят на космос по-разному. Для одних это нечто жуткое, пустое и мёртвое, этакое ледяное и одновременно душное инферно. Для других — романтика и приключения, как в фантастических книжках и фильмах. Для третьих — возможность совершить новые удивительные открытия. Для четвёртых — неисчерпаемый источник ресурсов. И так далее. В принципе, всё это правда. Но главное то, что космос — спасение человечества. Например, как и было сказано, в смысле ресурсов. Однако это только часть картины.